

БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ

ПОЭЗИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Сборник «Поэзия Великой Отечественной войны и антифашистского Сопротивления» широко представляет поэтов НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, ЧССР.

«В одном большом ряду встала тут поэзия Страны Советов и поэзия героического антифашистского Сопротивления, — пишет автор предисловия, советский поэт, участник Великой Отечественной войны Сергей Наровчатов. — У нее была одна цель — победа над силами тьмы, зла, жестокости, победа над фашизмом. Эта цель была достигнута».

Литературная и научная общественность каждой страны — в каждом определенном случае — решала, как лучшим образом представить поэзию, отразившую различные этапы борьбы народов против фашизма. Поэтому болгарские составители, например, открывают свой раздел стихами, посвященными антифашистскому Сентябрьскому восстанию 1923 года; венгерские составители — стихами, воскрешающими память о венгерской пролетарской революции 1919 года. В разделе «Поэты ГДР» мы найдем стихи, посвященные борцам-антифашистам Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, а в разделе «Поэты МНР» — стихи о боях на Халхин-Голе и разгроме японского милитаризма.

Советские издатели, готовя издание, избрали алфавитный принцип расположения разделов.

БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бопдарев Ю. В.

Борзунов С. М.

Злобин Г. П.

Ильин С. К.

Пузиков А. И.

Синельников В. М.

Сурков А. А.

Туркин В. П.

ПОЭЗИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

(СТИХИ ПОЭТОВ НРБ, ВНР, ГДР,
МНР, ПНР, СССР, ЧССР)

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1980

Сб
П67

*Составы национальных разделов
и справки об авторах подготовлены изда-
тельствами и издательскими центрами
стран — участниц «Библиотеки Победы»*

Предисловие
С. НАРОВЧАТОВА

Рисунок на суперобложке художника
Л. ХАЦЛОВА

Оформление художника
В. САВЧЕНКО

П $\frac{70500-103}{028(01)-80}$ 153-80

© Предисловие, переводы, отме-
ченные *, оформление. Изда-
тельство «Художественная лите-
ратура», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Над миром полыхала война, казавшаяся бесконечной. Все пять материков были охвачены ее обжигающим пламенем. В историю она вошла под названием второй мировой, у нас получила имя Великой Отечественной. Свою землю, родину, отчизну вышел защищать с оружием в руках советский народ.

Двадцать второго июня 1941 года наша страна подверглась внезапному нападению разбойничьих фашистских орд. От Баренцева до Черного моря разгорелось невиданное и неслыханное сражение. В те дни главным средством информации был картонный диск радиорепродуктора. Он находился в каждом цехе и учреждении, в любом доме и квартире. Сводки Информбюро, воздушные тревоги, последние новости. Все передачи начинались и заканчивались мотивом, который стал бессмертным. Эту песню можно назвать гимном Великой Отечественной войны. До сих пор, едва прозвучат ее первые такты, как у любого человека, пережившего то время, заволакиваются глаза: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

Слова В. И. Лебедева-Кумача и музыка А. В. Александрова оказались неразрывны в музыкально-поэтическом звучании грозного времени. Вопреки старой пословице, музы не смолкли, когда заговорили пушки. Поэзия стала защитницей родины, боевой соратницей краснозвездных солдат. Не осталось ни одного поэта, не отдавшего своего творчества великому делу победы. Каждая строка становилась пулей, бьющей по врагу. Вместе с поэтами старшего поколения — Демьяном Бедным, Иструсом Бровкой, Павлом Антокольским, Анной Ахматовой, Дзямбулом Джабаевым, Верой Инбер, Борисом Пастернаком, Александром Прокофьевым, Леонидом Первوماйским, Максимом Рыльским, Михаилом Светловым, Ильей

Сельвинским, Алексеем Сурковым, Николаем Тихоновым, Иосифом Уткиным, Степаном Щипачевым, Ильей Эренбургом — встали в солдатский строй те, кто в сороковых годах были еще людьми в самом расцвете жизненных и творческих сил. Назовем из них Ольгу Берггольц и Маргариту Алигер, Мусу Джалиля и Евгения Долматовского, Михаила Исаковского и Дмитрия Кедрина, Андрея Малышко и Аркадия Кулешова, Андрея Лупана и Михаила Матусовского, Николая Рыленкова и Льва Ошанина, Константина Симонова и Ярослава Смелякова, Сергея Смирнова и Апатоллия Софронова, Александра Твардовского и Макенма Талка, Мирзо Турсун-заде и Уйгуна, Вадима Шефнера и Павла Шубина, Александра Гитовича, Владимира Лившица, Александра Яшина. В полный рост встало, заявив о себе стихами, выпесенными из гущи боя, фронтовое поколение советской поэзии. Живые и павшие смешались в этом доблестном ряду. Алексей Недогонов, Михаил Лукониц, Николай Майоров, Владимир Жуков, Эдуардас Межелайтис, Александр Межиров, Сергей Орлов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Марк Соболев, Николай Старшинов, Георгий Суворов, Алексей Фатьянов, Геворг Эмиц, Василь Федоров, Семён Гудзенко, Юлия Друнина, Михаил Дудин, Евгений Винокуров, Мустай Карим, Алим Кешоков, Константин Вапшенкин, Кайсын Кулиев, Михаил Львов, Григорий Люшин, Булат Окуджава, Григорий Пожешин, Дебора Вааранди, Сергей Викулов, Алексей Марков — таков неполный перечень этих бойцов стиха и пули. На смену им встает поросль поэтов, храпящая о войне четкую и жестокую память. Маргарита Агашина и Евгений Евтушенко, Юрий Кузнецов и Владимир Соколов — эти имена стоят многого.

Читатель отметит в этом большом перечне не только вершины поэзии Тихонова и Твардовского, Джамбула и Джалиля, но и многих прекрасных поэтов, навсегда вошедших в людскую память бессмертными строками, как Георгий Суворов:

Свой добрый век мы прожили, как люди.
И для людей.

Отметит читатель многонациональность этого списка. Русские, украинцы, белорусы, узбеки, грузины, молдаване, армяне, казахи, башкиры, литовцы, латыши, таджики, евреи, татары — все народы нашей Отчизны встали плечом к плечу в смертельной схватке с фашизмом.

Обожжет читателя горячее пламя советского патриотизма. Оно и впрямь так жгуче, что его ощущаешь просто физически. Война была всенародной, решался вопрос — быть или не быть нашей родине, Советской власти, коммунизму. Мы выстояли. И не

только выстояли, но и победили. Красное знамя Победы взвилось над берлинским рейхстагом.

В этой беспощадной схватке мы оказались не одиноки. Десятки государств объявили войну державам фашистского блока. В странах, захваченных противником, разгорелось движение Сопротивления. С яростной силой вспыхнуло оно в Польше и Чехословакии, Болгарии и Венгрии — там, где после утвердился мощный лагерь социализма. Народ побежденной Германии стал народом возрожденной Германии на территории ГДР. Бывшие узники концлагерей и герои антифашистской борьбы стоят в одном ряду со своими духовными преемниками — молодыми строителями демократической республики. В далекой Монголии, отважно вступившей в войну с японским милитаризмом, росли и ширились патриотические чувства. Все это вместе — гнев и ярость сопротивляющихся народов, ничем не укротимое стремление к свободе, счастье победы над поверженным врагом — нашло выход в поэзии. Вернее было бы назвать его всплеском или выплеском. Так разбушевавшееся море шеститысячелетний гребень девятого вала, сметающего на пути все преграды.

Наша книга представляет эту поэзию в лучших образцах. В Польше она открывается стихами ее классиков Леопольда Стаффа, Юлиана Тувима, Владислава Броневского. Но праву занимает рядом с ними место Ярослав Ивашкевич. Живой классик, он недавно отпраздновал свое 85-летие, торжественно отмечавшееся всем социалистическим лагерем, всем прогрессивным человечеством. Антоний Слонимский, Юлиан Пшибось, Мечислав Яструп, Константин Галчинский, Адам Важиц, Станислав Добровольский, Люциан Шенвальд, Станислав Лец, Леопольд Настерняк, Ежи Пуцмент, Кшиштоф Бачинский, Тадеуш Боровский, Вислава Шимборская, Тадеуш Ружевич — все они внесли свою лепту в борьбу с фашизмом. Из уст в уста передавались их стихи в оккупированной Польше, поднимая народ на борьбу. После войны они закрепились в людской памяти подвиги героев Сопротивления и Освобождения.

Венгрия представлена в этой книге Белой Балажем и Йозефом Фодором, Анталом Гндашем и Дюлой Ййешем, Лайошем Кашшаксом и Миклошем Радиоти, Ласло Беньямином и Андором Габором. Особо надо выделить Аттилу Йозефа — гениального поэта, отдавшего революции свою жизнь и творчество. Венгерская поэзия еще со времен Кошута была проникнута свободолюбивыми тенденциями. Вполне естественно было появление таких талантов, которые наполнялись дыханием революции, как Йозеф Берда, Имре Чапади, Янош Фельдесак, Ласло Геребеш, Анна Хайнал,

Ференц Юхас, Геза Кепеш, Ференц Кипи, Аладар Комьят, Янош Пилински, Дёрдь Ронаи, Эрнё Шаламон, Дюла Шипоп, Иштван Ваш, Жени Варпаи, Золтан Зелк. Поздней наступательной борьбы с фашизмом стала венгерская поэзия в те годы.

Чехословацкая поэзия пережила вместе со своей страной непечислимые трудности, возникшие на ее пути. Павшая жертвой Мюнхенского сговора, земля чехов и словаков не склонила головы перед наглыми захватчиками. И поэзия — душа народа — осталась непокоренной. Перечень поэтов яростен и волнующ, в нем поименованы не только талантливые люди, но борцы, смельчаки, храбрецы. Ян Брочко, Константин Библ, Вилем Завада, Франтишек Галас, Марцел Герц, Владимир Голан, Павол Горов, Франтишек Грубин, Янко Есенский, Петер Илемницкий, Йозеф Кайнар, Ян Костра, Франё Краль, Милош Крпо, Милан Краус, Эмиль Лукач, Станислав Нейман, Витезслав Незвал, Ладо Новомеский, Ян Пиларж, Андрей Плавка, Мария Пуймапова, Ян Рак, Владимир Райзел, Иван Скала, Ян Смерек, Франя Шрабек, Иржи Тауфер, Иван Терек, Ярмила Урбанкова, Йозеф Чапек. Один из них погиб во время восстаний или в застенках гестапо, за колючей проволокой концлагерей, другие строят сейчас новую социалистическую Чехословакию.

Поэзия Болгарии повторяет путь своего народа, рвавшегося к свободе из царских тюрем, фашистских камер смерти, беспроектной подневольщины. Крум Кюляков, Гео Милев, Асен Разцветников, Крум Пеев, Никола Лапков, Камел Зидаров, Никола Фурнаджиев, Христо Радевский, Тодор Харманджиев, Младен Исаев, Никола Вапцаров, Атанас Смирнов, Иван Пейчев, Веселин Андреев, Александр Герев, Веселин Ханчев, Цветан Спасов, Иван Ниянц, Валерий Петров, Добри Жотев, Атанас Мачев, Давид Овадия — таков состав этой части нашей книги. Революционеры, коммунисты, подпольщики, партизаны, просто честные люди, открыто объявившие себя врагами ненавистного фашистского строя, они каждой своей строкой служили победе социализма.

Сложен был путь немецкого народа. Бесстыдно обманутый нацистскими заправилками, он не сразу нашел дорогу к правде. Но лучшие его люди — герои антифашистского Сопротивления, а потом первооткрыватели демократической Германии — открыли глаза ослепленным людям и вывели их к новой счастливой жизни. Это случилось только в одной части страны, где была основана Германская Демократическая Республика, на западе остался капиталистический строй, и до сих пор там зреют реакционные устремления. Поэзия ГДР открывается блестящими именами Бертольта Брехта, Йоганнеса Бехера, Йоганнеса Бобровского. Это нацио-

нильная гордость, немецкая классика. К ней, бесспорно, должен быть причислен знаменитый Герхарт Гауптман. Он приветственно встретил новую свободную Германию, и прах его покоится на земле ГДР. Мы с глубоким интересом прочитаем стихи Эриха Арендта, Вальтера Демеля, Франца Фюмана, Луи Фюрберга, Оскара Марии Графа, Стефана Хермляна, Макса Германа-Нейссе, Виланда Герцфельде, Эдвина Хёриле, Рикарды Гух, Эриха Кестнера, Курта Хупа, Альфреда Керра, Гертруды Кольмар, Кубы (Курта Бартели), Адама Кукхофа, Вольфганга Лаанхофера, Эльзы Ласкер-Шюлер, Рудольфа Леоппарда, Эвы Липпольд, Ганса Лорбергера, Эриха Мюзама, Иелли Закс, Рене Швахгофера, Вильгельма Ткачика, Курта Тухольского, Эриха Вайнера, Пауля Випса, Пауля Цеха, Макса Циммеринга, Гедды Цишнер, Бергарда Бестляйна. Это стихи надежды и действия, борьбы и поступления.

Монголия выдвинула боевой отряд поэтов, откликнувшихся на борьбу своей страны против японского милитаризма. Мы назовем Д. Тарву, Ц. Дамдинсурэна, Д. Сэнгэ, С. Дашдэдэва, Ч. Лхамсурэна, Ч. Чинида, Ш. Сурэпжава, Д. Гомбожава, Л. Тудэва, Л. Чойжилсурэна, Ц. Гайтава, Д. Пурэвдоржа, М. Ширчинсурэна, П. Пурэвсурэна, Ш. Дулму, Д. Няму. Гражданские и лирические мотивы составляют в творчестве монгольских поэтов прочный стержень. Продолжение и развитие патриотической идеи в монгольской поэзии открывает перед ней широкие перспективы.

Мы не поскупимся в перечислении поэтов, представленных в книге. Сделано это было намеренно. Каждый, отдавший свое творчество святому делу свободы, борьбы за независимость своего отечества, заслуживает поименного упоминания. В одном большом ряду встала поэзия Страны Советов, безраздельно отдавшая себя в грозные военные годы служению Отчизне, и поэзия героического антифашистского Сопротивления. У них была одна цель — победа над силами тьмы, зла, жестокости, победа над фашизмом. Эта цель была достигнута.

С. Наровчатова

**ПОЭТЫ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ
БОЛГАРИИ**

КРУМ КЮЛЯВКОВ

НИКОДИМ

(Послесентябрьская баллада)

У повстанца Никодима
крова пет пад головой,
все унес погром сентябрьскій¹,
сделал пеплом и золой.
Мать, жена и малолетки —
сгибла вся его семья.
Полегли в борьбе неравной
все товарищи-друзья.

Воеет буря, ветер хлещет,
сердце кровью изошло.
Враг жестокий уничтожил
все родимое село.
За селом на черной пашне
тихо дремлют мертвецы —
там, в лесу, на поле боя
пали храбрые бойцы.

Но несется пад полями
шум копыт и сабель звон, —
то летит, звеня оружием,
невидимка-эскадрон.
То с отрядом пролетает
сентябарец Никодим.
Словно ветер непокорный,
вьется черный конь под ним.

¹ Имеется в виду кровавое подавление антифашистского Сентябрьского восстания 1923 г.

Мимо птицы, мимо тей,
всадник по полю летит,
только пыль во тьме клубится
да огонь из-под копыт!
Копь ретивый крутит гривой,
блещет глазом огневым,
как сентябрьский ветер вольный
пролетает Никодим.

Не догопят его пули,
недоступен он врагам,
мчится с ветром по дорогам,
по лесам и по лугам.
Мчится с ветром по дорогам,
материнский слышит стон,
по долинам, по низинам
на копье несется он.

Пастухи дают дорогу,
хлеба пахари дают,
и разбитые отряды
с новой силою встают.
Рать идет, и пет ей счета,
за свободу в бой идет —
словно плещут волны моря,
словно песню лес поет.

В селах радость, страх и ужас,
друг ликует, враг смущен —
над Балканами играет
пламя алое знамен.
Во дворцах, где враг укрылся,
все погашены огни,
чувствует в ужасе предатель,
что близки расплаты дни.

Закрываются ворота,
и почпой густеет мрак.
Над туманными полями
огпеликий вьется стяг.
Жмутся тени вдоль осокли:
над дремотною землей
чей-то крик вдали несется,
чей-то топот, свист и вой...

Но опять стихают села,
дремлет сонная земля.
Замирает ковыльный топот,
спят вечерние поля.
Замирает конский топот...
И опять из мглы полей
долетают звуки песни
и бряцание мечей.

И военный клик несется
где-то в поле у реки.
Чу, погоня! Мчатся кони,
под луной блестят штыки...
И над черными полями,
там, где виснет теплый дым,
вновь ведет свои отряды
сентябриец Никодим.

1929

ГЕО МИЛЕВ

СЕНТЯБРЬ¹

(Из поэмы)

12

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса,
Пелеева сына...

Ахилл был грубою силой.
Был военным демоном.
Ахилл был генералом
Е. Ц. В. царя Агамемнона.
Ахилл был героем,
его украшали
кресты, ордена и ленты.
Опора
порядка и тишины
всей страны...

Но сегодня
мы героев не чтим —
мы не верим героям,
ни чужим, ни своим.

Сожжена и разрушена Троя.
Приам и Гекуба погибли.
Ахилл торжествует...

¹ Поэма посвящена антифашистскому Сентябрьскому восстанию 1923 г.; опубликована в 1924 г. в издававшемся Гео Милевым революционном журнале «Пламык». 15 мая 1925 г. Гео Милев был зверски убит в фашистском застенке.

— Что ему Гекуба? —
Душа его, дикая, грубая,
не слышит, не чувствует
материнских рыданий
над серыми трупами
сыновей, над могилами их безымянными,
без числа,
что выросли вдруг
над землею, от крови сырой...
— Что ему Гекуба? —
Ахилл был великим.
Ахилл был герой.

Бич божий, посланный богом.

Но погибнет Ахилл под проклятиями.
И погиб.
И позорно было его падение —
за убийства расплата.
Агамемнон убил Ифигению и погиб.
Клитемнестра убила царя Агамемнона
и погибла.

Орест с Электрой убил Клитемнестру
и погиб.

И осталась одна,
обреченная на одиночество,
есть и будет
вовек
Кассандра-пророчица,
что пророчит возмездие,
и сбываются все пророчества.
Бессменная прихоть, игра и забава
богов.

Вековечный расцвет божественной страсти.
Смерть для них — развлечение,
воплоть ужаса — шутка.
Смерть, убийство и кровь!
До каких, до каких же пор?
Вседержитель Зевс,
Юпитер,

Ахурамазда,
Индра,
Тот,
Ра,
Иегова,
Саваоф:
отвечай!

Сквозь дымы пожаров
продирается, бьет в твои уши
крик убитых,
воплъ
задушенных,
стон засыпанных заживо..
— Кто
обманул нашу веру?

Отвечай!
Ты молчишь?
Не знаешь?
Мы знаем!
Мы — нас много, —
ты видишь?
Одним прыжком
мы прыгаем прямо в небо:
ДОЛОЙ БОГА!

В сердце тебе бросаем гранату,
штурмом небо берем:
ДОЛОЙ БОГА!

С твоего престола
тебя швырнем
в тьму
беззвездную
бездны
железой —
ДОЛОЙ БОГА!

По мостам поднебесным
проберемся в горный край
и веревками прямо в бездну
опрокинем блаженный рай,

опрокинем
вниз
головой
на залитый кровью
шар земной...
Все, что писали философы и поэты,
сбудется!
Знаем!
Без хозяина! Без бога!
Нам сентябрь будет масм!
Пусть воспрянут
для свободы
человеческие всходы,—
верь,
Земля нам будет раем —
будет!

1924

АСЕН РАЗЦВЕТНИКОВ

МЫ

**Идем мы из темных подвалов, из каменных мрачных
громзд,
где вечно фабричные трубы над городом шумным дымят.**

И жребий великий нам выпал: все слышать, все видеть,
все смель!
Быть первыми жертвами битвы, борясь не па жизнь,
а на смерть!

Идем мы из бездн непроглядных холодной молчащей
земли,
где в угольных шахтах, как в склепах, мы юность свою
погребли.

Мы, крест пз кркп и из лома целуя, кляпемся, друзья,
что кровью своею навеки зажжем мы зарю бытия.

Идем мы из тихих убежищ, из светлых просторов полей,
где солнце согрело пшеницу негаснущей лаской своей.

**Мятеж нашей юности вспыхнул из непамяти вековой,
что соединилась с любовью, зовущей на праведный бой.**

Оттуда, где пестрые скалы, идем мы, поппув свой кров,
из сел, где застыли Балкапы с серебряной гривой снегов.

Крещепная в вихрях холодных, пас в бой на врага повела
мятежная юпость, чьи крылья похожи на крылья орла.

Идем мы из синих просторов бескрайных гремящих морей,
где даже и слабый душою становится в штормах смелей.

И молот, и серп наш, и якорь эмблемой горят впереди.
Пусть они будут навеки в знак дружбы у всех на груди.

Пусть рабство и мрак преграждают нам путь —
мы преграды сметим!
Гремят, не смолкая, сраженья на нашем пути боевом.

И первый удар принимает всегда самый лучший из нас,
тот самый, кто первый в сражение, кто бодр в самый
горестный час.

Мы верим, хоть мало нас будет среди тех, кто вершины
достиг,
мы встретим серебряным утром желанный, далекий тот
миг,

когда покоренная буря угаснет, умолкнут бои
и мирное утро раскроет бездонные очи свои.

Скрестивши усталые руки, на радость мы сменим свой
гнев.

И гордые лица поднимем, с них пот свой и кровь утерев.

И бросит на мирную землю восход затуманенный взгляд,
и солнце лучом поцелует усталые лица солдат.

1922

ВЕСТЬ

Колосья золотые, зерно роняя, гнутся.
Они уходят, мама, они не вернутся.

Там вдали, где гаснет зарево заката,
грохотом их встретит тайная засада.

Два твоих сына, гордых, упрямых,
снопами золотыми повалятся, мама.

Дальше дни и ночи побегут без счета,
и напрасно, мама, будешь ждать еще ты.

И напрасно будешь за полночь в тревоге
просыпаться, слыша шорох на пороге
или мокрый шепот под застрехой темной,—
это что-то грустное вспомнит вихрь бездомный.

Колосья золотые, зерно роняя, гнутся.
Обими обонх, они не вернутся.

1924

УТОПЛЕННИКИ¹

1

День гаснет золотой за темным ивняком,
встречая ласковую сумерек волну.
Усталых выстрелов вдали стихает гром,
и звездный, в вышине, звонарь звонит ко сну.

Баржа на якоре все будет ли стоять,
покрыта тиною и липкою смолой?
Как будто качкий гроб, чернеющую гладь
пошевелив, дарит последний нам покой.

Оковами звеня, в вечерний этот час
глядим на город мы, где свет и суета,
и ждем опять в тоске, не позовут ли нас
с немого берега незримые уста...

Мапит к себе река ладошкою цветной,
и сказочно блестят прострапства под водой —
о, кто же в эту ночь, истерзаный, больной,
кто полетит туда падучею звездой?

¹ Во время кровавого разгрома Сентябрьского восстания в придунайских районах Болгарии схваченных жандармерией повстанцев вывозили на баржах и топили в Дунае.

Нежно-розовый бутон
утро раскрывает,
над листвой росистых крон
пар прибрежный тает.

Мать, застынь над током вод
в этот час рассветный —
синий сумрак бережет
сон их безответный.

А русалки, встав кругом,
будто кто создал их,
остудили чистым льдом
ран пыланье алых.

Обложили их травой,
облекли в вуали,
над разбитой головой
лили сплетали.

Свечки робкие зажгли
и в тиши укропной
зарыдали, в глубь земли
гроб зарыв огромный.

Мать, застынь над током вод
в горести бескрайной,
бездна светлая влечет
безутешной тайной.

Мы посим веночки из вербы и стрел водореза,
днем сходимся в трюмах лежащих на дне кораблей,
а к порту берем топоры, кистени и обрезы
и разом садимся на призрачных белых копей.

И молча по дну извивающейся вереницей
летим за виденьем чудесной и светлой страны,
и ужас в зрачках наших темно-зеленых грезится,
и светится серпик ощеренной желтой луны.

Мы помним отвагу, и песни, и грозы сирени,
и в пламени розовом старый разрушенный Лом,
и нашу последнюю схватку в каком-то селенье,
и, зубы оскаливший волчьи, кровавый разгром.

Как раненых раковин полость в постели замшелой
лелеет сокровище, спрятав его в темноту,
так ставшую чистым кристаллом, жемчужинной белой
и мы неизменно храним в своем сердце мечту.

А рыбы речные покинули норы, и в стаи
голодные сбились, и нас на пути стерегут,
с жестокостью дикой набрасываются, кусая,
и вспухшую мягкую плоть безнаказанно рвут.

И вечером вешним однажды, когда разольются,
долину лаская, лучи безупречной луны,
за трапезу сев, рыбаки в изумленье наткнутся
на дивный кристалл, на зерно неземной близны.

И все наши песни, и вся наша жажда свободы,
простора и солнца в их души вольются тогда,
и сразу на лбах, ставших темными от непогоды,
сквозь сетку морщин, пламеней, заблещет звезда.

1923—1924

КРУМ ПЕНЕВ

В КОНЦЛАГЕРЕ «ЭНИКЕЙ»

Летите, дни! Не сломят нас невзгоды —
дух закаленный крепок и суров.
Мы помним звон цепей под мрачным сводом
и отблески багряные боев.

Что вы, те дни, не дожитые нами, —
оборванные бурями цветы,
в сердцах незарастающие раны,
снаряды ли, чьи гильзы уж пусты?

Что вы, те дни, — засвеченные лепты,
игра с охранкой царской в жизнь и смерть?
Слы, полные тревог. Свистки. Агенты.
Допросов, истязаний круговерть...

Или вы — зов надежды пробужденной?
Летите, дни! Свобода к нам грядет!
Довольно пролил враг, уж изможденный,
кровь наших ран. И больше не прольет!

НИКОЛА ЛАНКОВ

РАССТРЕЛ

Сумрак звездный, сумрак сплпй,
раскаленная луна,
посреди полночной стыни
плачет женщина одна.

По кустарникам, пенстов,
ветер свищит, словно жгут;
двадцать смелых коммунистов,
связанных, на смерть ведут.

Выкопали в грунте твердом
яму, где лежать самим.
— Пли!.. — Поют в порыве гордом,
каждый смел и несломим.

Прошумела смерть над строем
храбрых женщин и мужчин.
Посылает смерть героям
подло каждый карабин.

Но отважною орлицей
гордо песне в небо плыть,
перед пулей не склониться
и сильнее смерти быть.

КАМЕН ЗИДАРОВ

ПЕСНЯ

Ширь безымянная, борьбою,
одной борьбою ты полна...
И гаснет солнце над тобою,
и с волей ты разлучена.

Лишь тучи пасмурными днями
несет нам вечная беда,
но над твоими деревнями
дрожит и светится звезда.

Не знаю я, какая участь
тебе предопределена,
но ведаю я, что, намучась,
народ поднимет знамена.

Ты взглянешь взором возрожденным,
в котором отблеск огневой,
народ увидишь озаренным
бескрайней волей и мечтой.

Ты — яростна. Мне не известна
твоя стезя. Но знаю я,
что заклокочет гневной песней
поруганная жизнь твоя.

И колеса гигантский обруч,
пройдя сквозь хаос, гнев и гам,
раздавит и отбросит напрочь
все, что когда-то было там.

1938

НИКОЛА ФУРНАДЖИЕВ

ВСАДНИКИ

Всадники, всадники... Кровь лишь сочится
болгарская
отчие доли и отчие небо в огне.
Где наш народ, где земля наша вечно бунтарская
скорбное ровное поле, ответишь ли мне?

Сук над повешенным ветры качают со скрипами
пусты равнины, чадит непелицами тьма;
всадники мчат, мать-земля провожает их всхлипами
словно поет и рыдает там гибель сама.

Брошено дерзко копье над полями и стогнами,
кровью обрызгано, светит в полуденный час;
мечено небо огромными красными окнами,
словно и небо разгневало, глядя на нас.

Всадники, всадники,— бездой дорогу обрезаю,—
отчие доли и небо огнем замело!
Ветер гудит... Мне и страшно, о мама, и весело,
с песнею гибнет просторное поле мое!

1924

СОВЕСТЬ

1

МУКА

Столько муки, в сердцах наших стонущей,
столько крови на дне наших душ,
но не жду ниготкуда я помощи,
кто-то шепчет мне на ухо: рушы!

Эта песня мне нравится, весело
я иду по сверканью росы,
и трусят сквозь крошечное месиво
вслед за мной мои серые псы.

Идет меня за холмами на пастбище
стадо темных и нежных овец,
и земля — словно мрачное кладбище
сумасшедших и пьяных сердец.

О, душа моя, к крови привычная!
Боже-господи светлый, прости!
Заблудилась луна горемычная
в дыбом вставшей собачьей шерсти.

На пути впереди что-то черное,
страх на сердце, и тяжесть, и сушь.
Гаснут взоры, страдания покорные,
и над ухом шипение: рушь!

2

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Сердце в тяжелой муке изывает,
за грехи с лихвой плачу кручинной,
а господь над миром помавает
теплым ветром, песней журавлиной.

Страшно полотно ворот грохочет,
словно совесть, сруб колодца стонет,
нива все слышней во тьме рокошет
и под серою попоной тонет.

Кто же выбрал мне судьбу такую,
труд солдатский, боже, что за мука!
Дома ото всех тайком тоскую,
месяцами шкочу ни звука.

Знаю, что прощенья я не стою,—
хватит ли молитв моих смиренных,
чтоб увидеть вновь перед собою
спины двух волов моих бесценных?

Сердце в тяжелой муке изнывает,
за грехи с лихвой плачу кручиной,
а господь над миром помавает
теплым ветром, песней журавлиной.

3

У Ж А С

Не молю, не надеюсь на чудо,
чтоб пришел ко мне кто-нибудь в гости,—
кровью черною полны сосуды,
пред иконой — кровавые кости.

Боже-господи, страшно, певнятно
ветер стонет в окне, запедужась,
ногтем трогаю плесени пятна,
облепившие степу, как ужас.

Небеса меня вовсе забыли,
и, секирой слепя, по просторам,
кто-то скачет на черной кобыле,
чтоб на свадьбу позвать меня взором.

Не сводя с меня глаз воспаленных,
он секирою огненной машет,
словно ждет, что из мной умерщвленных
кто-то путь ему верный укажет.

Боже-господи, видишь, мне влили
не елей в лампаду, а крови,
и все ближе на страшной кобыле
он с секирой своей наготове.

ХРИСТО РАДЕВСКИЙ

БУДУЩЕЕ

Я знаю:

ты наступишь,
ты придешь.

Дышу тобой.

Ты дашь нам изобилье.
Ты грянешь, словно после зной дождь,
чтоб освежить нас, дать надежде крылья.

В молчании, в злобещей душевной мгле
я слышу нарастающий твой рокот.
По умощенной трупами земле,
в пожаре войн идешь ты издалека.

Придешь —

и мой заковапный язык
освободишь,

и дашь мне мощь героя.
И если я умру,
то в грозный миг,
пред тем как навсегда глаза закрою, —
пусть будет мой предсмертный крик
стихами,
вдохновленными тобою!

1940

ПИСЬМО

Дождь за окном, ветра гудят, бушуя.
Любимая, все ближе осень. Да,
она идет. Но не о ней пишу я.
Неотвратимо

осень, как всегда,
с земли приметы жизни убирает.
Но у природы есть неписанный закон,
которому ход жизни подчинен:
родится все, цветет и умирает.
Опять придет весна.

И, сердце веселя,
жизнь сменит смерть.

Под синим небосклоном
веселая заговорит земля,
и семя стеблем прорастет зеленым.
Созреет, свесится тяжелый плод,
и радоваться солнцу будут люди
и птицы петь.

Но в день прекрасный тот
меня, быть может, на земле не будет.
Любой из нас свою заплатит дань,
когда пора нагрянет грозная.
Час близится зловещий, и тогда
ты о моем земном услышишь крае.
Весть беспощадная промчится над страной:
«Ворвался враг. Два наших самолета
подбиты, и погибли два пилота.
Пал рядовой...»

(Я — этот рядовой.)

И долго будешь плакать ты,
и станут

бездонными озерами глаза.
Здесь жизнь свела нас по причуде странной
на срок — пока не загремит гроза.
Не жизнь,

а бой за хлеб, страдания без меры.

Не жизнь,
а жажда выйти на простор.

За шар земной вступили в бой две эры,
и мы в погибельный вступаем спор.

ТОДОР ХАРМАНДЖИЕВ

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

Выплыл я из рассветного лета,
бел мой путь среди ясных лугов.
Тень от рук моих лепится метой
по фасадам соседских домов.

Вдоль дворов я иду, словно в детство,
вдоль знакомых до боли плетней,—
все глядеть мне, не наглядеться,
окна в розах с окрестных полей.

Белый копь мой ступает счастливо,
в окна гляну, склонившись с седла,
надо мною не стяг — просто слива,
ветка сливы, что спешно-бела.

Я пройду вдоль ограды и сада,
и почувствую я в тишине
то, что сердце у каждого радо
человеку на белом копе.

Мои братья меня ожидали
каждым утром, проснувшись едва.
Я пришел из немыслимой дали,
где, как хмель, опьяняет трава.

Поднял солпце своими руками,
полдень вспыхнул, прекрасен и нов,
и земли, что я мерял шагами,
засияла от этих шагов.

МЛАДЕН ИСАЕВ

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Далеко Комсомола время,
тревожной молодости дух!
Но звоны боевого стремени
улавливает вновь мой слух.
Сентябрь с полуночной луною,
с огнем повстанческих знамен
встал над Огостою-рекою,
от наших дней не отделен.
Нас — юных комсомольцев — с хода
не остановит пулемет,
и мы летим в лучах восхода
и крыльев чувствуем разлет.
Но мы разбиты в час проклятый.
Глухой покой в родном краю.
И для живых навеки свята
кровь, пролитая в том бою.
Припик я бледными устами
к земле, в которой сверстник мой
зарыт под чахлыми кустами,
сраженный пулею шальной.
И снова с верным карабином
я шел чащобой между скал,
пока по вздыбленным вершинам
луч заревой не заиграл.
Далеко Комсомола время,
но, если б снова жизнь начать,
мне б так же, как писал в поэме,
под стяг твой славный встать опять.

РОМАНТИКА

Скорбит ли ныне в мире кто-нибудь
под сумеречный хрип аэроплана,
что бессердечный век смог зачеркнуть
старинную романтику нежданно?

Сирены и сердца моторов в лад
звонят мелодиями безымянными,
и в пламени тревожных дней блещут,
поют антенны над меридианами.

Летит в эфире мощная волна,
ничем не достижимая, незримая,
и сокращает свой полет она
на небе, где клубятся тучи дымные.

Быстрее ветра в самый дальний край
несутся вести тропами эфира,—
Америка живет чем, чем — Китай,
и чем — Страна Советов, светоч мира.

Тревожен голос этих телеграмм,
летающих к нам с далекого Востока,—
там, за Сибирью, нивам и горам
гореть в военном пламени жестоко.

Скорбит ли ныне в мире кто-нибудь,
услышав танков грохот неустанный,
что бессердечный век смог зачеркнуть
старинную романтику нежданно?

Смешная скорбь не омрачит меня,
грядущее с надеждами своими
восходит из разрухи и огня,
социализм — его святое имя.

1933

* * *

Борьба так беспощадна и жестока.
Борьба, как говорят еще, эпична.
Я пал. Другой меня сменил, и... только —
исчезла лишь какая-то там личность.

Расстрел, а вслед расстрелу — черви, —
и все это так просто и логично...
Но знай, народ, с тобой в отрядах первых
пойдем вперед мы в буре необычной!

14 ч. — 23.VII.1942¹

ИСТОРИЯ

О чем поведаешь, история,
нам на страницах запыленных?
Мы неизвестные, которых
в цехах, в конторах миллионы.

Мы дети пахарей забитых,
пропахших луком и махрью,
из-под густых усов порою
бранивших нашу жизнь сердито.

¹ Первая строфа стихотворения написана весной 1942 г., вторая — 23 июля 1942 г., за несколько часов до расстрела.

Не откажи хоть в добром слове
за то, что мы тебя кормили
событиями и нашей кровью
в несчетных битвах напоили.

Ты только схватишь контур самый,
внутри, я знаю, будет пусто.
Вам не расскажут алатоусты
об ежедневных наших драмах.

Агитки увлекут поэтов,
важны им темпы, а не люди.
А наша мука невоспетой
бродить в пространстве долго будет.

Описывать навряд ли падо
жизнь, что и жизнью звать нет права:
копнешь — она запахнет смрадом
и горькой будет, как отрава.

Нас на межах глухих рожали,
где рос терновник дикий, грубый,
а наши матери лежали
в крови, от боли стиснув зубы.

Мы гибли, словно в стужу мухи.
Оплакивая наши души,
плач превращали в песнь старухи,
но лишь один бурьян их слушал.

А если живы оставались,
то все в поту — с утра до ночи —
мы на работе надрывались,
трудились мы, как скот рабочий.

Отцы внушали нам сурово:
«Так было от начала света!»
А мы плевались, хмурия брови, —
казалась глупой мудрость эта.

Мы, дом отцовский покидая,
шли на простор нетерпеливо,
с надеждой жаркою мечтая
о жизни светлой и красивой.

О, как мы ждали напряженно
в кофейнях грязных до рассвета!
С каким огнем в глазах бессонных
читали новости в газетах...

Надеждой тешились мы детской,
а небо низкое давило,
свистел горячий воздух резко...
Так больше жить нельзя!.. Нет силы!..

История, в твоих писаньях
под каждой буквой строк папевных
и наше прокричит страданье,
оскаливая зубы гневно.

И так как жпзнь нас не щадила
и тяжелой лапою шершавой
нас по устам голодным была,
то и язык у нас корявый.

Стихи, которые украдкой
мы создаем в часы ночные,
не дышат ароматом сладким,—
они короткие и злые.

Наград за муки нам не падо,
портретов наших за станками
не помещай в томов громаду,
что накопила ты веками.

Но расскажи простою речью
бойцам, идущим нам на смену,
что мы за счастье человечье
боролись стойко, неизменно!

П И С Ь М О

Адрес:
Сеньоре
Франческе Лаборе.
Хуэска.

Мама,
Фернандес убил!
Фернандеса
в поле зарыли!

Фернандеса
нету в живых!
Фернандес —
в братской могиле:
пал, защищая Мадрид.

Он добрый был и молодой —
за что же его убили?
Разве же стихнет бой,
хотя мой Фернандес в могиле?

Мама, лишь ты одна
в сердце моем читаешь.
Слезы несет война —
сколько их? — не сосчитаешь.

Встречным смотрю в глаза:
может быть, людям — легче?..
Вижу: дрожит слеза
на ресницах у женщин.

Может быть, умер брат,
может быть, пал их милый,—
молодость чью-то опять
злая шрапнель скосила

Может быть, точно как я,
ждут они милого друга,—
да только сырая земля
сжала объятия туго!..

Мама, его не вини:
сам, мол, пошел сражаться.
Спрятаться от войны —
может ли это случиться?

Мама, Фернандес — прав.
Благословенна храбрость:
лучше, героически пав,
сгинуть, чем жить по-рабья.

Казалось, что хлеб у нас есть:
можно двоим прокормиться...

Но сыну-то — нечего есть,
если бы сыну родиться!

Тут и другое... Сказать,
что тут еще причиной?..
Люди идут умирать —
разве за хлеб единый?

Бомба попала в блиндаж —
сто откопали мы трупов.
Похоронили сейчас.
Да рассказать это трудно...

Видела это сама,
собственными глазами,
не узнавая людей:
застыло очей слезами.

Луч, светозарный блик
лег на их лица, хоть в муке —
так показалось на миг! —
к нам простирались их руки.

Словно гроба разломав,
сто — в одного человека,
нерасторжимый сплав,
дружно слились навеки.

Тут поняла я: не мог,
милый не мог уберечься!..
В поле кровавом лег,
нет на земле нам встречи!

Мама, Фернандес убит!
Нету Фернандеса, мама!
В землю Фернандес зарыл!
Плачь, умывайся слезами!

Только вот со стариком
как же?.. Не вынесет горя!
Плачь осторожно, тайком,
плачь одиноко и горько!

Если ж оп что невзпачай
вдруг и прослышит сторонкой,—
— Все хорошо,— отвечай,—
ждем,— отвечай,— мы ребсика.

Ты говори: Долорес
детские песенки учит.
Вот в чем,— скажи,— интерес:
внучка родится или внучек?

Что б я ни стала писать,
выйдет лишь боль и горе...
Шлет тебе дочка поклон —
Долорес Мария Гойя.

ИСПАНИЯ

Чем ты была обычно для меня?
Ничем.
Почти погибшая страна
гидадьго, голых гор...
Чем ты была обычно для меня?
Костром
любви жестокой,
что упивается несыто
кровью,
сверканьем скрещенных шпаг,
гитарой
и треском касташет:
всё — страсть,
и набожность,
и ревность, что ни шаг...

Теперь — ты жизненная участь,
мое призванье и судьба.
Я обручен и неразлучен
с тобой, пока идет борьба.

Теперь свое обрел я счастье
в твоих успехах боевых:

в них — доля моего участия,
мой подвиг — в подвигах твоих.

И на уме одно: победа!
У пулемета в землю врыт,
дерусь на улицах Толедо,
дерусь у стен твоих, Мадрид.

Вот рядом голубеет блуза:
рабочий пулею прошит,
и кровь его пз-под картуза
горячим ручейком бежит...

То кровь — моя: по этим венам
течет, как прежде в пем текла —
папарнике моем бессменном
у лапкаширского котла,

где мы с лопатами стояли
у огнедышащей печи...
Нет, нашу юность не сломали —
все так же в сердце кровь стучит!

Спокойно спи... В меня вольется
святая кровь твоя, мой друг,
и новой силой отзовется,
и землю оживит вокруг.

И, заалев на черных пашнях
и заструясь по городам,
подымет к бою братьев наших
на смену нам, в подмогу нам —

на зов ее гудят заводы,
сурово пахари идут,
клич окровавленной свободы
услышит весь рабочий люд.

Кровь укрепляет баррикады
и души мужеством крепит,
крича, что выше нет награды,
коль наш — Мадрид!

коль наш — Мадрид!

Мир — наш! И всякая частица
земли — для нас!..

Пусть в этот час
под небом южным
мирно спится
тебе...

Но, друже,
веруй в нас!

АТАНАС СМИРНОВ

ВЕСТЬ

Памяти Ивана Владкова

Я на волпы Москвы был пацелен,
по шкале осторожно скользя.
Ты вошел и промолвил:
— Расстрелян!
Только что сообщили друзья.

Словпо током пронзило мне тело,
и эфир даже стал молчалив,
только кнопка, как прежде, алела,
луч закатный на миг отразив.

Мрак скрывал наши скорбные лица,
но открылось во тьме для меня,
как вдали за тобою клубится,
рдея, зарево летнего дня.

За окошком, над крышей соседней
мощных крыльев слышался взмах
отлетающей птицы последней
с растворенной печалью в зрачках.

И средь комнаты порозовевшей
раздались, как из гущи листвы,
звуки песенки, отяжелевшей
жаром страсти и светом любви.

И я понял, что этот призыв
с детства давнего был ему ведом,

жил он, чуткое сердце склонив
и к желаньям народа, и к бедам.

Потому что с далеких тех пор,
как его в ветхой зыбке качали,
он влюбился в гайдудский простор,
в голубые балканские дали.

И сейчас, когда едет обоз
под седой величавой горою,
песня слышится в скрипе колес
и прощальное слово героя.

Луч вечерний затеплился, рдян,
путь извилистый в пламени алом,
словно грузных телег караван
направляется к дням небывалым.

Шаг пспешен у юных возниц,
горы круты, и пропасти дикы,
и румянец задумчивых лиц
придорожной под стать землянке.

ИВАН ПЕЙЧЕВ

СТЕНА

Цокают мерно в тупнелѣ
грубых саног подковки:
раз-два, раз-два, раз-два.
Серы шипели,
из стали виштовки,
стена холодна.
Раз-два, раз-два, раз-два.
А помнишь, в доме родном
на стене есть темные метки.
Там, возле этой стены,
где с песней встает рассвет над гнездом,
ты, чтоб казаться большим,
на цыпочки привставал незаметно.
Сейчас ты подходишь
к другой стене.
На пей, удушающе черной,
виштовками вымеряют твой рост,
твой рост высотой до звезд.
За этой стеной
бунтуют в деревьях соки,
высоко крылья взмывают,
зеленые пики
диких острых верхушек
в небо ели вонзают.
И ветер гудит в парусах на море,
слышный отчетливо в синем хоре,—
за этой стеной.
За ней травянистые влажные шепоты
в тихую тьму ползут по земле,

и стрекочут кузнечики,
и хлеб лежит на столе.
Мерцает бездонная высота,
почь вздыхает устало,
и поцелуями обметало
ласковые уста.
Звея, колыхнется жито,
в поле стучат копыта,
олень меж теней загустевших вдали
проходит, трубя встревож...
Пли!
Мать, настигнутая старостью,— плачь!
Ты, любовь далекая,— плачь!
Ты, товарищ, возле машины своей,
ты, на стропилах белых,
ты, в черной шахте,
ты, у штурвала,
с лицом, пассатами иссечённым,
плакать не падо, не смей!
Распухшими рапеными ногами
мы теплоту свою
вроем в зсмяю, что так холодна.
Рухнет стена,
не сумевшая встать в человеческий рост,
и чистая кровь
на щербатом цементе, на выступе каменном,
станет надеждой и знаменем.

1943

ВЕСЕЛИН АНДРЕЕВ

СОКРОВЕННОЕ

Не знаю, как назвать тебя, родная!
Хоть рвутся звуки из души на свет,
я имени любви моей не знаю,
и слов таких сердечных в мире нет.

За то ль, что в муке полюбил когда-то,
тебе принадлежу я навсегда?
А может, в этом время виновато —
суровые, геройские года?

В великое решающее время —
с расстрелами, с застенками, с борьбой —
любовь у нас земнее и острее,
ведь... гибель ждет, быть может, нас с тобой...

А нам по двадцать пять всего... И снова
зовет нас юность, будоража кровь...
Нет, нет, мы встретить смерть с тобой готовы,
отдать готовы даже и любовь.

И пусть никто на свете не узнает
про солнечный июльский день один:
в мечтах счастливых был Владимир с нами...
наш пережитый, наш желанный сын...

Великий грянет бой... Пройдет. Затихнет.
Наступит жизнь, богата и светла...
Мечта о нашем сыне не погибнет —
бессмертная пред темной силой зла.

И молодость, прекрасная такая,
заменит нас среди родных долин!
И вместе с нею вырастет, родная,
и наш Владимир, долгожданный сын...

август 1943

РАЗДУМЬЕ

Любовь взрывчаткой в тебе залегла
и камень могла бы испепелить!
Но ты ведь жаждешь только творить...
С детьми о сказках говорить...

Но нет у тебя на это прав.
Дети расстреляны. Села в дыму.
Ты ждешь в засаде, чтоб вышел враг,—
надо сполна воздать ему.

Это юности нашей дым:
ненависть испепелила.
...А как же иначе мы защитим
то, что сердцу мило?

Балканы, июнь 1944 г.

БАЛЛАДА О КОММУНИСТЕ

*Памяти моего товарища, партизана
Стефана Минева — Антона.*

Сколько его терзали? Ни один не вырвался стоп.
Сами губы сказали, выдали имя: Антон.

Выдал им свое имя, неделю молчал потом,
с язвами кровавыми тело горело огнем.

«Где же твои партизаны?» Он видел любимый отряд, глаза как будто в тумане, но тверд его смелый взгляд.

Агент, фашист озверелый, выстрелил, злобно кляня. Фашисту сказал он смело: «Убийца, стреляй в меня!»

Насыпали в раны соли, как жар горящих углей, он стиснул зубы от боли, не выдал муки своей.

Вдохнуть он мог еле-еле и вытянулся, недвижим, враги на него смотрели — и мертвый он страшен им!

«Не человек, а железо!» — буркнул агент-фашист. И мертвый тихо отрезал: «Нет, коммунист!»

ВЕСЕЛИН ХАНЧЕВ

ЛЕНИН

Он должен был родиться среди нас.

В такое время должен был родиться
и такой:
обыкновенный, как вода и хлеб,
что каждого насытит,
всем пьедесталам мраморным чужой,
глядящий далеко,
в такую даль, что звезды близ,
от быстрого движения истерто
пальто,
пола взметнулась, как крыло.
Неумолим и весел он, как пламя,
что жжет богатые дворцы.
Его чело,
как облако, за коим блещут мысли,
как молнии...
Под чуткими руками
взрастают и поэмы и бойцы
и деревца восходят и эпохи.

Он должен был родиться среди нас.

Так ждут леса, черпы перед восходом,
с воздетыми руками,
чтоб солище взять;
созревшее в ночи
зерно в измученной земле
так пабухает

во имя жатвы,
так, если даже мать и умирает,
плод боли
появляется на свет
в определенный час.

Он должен был родиться среди нас.

Он должен был родиться,
чтобы правда
повсюду водворилась, как закон,
чтоб в молот переплавилась верига,
в струну — патрон,
чтоб горсти превратились в гпезда
дружбы,
чтоб были нашими пути,
дождь перламутровый,
уста,
склопенные для поцелуя,
и травы сочные, и свет, и тень,
чтоб ты явилась, милая свобода,
и нам сказала:
«Люди, добрый день!»

Он должен был родиться среди нас.

О, должен был!
И если б не родился,
его мы сами создали б тогда,
ему бы дали имена,
нежнейшие на свете:
Звезда,
Надежда,
Воля
иль Возмездье.
Его б мы сами создали тогда,
чтоб разделить
между собою
счастье —
в груди своей носить его,
как сердце.

ИЗ «СТИХОВ В ПАТРОНТАШЕ»

1

Поднял на руки сонную дочку,
крепко обнял желу.
Поезд тихо пошел перед ночью
на закат, на войну.

Разговоры отрывисты. Грозно,
тускло дула блестят.
Ах, от дыма, паверное, слезы
на глазах у солдат!

2

Отсвистели в потемках спаряды.
Тихо сделалось сразу. Ну что ж —
«Марш вперед!» — и уходят отряды
в леденящий декабрьский дождь.

Там, где села горящие, — фрицы.
А за нами — родная страна.
К месту боя, в людской веренице,
молчаливо шагает она.

4

На страцинском плато¹, в пределе,
где царит надмирный покой,
спит солдат в пробитой шинели,
замолчавший спит часовой.

Тихо звезды над ним мерцают,
утром росы блестят светло,
облаков бипты целенают
окровавленное чело.

¹ На Страцинском плато (Югославия) части болгарской армии, вместе с частями югославской Народно-Освободительной армии, в октябре — ноябре 1944 г. сломили ожесточенное сопротивление немецко-фашистских войск.

Семеро в степи, от глины рыжей.
Шестеро живых. Седьмой — убит.
Холмик над могилой выше, выше.
Мягкою землею седьмой укрыт.

Все равно — их семь в степи унылой.
Ни поща не падо, ни Христа.
Нет креста — винтовка над могилой.
Мертвый тоже не уйдет с поста.

Под страцинской горной крутизной
враг прополз и круг замкнул стальной.
Был по нас, снарядов не жалел,
знал — два дня никто не пил, не ел.
Он грозил, ругал нас, звал из тьмы,
чтоб на все рукой махнули мы.
Но молчали мы под ветром жгучим,
без патронов, прижимаясь к кручам,
но, к земле прижав среди камней,
мы молчали, губы сжав плотней.
Но молчали раненые глухо,
боль тая, чтоб вражеского слуха
ни единый звук достичь не мог, —
сдерживали стои, скрывали вздох.
Так вот рядом — и живой и мертвый, —
на земле холодной распростерты,
мы лежали и молчали так.
Черной немоты не вынес враг.
Струсил, отступил — настолько страшен
был твой голос, о молчанье наше!

Спи, моя русокосая дочка...
Синеглазка моя, над тобой
громовое «ура» не грохочет
вперемежку с трескучей пальбой.

Спи, дочурка, под сенью покоя!
Баю-баюшки! Радуйся сну.
Я иду среди грохота боя,
чтоб твою убережь тишину.

23

Вокруг земля, земля пустая.
Ни выстрелов, ни голосов.
Но здесь они пройдут. Я знаю.
Дорогой той. У тех кустов.

Ползут их цепи, прячась ловко.
Холодный щупаю курок.
Не страшно мне. В руках винтовка.
Друг рядом. Я не одинок.

Молчим. Нам разговор не нужен.
Друг смотрит пристально вперед.
Осечку может дать оружие,
Друг никогда не подведет.

24

Мы спали бок о бок, по-братски делили
патроны, табак и мечты.
И наши винтовки подругами были.
И рядом со мною шел ты.

И весили равно у нас патронташи.
Дружище мой, выпало нам
по праву победу великую нашу
с тобою делить пополам.

АЛЕКСАНДР ГЕРОВ

ВЕРА

Человеку верить надо
в то, что буднично и просто.
Что нам громкие тирады?
Что нам хитрые вопросы?

Нужно верить брату, сыпу,
я любимым верить падо,
звонким песням соловьиным
над зеленым тихим садом.

И когда опять злоеще
загрохочут барабаны,
в небе молнии заблещут
и засвищут ураганы —

мы сурово и спокойно
преградим дорогу бедам
и вернемся с поля боя,
озаренные победой.

ЦВЕТАН СПАСОВ

ВОСТОРГ

Сердце, воспевай открыто
молодость в ее желанье
горсть песка забросить в море,
в волны, мчащиеся буйно,
сумасшествовать, мечтать и
жадно, огненно влюбляться.

Ныпче в час вечерний жарко
целовался я с любимой
и, пленен ее очами,
возвращался, весь в смятенье.
Дождь ударит белой плетью —
я не обращаю вниманья.

Зпаю, смерть за мной крадется,
караулит потаенно,
знаю я, что мне не скрыться
от ее косого взгляда.
Но жалеть меня не надо,
что безвременно погибну.

Если я живу мечтаю,
если радуюсь я жадно
юности, кипящей яро,—
я готов в бою погибнуть
ради юности, что чахнет
в бедности, труде, заботе.

Сердце, воспевай открыто
молодость, что страстно любит.
Пой — ведь в этот стылый вечер
чувствую себя я гордым.
И жалеть совсем не стоит,
что паду во цвете лет я...

ИВАН НИВЯНИН

Г И М Н

Народная участь сияет,
в сердца молодые вошла;
бедняцкая участь сзывает
нас всех на большие дела.

Гайдуцкие песни удало
мы с девушками запоем;
над крышей бедняцкою ало
мятежное знамя взовею.

От яростных бурь не отпрянем —
себя закуем мы в брону,
с надеждой и мужеством встанем
и грянем навстречу огню.

В нас вере светить неустанно,
бунт пламенный в сердце сокрыт;
над отчей равниною брашной
победа парода звесит!..

ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВ

В ПУТИ

(Из поэмы)

8

Автобус с дороги
въезжает в поселок,
затекшие поги
в миллионах иголок.

Но пусто на ярмарке,
торговли в рядах нет,
и остро товарами,
как прежде, не пахнет:

ни кожей, ни чарочкой,
ни маслом из кадок —
эрзацы по карточкам,
немецкий порядок.

И вдруг!.. Среди жонглеров,
шарманок, рулеток,
атлетов, актеров
и мотоциклеток —

гром! — но не из тира —
звук выстрела хлесток:
бежит, тычась в дыры
забора, подросток,

и в касках, с винтовками
патрульных орава
с привычной сноровкой —
погоня, облава.

И все врассыпную,
и в тот же момент ты
суть видишь иную:
повсюду агенты.

Расставлены сети,
и вот уже нет его,
и — словно бы дети
жгут соль бертолетову —

трещат автоматы,
и вроде бы хочется
присесть ему как-то,
но падает, корчится.

(Он матери бедной
на зов не ответит
и полдень победный
с другими не встретит,

слез, брызнуть готовых
из глаз возмужавших,
и вольного слова
с губ, долго молчавших,

в цветах эшелонов,
речей, — мир чудесен! —
и флагов с балконов,
и песен, и песен...)

Распластан в пыли он,
и гильзы дымятся,
и землю тоскливо
царапают пальцы,

но тонкие руки
трепещут недолго,
в густеющей струйке
слышится челка.

И быстро над бровью
твердеет короста.

Все это в безмолвье.
Без музыки. Просто.

Пропай, дерзновенный!
В стремлении к свету,
что было бесценно,
все отдал борьбе ты.

9

Потрясенный автобус бежит слободой и деревней,
мимо бывших читален, где ныне грохочут бильярды,
мимо возчиков на колымагах с бортами, как гребни,
вдоль рядов шерстобоев, склонившихся к арфам, как
барды.

«Нет, веревку злодеям,— гремит фабрикант,—
а не пулю!»—
ожидая поддержки. Но он ошибается: рядом
слышен женщины всхлип, и нахмурились, плечи
сутуля,
старик, и ремесленник жжет его яростным взглядом.

К верепице часов несмолкаемый грохот примешан,
строй столбов телеграфных, простор за окошками
темен,
и, потрясшийся, сжатый в углу, ты становишься
пежес,
о товарище думать начав, хоть тебе незнаком он.

Ни одеждой в глаза не бросается он, ни походкой,
просто более смел, и умен, чем другие, и честен.
В лагерях голодает, годами гниет за репеткой
и идет на расстрел — за тебя,— хоть тебе неизвестен.

И, кто знает, быть может, он здесь, на соседнем
сиденье —
тот солдат? или школьник? в какой выступает он
роли?

Осторожен же будь, чтоб случайное даже движение
не задело его, не могло причинить ему боли.

Автобус бежит вдоль запретки —
 лагерь на славу сработан.
 Лили Марлены у сетки.
 Танки. Раухен ферботен.

Возле колонки — владыки,
 пять нибелунгов: замашки
 господ, ветчинные лики,
 спущенные подтяжки.

Сигналит шофёр, и — чудо! —
 хоть контакта давно нет,
 окрестность дрожит от гуда,
 автобус клаксоном стонет.

Стонет, ревет, грохочет,
 дергается, буксует,
 высказать что-то хочет,
 о чем-то трубит, протестует.

Словно режут пассажиры,
 вздохнуть мечтавшие вольно,
 словно кричит полмира,
 словно простору больно.

Кто подобные звуки
 слышал хотя бы однажды,
 знает, сколько в них муки,
 злобы, гнева и жажды!

Но техники от колонки
 мотор обступают зловеще,
 и рвут проводочки тонкие
 в горле ключи их и клещи.

Конец. Клаксонного рева
 не слышно. Поля немеют
 и люди. Лишь немцы снова
 стоят у колонки. И блеют.

Снова, снова в дорогу. Летит молчаливо куда-то
 (как летит молчаливо навстречу пространство окрестное)
 школьник, двое с ребенком, шофер, старики и солдаты,
 врач, охотник и парочка — все ваше сборище тесное.

И в углу своем — ты. И, зажмурившись, внутренним
 взглядом
 прозреваешь, что, как ни трясет, не грозит вам авария
 и что это совсем не автобус, не спутники рядом,
 а — своя, и чужая, и пестрая наша — Болгария.

1943

ДОБРИ ЖОТЕВ

МОЛЧАНИЕ

И вновь тебя пытать, в застенки тесные,
придут и палачи, и главари.
Тебе их злое карканье известно:
«Кто? Где? Ну говори же, говори!»

Но будешь нем. Хоть боль — огнем, не искрами,
хоть для тебя твоя отчизна-мать
смогла в беде слова такие выстрадать,
что можно б мертвых ими поднимать.

Ты будешь нем. Ты должен молча выстоять,
хоть есть слова, оставшиеся там,
которыми с друзьями-коммунистами
стрелять бы и стрелять бы по врагам.

Друзьями будет все твое досказано —
слова борьбы для них и сохрани!
А здесь, а здесь, истерзанный и связанный,
ты знать не знаешь, кто и где они.

Молчи! Ни звука перед палачами!
Пусть ад, пусть смерть. Ты к этому готов.
Твоя победа здесь — твое молчание,
и родине оно слышнее слов.

АТАНАС МАНЧЕВ

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Пусть трепещет земля,
как листок потревоженной пвы!
Пусть

вместо солнца

пылает

пожар!

Пусть, словно гейзеры,

дыбятся взрывы

и зверь-человек

терзает

мятущийся шар!

Пусть

плоды созревают,

кровью набухшие,

и смрад источает роза,

попав в суховей,

а Марс

вереницы жертв своих

глушит

в просторах

бескрайних полей!..

Пусть,

расчесавши рапы,

век этот корчится в муках!..

Сломай ходули-тростинки,

твердо на землю ступи!

В битву всемирную ринься!

Свобода — порука!

Не стой в стороне в эти дни!..
 В борьбе небывалой
 за хлеб,
 за лучшую долю
 путь свой найди —
 по сердцу и по уму!
 Иди по нему,
 иди сквозь засады неволи,
 к народу иди своему!..
 И пусть
 послед
 болтают людишки сытые:
 слеп, мол, народ наш
 и любит безумно свой плен,
 куда, мол, бросаешься
 с пылу и жару ты-то —
 ведь ты не Камиль Демулен!..
 Ведь ты
 не Левский¹,
 не Александр Великий!
 Не шпорь понапрасну —
 борьба ведь не Буцефал!
 Призывы твои —
 Дон-Кихота воскресшего крики,
 который опять
 на мельнице чью-то попал!
 А лучше всего
 в уголок укромный забиться
 и жизнь поберечь дорогую —
 одна ведь она.
 Молчанье сегодня —
 уютнейшая позиция,
 затон без коварного дна...
 С советами добрыми
 будут соваться
 чипуши,
 и не один по тебе
 слезинку прольет...
 Оставь им кудели и прялки.
 Молвы их не слупай.

¹ Левский Васил (1837—1873) — один из крупнейших болгарских революционеров-демократов, борец за освобождение Болгарии от османского ига.

Вперед,
и только
вперед!
Мыслью вонзись,
словно бур,
в пласты непочатые.
Сметай с пути
завалы
зловонных хлебов!
Кулак преврати
во взрывчатку
и в молот —
свой зов!
Пусть даже
холодный Сатурн
на пути твоём встанет,
земную ось отклони,
как былинку стерни,
возьми гигантский рычаг
из невиданной стали
и вселенную
переверни!
Разлей
вместо крови по жилам
горячую лаву!
Раздуй
в глазах своих
молний слепящих разгул.
Штурм захлестнет
всю вражескую
ораву,
утопит
орудий смертельный гул!..
Будь среди первых
в разгаре священного боя,
будь среди первых,
цавших
от злого огня!..
Но разгляди
рождение мечты пред тобою —
гранитные контуры
нового дня!

ДАВИД ОВАДИЯ

ОТРЯД ЖИВЕТ

Жив партизанский боевой отряд!
В полях, чьи дали не окинет око,
где трактор пашет целину глубоко;
в цехах просторных, где машины в лад
шумят весь день в безустальной работе,
где в гуле их вы радость обретете,—

жив партизанский боевой отряд!

Я вижу вас, товарищи родные,
оружие опять у вас в руках,
чтобы грабцы горные, лесные
не смог бы пересечь в часы почные
неумолимый, беспощадный враг.

Среди полей или в машинном зале
знак партизанский на медаль сменял —
отличие эпохи трудовой;
под красным стягом — так же как шагали —
за коммунизм идете нынче в бой!

Мои друзья по партизанской вере,
куда б дорога вас ни увела,—
в Димитровграде, в угольном карьере
вспомянем тех, кто честен в высшей мере,
кто пал,— мечты их воплотим в дела!

Смысл клятвы партизанской негасимой
припомни, и боец, и командир!

**Вкруг партип, отважной, несломимой,
сплотимся мы в борьбе неукротимой,
в борьбе народов всей Земли за мир!**

**Я знаю, что в передовых колоннах
идете вы с народом на парад,
и ваша честь — в простреленных знаменах,
я вижу вас, героев непреклонных,
жив партизанский боевой отряд!**

**ПОЭТЫ
ВЕНГЕРСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

АНТАЛ ГИДАШ

МАРШ КРАСНОГО ЧЕПЕЛЯ¹

Мрут, мрут, мрут и мрут
бедняки и там и тут.
Знай, знай, знай, брат, знай:
умертвит буржуй весь край!
Будто ржа, предательство разъело
родины измученное тело,
горя и пужды — невпроворот,
лишь оружье, скапливаясь, блещет —
и ему в восторге рукоплещет
бюхлеровско-пейеровский сброд.

Красный Чепель, где твое знамя?
Слово теперь за тобой!
Взвей над полями, над площадями
клич, поднимающий в бой:
ждут и деревня, и город,
чаша терпенья полна...
Эй, безработица, голод!
Сгнийте! И вы, и войпа.

Класс, класс, класс на класс, —
свет Коммуны не погас.
Власть, власть, власть — не власть:
строй господский должен пасть.
Ходишь, друг, без хлеба, без работы:
все отдав, не нажпл ничего ты.

¹ Ч е п е л ь — крупнейший рабочий район на дунайском острове того же названия близ Будапешта (теперь район столицы).

Если ж дело для тебя нашлось,
то прокорм твой — жалкая похлебка,
ну а возразишь, пусть даже робко, —
пулями прошьют тебя насквозь.

Красный Чепель, где твое знамя?
Слово теперь за тобой!
Взвей над полями, над площадями
клич, поднимающий в бой:
ждут и деревня, и город,
чаша терпенья полна...
Эй, безработица, голод!
Сгиньте! И вы, и война.

«Нет, нет, нет и нет!» —
вот воякам твой ответ.
Гнев, гнев, гнев, твой гнев
пусть на них падет, вскипев.
Нанести удар хотят Советам...
Заправил, помешанных на этом,
в ад отправь — па то и есть ружье!
Этот строй низвергни, люд рабочий!
И тогда блеснет во мраке ночи
будущее светлое твое.

Красный Чепель, где твое знамя?
Слово теперь за тобой!
Взвей над полями, над площадями
клич, поднимающий в бой:
ждут и деревня, и город,
чаша терпенья полна...
Эй, безработица, голод!
Сгиньте! И вы, и война.

ИОЖЕФ БЕРДА

К ПОРТРЕТУ ОДНОГО ПОЛИТИКА¹

Неужто не чувствуешь ты вины,
что пропустил могучую речь
министра великого о приведенье в порядок
экономики нашей страны?

Я-то там был я, выполняя
гражданский долг, в волнение со лба
смахивал капли пота —
страстный порыв и тоска патриота!

Такого ума превосходного я не встречал
с тех пор, как живу. Припухлая от хороших
обедов и ужина губа его трепетала
так убедительно, что уж она одна
всех рассудительностью поражала.

Прямо в глаза бросалось, как изливается
панерченное благородством усердье
глагола, словно помон тонкого аромата
в корыто, отчего счастливые
хрюкают поросята.

Но все это было ничто по сравнению
с исторической той минутой, когда в угаре
он ударил ладонью по столу и прогремел
беспощадный, как меч, декрет: «Пока я здесь,
не потерплю крамолы, безродные твари!»

¹ Стихотворение направлено против Дюля Гембега, премьер-министра, впрягшего страну в колесницу гитлеровской политики.

ФЕРЕНЦ КИШ

В ТЮРЬМЕ

(Отрывок)

Камера длиною в семь шагов, три шага —
в ширину, я взгляд бросаю отрешенный
на постель: солома шевелится вшами,
простыня в разводах, рваная понона.

Справа шаткий стол — как кроткая корова,
рядом колчепогая скамья — теленок.
Слева, как усталый конь, попунив шею,
в пыльный угол прячется метла спросонок.

У дверей скорбит параша — в знак, что званье
«человек» мне предоставлено закопно.
В мыслях о борьбе, свободе — в полный голос
я пою: «Вставай, проклятьем заклейменный...»

Хлеб Иудин обещает архипастырь,
изойти слезой иль в диком смехе биться?
Палачи наносят мне Христовы рапы,
злойбой вытравлены изуверов лица.

Мысль тщедушную лелеет страж тюремный,
что в меня вселят боязнь решетки эти.
По ночам мечтает сердце в сповиденьях,
тихо дремлет светлым утром на рассвете!

Помню, в камеру сырую номер двести
бросили меня, потом пещадно били,
а теперь в тюрьме, примолкшей, спящей, тихой,
перед каторгой меня совсем забыли.

Слава богу, бить не быют, вокруг ни звука,
так-де установлено приказом.
Если громко закричу от страха, стены,
как медсестры, усмирят меня рассказом.

1933

АТТИЛА ИОЖЕФ

БАЛЛАДА НАЕМНОГО РАБОЧЕГО

Таща скулящие корзины,
крутя стапки, не спим почей,
кроим наряд для балерины,
трамбуем грязь для кирпичей.
Мы топим жир, снимаем сало...
Когда ж, разлив пурпурный свет,
Колышет вечер покрывало...
У нас — есть плата, счастья нет.

Мы тщетно строим, горбя спины,
казармы для судьбы своей.
Игрушкой только сквозь витрины
мы тешим наших сыновей.
А коль дочурке в ум запало
спинть кукле юбку или жакет,
мы лишь прикрикнем, чтоб молчала,—
у нас есть плата, счастья нет.

Мы мастерим колеса, шины,
вагоны — тысячи вещей.
В пустыни, в бездны, на вершины
заносим древо жизни сей.
Пшеницу жнем, чтобы хватало
и пищим хлеба на обед.
Но жгут зерно, чтоб меньше стало,—
у нас есть плата, счастья нет.

Чтобы пожать, посеять сначала.
Не труд — источник наших бед.
Не это столько в гроб вогнало,—
у нас есть плата, счастья нет.

1933

ВОЗДУХА!

Кто рты зажмет моим обидам давшим?!

...Я шел к себе домой.

Как бархат, ночь по травам стлалась плавно
тягучей, волглою тьмой.

И, вспыхивая, листья, словно дети
побитые, закутывались в ветер,
вертелись подо мной.

Навстречу осень кралась осторожно
сквозь чуткие кусты;
кричала кряква с заводи тревожно
у городской черты;
и в страхе замерев под фонарями,
наполненные бурой прелью ямы
приоткрывали рты.

Я знал — меня в глуши, с погостом схожей,
любой ограбить мог...

Из тьмы внезапно выпрыгнул прохожий
на стыке двух дорог.

Я ждал. Но мы друг друга миновали...

А напади он — дрался б я? Едва ли!

К чему? Я так убог...

Из провода мой голос взят бесстрастно —
зачем звонил? кому?

Подслушана мечта. Учтен причастный
к раздумью моему.

И очной ставки ждет уж картотека,
куда и мысль и право человека
забиты, как в тюрьму.

С ветвей страны засохшие деревни
(там мать моя жила)

срываются, как здесь — листва с деревьев,
под завыванье зла.

И если их примнут пятой крутою,
они, хрустя бесправьем, нищетою,
рассыплются дотла...

Для этой ли ты создана отчизны,
душа моя, скажи!
Не думал я, что проще, легче в жизни
тем, кто погряз во лжи,
кто совершает выбор свой с опаской,
кто прячет у гробов под скорбной маской
злорадных глаз ножи.

Нет, в этот мир вступал я для иного —
я шел на добрый зов!..
Меня, когда от ласкового слова
я прыгать был готов,
жестоко били... О, я знал, что где-то
есть у меня семья моя, а в этой
я — как среди волков.

Я взрослым стал. В зубах свинцом осела
тоска сверлящих дней,
и в грудь уж льется смерть. Но дух и тело
пока еще не с ней!
И мне ль молчать, — не пепел я, не глина! —
когда неволи грубая машина
мозг давит все больней?

Мой вождь — во мне. Других вождей не знаю!
Я не дикарь, не зверь!
Мечты-улики бьются, сотрясая
глухого гнета дверь...
Приди, свобода! Здесь — твоя держава.
Приди — и на простую радость право,
как сыну, мне доверь.

ДЮЛА ИЙЕШ

НЕ СПАСЕШЬСЯ

Мы заглянули в чрево судна,
где между поршней и огней,
по пояс голы, кочегары
метались, дьяволов краспей;
и в самом деле, как из пекла
вверх раскаленный воздух бил.
Вот это труд!.. «Они привыкли», —
пребрежно кто-то обронил.

...В шезлонге, с книжкой на коленях,
сидел я и вдыхал покой;
лаская взгляд, спнели горы,
холмы струплись над рекой.
Само движенье это было
стихотворением без слов,
метафоры бежали в ритме
глухого шума шатунов.

Я молча плыл в разливе света,
п радовал меня удел
парить вверху над мрачным миром,
который подо мной пыхтел,
потел, плевался, задыхался...
Привыкли! Каждому свое!
Привыкли? Прошлое вонзило
в меня пасмешки острие.

Привыкли? Ты привык к лопате,
хоть с детства нрав ее постиг?
А своего отца припомни!
К сырой могиле он привык!
Всех бедняков привычка эта
в расцвете жизни стережет...
По доскам, вздрагивавшим мерно,
ходил я, мучась, взад-вперед.

— Болван! — я бормотал сквозь зубы. —
Ты жизнь свою перечеркнул. —
Мне вторил беспощадный голос,
усугублявший трюма гул:
— Ты лжец, отступник — и не боле!
Коль с олимпийской высоты
сойдешь ты в жар, удушье это —
привыкнуть к пытке сможешь ты?

Я к поручням припал, терзаясь,
я чувствовал, что подо мной
отец подбрасывает уголь,
как па подешнице былой
в поместье графском. С ним все предки
ко мне взывали из могил,
негодовали, грохотали...
И бил в ступни мои настил.

В смятенье я смотрел на воду.
Казалось, что не пароход —
меня со скрежетом надрывным
сама история песет.
Она меня трясет свирепо,
безжалостно, до тошноты,
и повторяет: «Не забудешь,
где б ни был, не спасешься ты!»

АТТИЛА ЙОЖЕФ

РОДИНА МОЯ

1

Я шел домой по улице пустынной
и чуял шорох, бархатный, ночной.
Вокруг в ладошки хлопали жасмины,
и мрак был теплый, мягкий и сквозной.

Душа спала, как джунгли. Ночью длинной
под небом спали люди. И волной
ударили в меня первопричины
сознания, речи. Вдруг передо мной

предстало все, что в них от века живо:
сожительство людского коллектива
с природою, манищей в темноту,

и в мрачных мастерских мастеровые,
сомнения их и брани. Как бы впервые
я нации увидел шцету.

2

Все тайные болезни и уродства,
младенческие смерти, сотни драм,
безвременная гибель, и сиротство,
и одиночество по вечерам,

малосемейность, преступление, скотство
и вера в чудо с ленью пополам —
таких причин немало наберется,
чтобы решить: пора бороться нам!

Пора освободиться! Пусть на сходки
приходит люд рабочий, полный сметки,
и пакопец обсудит — в чем беда.

А им плевать, любителям поклонов,
ископным сочинителям законов,
что наше племя гибнет павсегда.

3

Батрак таскает бревна господину,
с мешками надрывается с утра,
а господину это — все едино,
и он велит, чтоб срыли хутора.

Отважного, разумного мужичу,
что родину хотел поднять с одра,
они пасти умеют, как скотину,
прельстить игрою, что как мир стара:

качаются жандармские султаны,
посулов и ругательств бьют фоптаны,
о депутатах льют потоки фраз,
ведь пыпче подают «открыто» голос
те, что срослись, как зерна, в плотный колос
и лишь хитрят и слушают приказ.

4

Ума у всех помещиков хватало
хранить от нас владенья сотпи лет.
И вот, когда совсем житья не стало,
мильоны потянулись в Новый Свет.

Дрожали ноги, сердце клокотало,
а океан рычал, угрюм и сед.
Как будто с перепоею нас качало,
и мы блевали, проклиная свет.

И кто-то верил, что наступит благо.
Но остальные знали, что бедняга
веки не избавится от дыр.

Запропастилось прошлое куда-то.
Как Новый Свет дрожащих эмигрантов,
так всех нас ожидает Новый мир.

5

Рабочему дают не больше платы,
чем уместиться может в кулаке,—
на хлеб сухой, на супчик жидковатый,
на пару фрёчей в дымном кабаке.

Никто не требует, чтобы магнаты
пошарили в набитом кошельке,
чтоб, за финансы ратуя, палаты
подумали хоть раз о бедняке.

Ткачиха видит сны о карамели
и ничего не знает про картели,
когда в субботу деньги ей суют,

изъяв сначала штрафы и пачеты.
И крейцер ухмыляется: «Ну что ты!
Гляди, за труд и денежки дают».

6

Бедняк всегда боится богатея,
а богатея боится бедняка.
И прихотливый страх, людьми владея,
надежды их разит паверняка.

И не придет помещику идея
вдруг наградить правами батрака.
И тот живет, как старый стог желтея,
а требовать — подыметесь ль рука!

И где-то вдруг из тьмы тысячелетней
народа сын с своей сумой заплечной
выходит, гол, бедняга, как сокол.

На стражу озирается пугливо.
А надо бы ему, иным на диво,
в отцовский гроб вопзнуть мужицкий кол.

7

И все ж, навек забритая в мадьярство,
с визжаньем пробуждается душа.
Прими мое, Отчизна, постоянство,
я жить хочу, тобой одной дыша.

Пусть кажут всем убогое фиглярство
медведи из-за медного гроша.
Не дай, чтоб прокурорское коварство
цвело, мою поэзию круша.

Крестьян за море ты гнала навек.
Взрасти же человечность в человеке,
мадьярство вновь мадярам возврати.

Не дай нам быть немецким захоlustьем!
И песнь мою веди с истока к устьям
и красотой и счастьем награди.

1937

АЛАДАР КОМЪЯТ

МАРШ ИНТЕРПАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАД¹

Перед Мадридом дружно на страже
Наши бригады в огне стоят.
Нет, нас не сломишь силою вражьей,
Нет, не страшны нам танки и ад!

Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Мы однолюбь, хоть многоязыки.
Всякий, кто любит свободу, вставай!
Наших проклятий грозные клики
Буря несет из края в край.

Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Перед Мадридом дружно на страже
Несокрушимой стоим стеной,
Перед Мадридом мертвые даже
Взвучат, проснувшись, в яростный бой!

Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

¹ Стихотворение пользовалось большой популярностью в дни битвы за свободу Испании.

БЕЛА БАЛАЖ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ ЭМИГРАНТА В 1939 ГОДУ

Оглянись, моя подруга,
Позади осталась вьюга,
Нам пути обратно нету,
Мы из мрака вышли к свету.

На венгерской на равнине
Зимний вестер дует ныне,
Наш очаг давно потушен,
След засыпан, дом разрушен.

Нас не одолела вьюга,—
Кров найдя в сердцах друг друга,
Мы несем с собой любовно
Весь очаг наш бездомовный.

Греет нас огонь бродячий,
Бесприютный, но горячий,
Отражается во взоре
Огоньков таких же море.

В каждом сердце пламя, пламя,
Табор наш горит кострами,
Путь пароду озаряет
И свободу предвещает.

Ветры в Венгрии свистели,
Мы ушли, осиротели,
Лишь в пути — все дальше, мимо —
Мы нашли свой дом родимый.

Да, уйдя из дома,— к дому
Возвратимся мы родному,
Да, мы с родиной простились,
Но в пути не заблудились.

Всю мы жизнь свою боролись,
От друзей не откололись,
Веру в правду сохранили
И любви не изменили.

Жизни мы жалеть не стаем,
В вечность мы не даром кадем,
Ибо сердце в каждом смело
Вместе с миром пламенело.

ЭРНЁ ШАЛАМОН

ЕСЛИ БЕДЕН ЧЕЛОВЕК

Если беден человек,
все в душе его мертво,
если беден человек,
слов не ждите от него.

Он весь день плашмя лежит,
если есть куда прилечь,
он весь день глядит в огонь,
если есть что бросить в печь.

Если улицу метет,
взгляд прикован лишь к земле,
не о мирозданье он
думает, а о метле.

Если примостится где
похлебать остывший суп,
смотрит долго он потом
вдаль, не вытирая губ.

Если не дает другим
спать воинственная пруть,
из дому берут его
грязь чужой земли месить,

чтоб потом — убить его
вместе с миром, жившим в нем:
вот споткнулся он и вдруг
падает вперед лицом...

**Если беден человек,
он увечней всех, он нем,
если беден человек,
не слышать его совсем.**

ЛАСЛО ГЕРЕБЬЕШ

В ЗАСАДЕ

Лучами пришта к земле папа рота —
у самой дороги, в колючих кустах...
Соседа, похожего на бегемота,
всосал, как тряпина, знобящий страх.

Лучи, разорвитесь! Так падо, так падо!..
Встаем. Покрывается трауром лес.
И к тапкам выкатывается засада,
и треск пулеметный — наперерез.

В руках две обоймы, — так мало, так мало!..
Бежим. Сквозь грохот. Сквозь ливень огня.
Вот рушится мост... Столб воды из канала...
И руки друзей поднимают меня.

Один — почему это в память вошло мне? —
упал. Был он молод, голубоглаз,
из Польши он был, — только это и помню...
И день голубой надо мною погас...

Суассон, июнь 1940 г.

АНДОР ГАБОР

КЛАДБИЩЕ ВЕНГЕРСКИХ ЮНОШЕЙ

По берегу Дона-реки
Близ каждой деревни приречной —
Погосты... Как много могил,
И в скольких же венгры лежат,
Покой здесь обретшие вечный!

Их надо бы рыть и в лесу,
И там, па лугу, и в лощинке,
В просторе бескрайних полей —
Смерть бродит еще где-то здесь,
Повсюду — поминки, поминки...

Кто спит в этих сотнях могил?
Над кем эти шепчутся кроны?
Окончится битва, но слез
Над прахом родным не прольют
Ни матери павших, ни жепы.

Кто спит в этих сотнях могил,
Заметных едва средь пейзажа?
Кто спит в этих сотнях могил
Без траурных плит, без венков?
Цвет Венгрии, молодость наша.

Цвет Венгрии, будущность, моцы!
Характер у каждого, имя,
Свой рост, свой рисунок судьбы,
Жестоких хозяев рабы,
В ничто превращенные ими.

За дом ли, за семьи, за край,
За дымку родных просторов,
За Тису, за милый Дунай
Погибли вы? Нет, за психоз
Фашистских вождей-живодеров.

Стать, кудри, высокпе лбы...
Всю жизнь из огня да в полымя,
Как пасынки злобной судьбы,
Жестоким хозяев рабы,
В ничто превращенные ими.

Как Венгрия после найдет,
Где ров здесь могильный был вырыт,—
Ведь вы не ответите ей,
По берегу Дона-реки
Могилы без имени сирот?

АНГЕЛЫ

С лицом румяным, в белом одеянье —
Таким я представлял себе его,
Такой игрушечный сусальный ангел
Летал по небу детства моего.
Я возмужал, и небо стало алым,
И дым клубился, облака темня,
И на земле, а не в лазурном небе
Приветствовали ангелы меня.

Старушки добрые! В сосновых избах
Далеких русских деревень и сел
Тепло, отогревающее сердце,
Скиталец замерзающий пошел!
Казалось мне, что над землей кровавой
Запели ангельские голоса,
Что из-за туч и черпых клубов дыма
Блеснули голубые небеса.

Морщинистая добрая старушка
Отогревала ноги мне, как мать,
Чтоб я в сорокаградусную стужу
С товарищами дальше мог шагать.
Морозы отгонял с ее порога
Потрескивавший в русской печке жар,
А над большим горшком с молочпой кашей
Дымился вкусно беловатый пар.

Она постель на печке мне постлала,
Чтоб, как ребенок, сладко я уснул,
Сама же в полпочь шла через сугробы,
Услышав поезда далекий гул.
Ласкавшие по-матерински руки
Сдвигали рельсы на пути со шпал,
И поезд вражеский с визгливым стоном
С откоса насыпи на дно упал.

Морщинистая добрая старушка
Дала у печки в стужу мне приют,
И понял я, что не в лазурном небе,
А на земле те ангелы живут.
О, русские далекие деревни,
Бревенчатых избышек длинный ряд,
Их души, словно ангельские крылья,
Над замерзающей землей царят!

1945

ИШТВАН ВАШ

6 ИЮНЯ 1944 ГОДА

В зеленой машине арнец в зеленом плаще.
Он делит сиденье с улыбочным сеттером рыжим.
Он сдержан. Ему несправедлива и жизнь вообще,
И этого города между Москвой и Парижем.

На красный сигнал тормозит. Ни людей, ни машин
Не видит. Зеленого ждет. Где-то в мыслях витает.
И тотчас к нему симпатичный бежит господин,
Чье в пылком усердии голое тело сияет.

Склонившись, ломает язык: «Sie fahren nach
Astoria?»¹
Тут хмыкает немец. Похоже, ничуть не растроган.
Нимб пота над лысиной — вот он и вписан в историю,
Союзнику нашему славному вот и помог он.

Зеленый. Но все тархтит на туземный манер
Смешной господин, расставляя предлоги неверно.
Конечно, дикарь. Но лощеный прямой офицер
Глядит без досады на красноречивого венгра.

Бесформенно-льстивую речь, опираясь на хвост,
Улыбочный слушает сеттер с нордической спесью.
И яркое упавший на грани железные звезд
Свет, в щелку меж туч пробивавшийся из поднебесья.

¹ Вы едете в Асторию? (нем.)

И вдруг: смерть собачья, боль, крик — словом, пульс
Столетия двадцатого после рожденья Христова
На миг прерывается. Мчатся газетчики. Ну-с,
Что нового? «Утром!.. Десант!» — заголовок
метровый.

МИКЛОШ РАДНОТИ

СЕДЬМАЯ ЭКЛОГА

Видишь, темнеет, и дикий дубовый забор,
отороченный
проволокой, и барак растворились — их высосал
вечер.
Медленный взор переходит за рамки нашего
плена,
и постигает лишь разум проволоки напряженность.
Видишь, родная, лишь так можно вызвать
воображение,
освободительный сон раскует перебитые члены,
в эту вечернюю пору весь лагерь идет по домам.
Бритые рваные ушки, всхрапывая, улетают
с Сербской слепой крутизны в притаившийся отчий
предел.
О, притаившийся край! Есть ли в мире еще это
«дома»?
Бомба его пощадила? Все так ли там, как до призыва?
Стоящий справа и слева лежащий — вернутся ли
в дом?
Есть ли та родина, где и гекзаметры эти понятны?
Как без знаков во мгле я пишу это стихотворенье,
строчку под строчкой тесня, так же слепо
я существую,
гусеницей по бумаге ползу — а фонарик и книги
отнял конвой, не приходит к нам почта, туман
над баракком.
Здесь, в горах, среди слухов, известий и вышей
проживают

сербы, французы, поляки, задумчивые пуден,
тело разъятое и живущее все же в единстве —
ждут они добрых вестей, женских слов и свободной
судьбы,
ждут конца, что проваливается во мрак, ждут чудес.

Я лежу на доске, узник среди насекомых, атаки
блох не слабеют, но полчища мух наконец унялись.
Всечер, видишь, опять заключение на день короче,
на день короче и жизнь. Лагерь спит. Над округою
светит
месяц, в сиянье его провода напрягаются снова,
видно в окно, как движутся вооруженные тени
стражников вдоль по стене, среди отголосков ночных.

Лагерь уснул, дорогая, ты видишь — летят
сновиденья,
фыркнет очнувшийся в страхе и, повернувшись
на ложе,
снова заснет. Его кожа лоснится. Оди я не сплю,
чудится мне на губах недокуренная папироска,
а не твой поцелуй, не приходит спасительный сон,
ибо уже не могу ни погибнуть, ни жить без тебя.

*Лагерь Хайденау, в горах над Жигубицей,
июль 1944 г.*

РАЗГЛЕДНИЦЫ¹

1

Из Болгарии доносится грузный гром. Вставая, падая,
через горы оп карабкается. Слушаю канонаду я.
Люди, скот, телеги, помыслы, небеса бегут гривастые,
ржет шоссе оторопевшее. И осталось, не участвуя
в этой мчащейся сумятице, лишь одно
непреходящее —
в педрах моего сознания только ты стоишь, блестящая
и безмолвная, как ангел, разрушению дивящийся,
или как жучок сверкающий, в гнелостном дупле
таящийся.

30 августа 1944 г. В горах.

2

Там, километрах в десяти, горят
стога и хижины. А здесь в молчанье
по самым краешкам лугов сидят
и курят присмирелые крестьяне,
и в озерке колышется водица
вокруг пастушки молодой;
овец курчавая отара
пьет облако, склонившись над водой.

Гераенка, 6 октября 1944 г.

¹ Разгледницы — почтовые открытки (сербскохорват.).

3

Слюна кровавая течет из ртов воловьих,
а люди мочатся своею кровью,
воняет рота, в жутких кучах тонет.
Смерть страшная над нами стонет.

Мохач, 24 октября 1944 г.

4

Я рухнул рядом с ним, а он перевернулся,
став напряженнее струны, готовой лопнуть.
Я прошептал себе: — Лежи спокойно!
Вот так в затылок и тебя прихлопнут.
Терпенье смертью зацветет сейчас.
— Der springt noch auf! — Речь идет о нас.
В моих ушах засохли кровь и грязь.

Сенткирайсабадьа, 31 октября 1944 г.

ЯНОШ ПИЛИНСКИ

ГАРБАХ, 1944

И вижу, вижу, вижу снова.
Луна — и дышло вдаль, насквозь;
Бредет людская вереница,
Впряженная в огромный воз.

Увозят грузную телегу
Во все грузнеющую тьму,
Изпеможением и страхом
Привороженные к ярму.

И с ней поля влещут, дороги;
Словно все тяготы земли,
И пыль, и голод, и тревоги
Им вместе на плечи легли,—

Валя рядами друг на друга,
Кого уж с кем судьба свела,
Клонящиеся долу эти,
Измыкавшиеся тела.

Подходят села и уходят,
Заборы отступают прочь,
Даль пятится и убегает,
Как будто и взглянуть певмочь.

И ниже, ниже вялый ропот
Одеревенелых башмаков,—
Так лист шуршащий оседает
Под гнетом месящих подков.

Но торсы, лица — ввысь, в безмолвье,
В душнейшую немоту,
Уже небесных яслей чуя
Привадливую теплоту.

Ибо, готовая принять их,
Свою им распахнула твердь,
Несытые свои объятья,
Загон, закут последний, — смерть.

ИШТВАН ВАШ

НЕ НАВИСТЬ

Нам неуменье не навидеть
Тюрьмою было десять лет.
Душил — боязнь ли обидеть,
Бессилья ль, совести ль запрет?

Но не нависть, чей тих песточник,
Ревет, как бурный водопад,
Когда, на бреющем, истошно
Бомбардировщики гудят,

Не видя, как Дунай паш светел,
Зайдясь в бесстыдном кураже...
Я в этот миг ростки заметил
Восторга нового в душе.

И опустил я приближенью
Волхвов, и родилось дитя!
Растет душа, плод искупленья —
Святую не нависть — растя.

На людях сдерживаюсь еле,
Благую злость открыв в себе
К серо-зеленой их шинели,
К машинам их, к орлу в гербе.

Все-все кипящие микробы
Возненавидел я, всю кровь
Больную гибнущей Европы...
Что это: новая любовь?

Сил демонических исчадь?
Иль яда смертная печать?
И одному ль противоядье
Мне нужно от него искать?

ЖЕНИ ВАРНАИ

ВОССТАТЬ, МАДЬЯР!¹

О бедный венгр, тебе вопзали в спину
Из-за угла кинжала лезвие,
Тебя рабом швыряли в ноги к немцу,
Чтоб имя опозорил оп твое.
Тебя вели с веревкою на шее,
И кровь твоя лилась на эшафот!
Восстань, мадьяр! Париж знамена подпаял,
И слышен клич: «К оружию, патриот!»

Поэт, бряцая на продажной лире,
Тебе о жертве, о смиренье пел,
Тебя изменники убить пытались
Отравленным пером — и ты терпел.
Терпел, когда невинных убивали
Твоей рукою, именем твоим.
Восстань, мадьяр! Париж в огне восстанья,
И застилает солнце черный дым.

Убийца всякий звал себя мадьяром,
Рядился венгром всякий живодер.
Он заливал чужие страны кровью,
А ты безмолвно нес его позор.
Но зреет революция Петефи,
И новый Март² встает уж над землей!

¹ Этими словами начиналась подпольная песня, которой Шандор Петефи (1823—1849) 15 марта 1848 г. призывал венгерский народ к революции.

² В марте 1848 г. произошла венгерская революция, в марте 1919 г. («Новый Март») в Венгрии была установлена Советская власть.

Народ венгерский в муках возродится,
И возродится край прекрасный мой.

«Товарищ, в бой!» — поет Париж восставший.
Мадьяр, ты слышишь гневные слова?
От сердца к сердцу, словно вихрь пожара,
Они летят предвестьем торжества.
Париж зовет, и на скрижалях сердца
Слова пылают, как святой завет:
Встань, мадьяр, и завоюй свободу,
И воссияет в мире солнца свет!

Возьми свое изорванное знамя,
Оно тебя на подвиг поведет.
Среди народов на войне последней
Последним ты не будешь, мой народ.
Твоя звезда зажглась на небосклоне,
Она тебя зовет издалека:
«Встань, мадьяр, возьми оружие смело,
И пусть не дрогнет жалостью рука!»

ДЮЛАШИПОШ

ЗВЕЗДНАЯ ГОРА, ПОЛПЦЕПСКИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ УЧАСТОК

1

Проходит круг за кругом стрелка
стенных часов. Но все одно
и то же время отмечая.
Круг пройден, но стоит оно.
Нет времени. Нас здесь качает
всех вместе, как в воде бревно.

2

Отраду и приют гонимым
и отдых мышцам ночь дарит.
Но наших тел тепло досталось
камням. Всю ночь здесь свет горит.
И глаз подреманный порядка
за нашим чутким сном следит.

3

Вот мухи на стекло садятся.
Что их удерживает там?
Сидим. А как бы полетели,
коль было б можно пленным, пам!
Где мир, в котором распахнуться
позволят окнам и сердцам?

4

С зарею девушки умылись
в сени безлиственных ветвей.
Лохмотья, сломанные крылья —
в кольце охраны стайка фей.
Осеннее искрилось солнце
на влажных холмиках грудей.

5

Как радиосигналы Морзе,
в которых смысла не найти
непосвященным, — наша память
шлет волны в мир: они в пути
туда, где нет ни стен, ни ружей.
Там люди, жизнь, любовь! Лети!

6

Что значат чин, костюм, богатство?
Не сложишь крепости из благ.
Ты остаешься сам с собою.
Тебя сразит любой пустяк,
тем более обвал страданий.
И в муках, как в любви, ты наг.

7

Как будто жгут живое мясо
десятки раскаленных глыб.
Нет мук таких, чтоб превзойти их
другие муки не могли б.
Ты хочешь выть, но еле слышишь,
как голубиный плач, твой хрип.

Там, где пытаются человека,
 всех тяжесть страха пригнела.
 Там гнусные творят дела
 из слов, где слово — кабала.
 Там, где пытаются человека,
 нет мерок для добра и зла.

Здесь, в следственном участке, чина
 не даст профессия, ни кпиг
 прочтенье толстых, ни былое,
 но то лишь, сколь ты сам велик
 или мал. И то, что ожидает:
 пять? десять лет? или смертный миг?

Он среди пас. А может, завтра
 пойдет, оковами звеня.
 Он дезертир. Его ждет пуля.
 А может, на закате дня
 в него четыре глянут дула?
 В чем вера, в чем его броня?

Я раз утопленника видел:
 вздувалось мясо из прорех.
 Он скалил блестящие зубы,
 и был ужасен этот смех.
 Покойника в свечах я видел,
 с улыбкою, прощавшей всех.

12

Мы умираем. Мы не в силах
ужасный отвести замах.
С постелей в землю или с плах
уходим, возвращая прах
засыный. То хранится миром,
что высечено на камнях.

13

Но тот, кто здесь сидит, меж нами,
еще он видит листопад
и чувствует, и сердце бьется.
Еще он жив. И слову рад.
О чем он сможет вспомнить ночью,
услышав, как шаги гремят?

14

Зачем не закричит истошно,
не взвояет, не застопет: жить!
Коль человеком невозможно,
то хоть собакой, хоть червем!
Остаться ль хочет человеком?
Молчит он — и горит огнем.

15

Я знаю, что не тот храбрец,
кто голову бесстрашно сложит.
А тот храбрец, сто раз храбрец,
кем жизни срок бесстрашно прожит.
Да, тот храбрец, сто раз храбрец,
кто все снести за веру может.

ЛАЙОШ КАШШАК

ПАРТИЗАНЫ

Расскажите о нем, чтобы он не исчез без следа,
он, с винтовкой в руках защищавший деревню.
Ибо если б не взял он курка и не начал стрелять,
расцветавшую юность его расстреляли б тогда.
А потом он укрылся с товарищами в горах,
и пришлось им таиться в лесу, в поле скошенном,
как гонимым охотою коршунам.

Был отец его батраком, мать — прачкой.
Говорят, что детям таких
родителей место среди немых, слепых и глухих,
а он взял оружие, чтоб защитить родную деревню,
чтоб убийц утратить, чтоб ряды их рассеять,
ибо помнил о чистой детской любви,
о ручье, называемом за садами,
обо всех мелочах разоренного мира,
которые мы продолжаем в сердце лелеять.

Те, что жили еще в тесном кольце врага,
видели сны о смельчаках, видели, как на луга
выходят они в холодной беззвездной ночи,
и по мычанью коровы, по петушиному крику
гадали о том, на какой они ныне тайной тропе.
Но все они пали под стать скошенной, смятой траве,
и он тоже лежал под кровавым серпом луны,
всемл покиннутый, среди неподвижности и тишины.

Все с той поры колокола звонят о нем,
вся моя кровь отпевает его в сердце моем.
Боже, будь милосерд, пред святым престолом твоим
одари его по-отечески, мы спасены были им,
благословляя, склоняемся перед его судьбой,
о мир, призываемый нами,
дай ему вечный покой.

ДЕРДЬ РОНАИ

ПО ВЕНСКОМУ ШОССЕ

По Венскому шоссе нас в Шоймар гнали
сквозь ветер, снег. Сто сорок было нас.
Казалось в том хаосе, в том развале,
что на земле свет разума погас.

Сгоревший танк... У бруствера — два трупа...
Руины... Взорванный локомотив...
Казалось: время, жизнь застыли тупо,
свои сады в припадке разорив.

Лишь топот наш, упылый и тягучий,
да чей-то вздох как приглушенный стон...
В тиши, под ледяной звездой колючей,
ползут букашки некие на склон —

нас, депортированных, тут сто сорок,
вокруг холма — поверженный наш край.
И впиз летит, через безлунный морок,
мысль о тебе, дружнице Николай:

ты, сирота, лежишь — там, у Юрёма —
под темным слоем снега и земли.
А почему? Ведь сверстницы есть дома:
к весне похорошели, подросли.

Так почему?! Не знаешь?.. Мы вот тоже
не ведаем — зачем бредем, куда...
На око Провидения похожа
замерзшая, но зоркая звезда.

ГЕЗА КЕПЕШ

ФЕВРАЛЬ 1945

Февральское утро. Беснуется зверь,
в жестокой боязни беспсилен и зол.
Все уже петля, и все больше потерь,
весь Замок пылает, бурля, как котел.
За пленными — пленные, венгр и румын,
в глазах, как у птиц, коченеющий страх.
И я среди них. Вой осколочных мин.
Нестошные вопли, камень и прах.
Копина гнилая. Еда без воды.
Забиться во сне лишь на десять минут.
Вовек не закончатся наши труды —
убитых песем, —

пока всех не убьют.

В бессилье я падал, но Брапку Ион
не дал мне погибнуть в отчаянье злом.
«Уж скоро», — шептал он под пушечный звон,
и гул орудийный твердил мне о том.
Кругом бушевал и ревел океан,
волной набегая на остров рабов, —
стуча автоматом, страдая от ран,
свобода рвалась на отчаянный зов.

С Ионом из Замка я утром сбежал,
прошли незаметною тенью Туннель.
В руках у жандармов луч света дрожал,
обстрел выводил соловьиную трель.
Потом, отдохнув, мы взглянули назад,
Содомом взрывалась окрестность кругом,
у входа в Туннель начался камнепад,
снаряды сквозь землю неслись напролом.
Взорвется стена — всему дому пропасть.

Коленями, брюхом изведанный путь.
Ударной волной мы отброшены в грязь,
лежим, пулемет не даст нам вздохнуть.
Поодаль — мающиеся склоны холма,
как строгий родительский выпуклый лоб.
Знакомая вишня торчит у окна,
на маминой кухне разбито стекло...

Как двое возлюбленных, два мишадя
друг друга ласкают на мирном дворе,
проснулись скупые лучи февраля
в коросте от ран на увечной коре.
Февральский несильный щекоцущий свет
согреет в озябнувших веточках сок.
Но город погиб... Словно сказочный бред
и ужас мне надвое душу рассек.
Налет раздробил позвоночник мостов,
в мольбе протянулись обрубки костей.
Искромсаны сердце и печень домов,
чудовище войн опускает кастет.

Дунай измученный пустил в плять,
как жалкий, побитый, испуганный пес.
Столица глядит, как безумная мать.
Где дети ее? Кто услышит вопрос?
Исхаркался в пулях больной пулемет,
под ливнями бомб изрыгалась земля.
Лавинами самоотверженных рот
идут краснозвездные. Идут тополя.

Советский солдат к нам пришел на заре,
он был с автоматом, серьезен, суров.
Я обнял его на широком дворе
и «здравствуй» сказал, не найдя лучше слов.

Охотно ответив на этот привет,
походный мешок капитан развязал.
Мы вместе поели. Потом, сколько лет,
что имя — Иван Николаич, сказал.
Он муке кровавой положит предел, —
встречаем свободу, черед наш пришел.
На полке он что-то средь книг углядел,
«наш Пушкин», — сказал и в улыбке расцвел.

ИМРЕ ЧАНАДИ

ПА ЛБУ У НИХ ЗВЕЗДА

(Пылающие дни 1944—1945 гг.)

А они все тяпулись,
шли вниз по долине, гурьбой,
как крестьянские парни
идут на работу, спокойно и мирно,
от мороза прищурясь,
в сознанье своей правоты.

Шли они, надвигались,
словно черные глыбы земли,
собрались и пошли
грузпой, черной толпой,
окемевшей от гнева,
дарующей правду;
шли они — опускались,
словно куски облаков
опускаются в черной грозе
и в сиянии молний.

Шли они
через тысячи верст,
из глубин отдаленных степей,
из загадочных дальних земель;
шли сквозь гибель и пламя,
шли по странам,
опустошенным врагом,
по пропадающим звенящим пустыням,
висящим врага;
шли по вязкой крови,

спотыкались среди
обгоревших домов,
среди голых развалин, дымов,
там, где были когда-то милы
им березы в морозной пыли;
шли — среди онемевших детей,
среди жалоб усталых старух, —
шли, как будто знамена несли,
долго реющие над землей
и зовущие к мести.

И пришли к нам,
как люди, забывшие сон и покой, —
отдыхая на голой земле,
на снегу, под дождем,
там, где их заставляла усталость;
шли и шли,
пробиваясь упрямо вперед,
по пятам ненавистных врагов,
что топтали их край,
предавая огню и мечу.

И пришли, как железо, черны,
от студеной декабрьской ночи,
и пришли — посредине дороги,
спустились с холма.

И на лбу у них — звезды.

Позади

пробирался на небо рассвет:
рассветала таинственность новой эпохи.

1953

АНДОР ГАБОР

БУДАПЕШТ

Ты жив, не умерщвлен подвальной тьмой!
Со щек своих ты кровь и копоть смой
слезами, — слез нам нечего бояться:
теперь на солнце можешь выбираться,
мой город! Ведь от счастья в этот миг
мы плачем! В бункерах сгнивает сила
убийц проклятых, недругов твоих.
Чело твое свобода озарила!

Всей грудью пылче можешь ты вдохнуть,
с твоей груди как бы свалился камень, —
уже почных пожаров языками
не взвихрена небес угрюмых муты!
Пусть слово благодарности-хвалы
слетает с уст твоих — хвалы павек
тем, кто прошел через леса и реки,
чтобы твои разрушить кандалы!

Врагов же злобных — гневом прокляв:
они своим отравленным железом
тебе хотели жилы перерезать;
итак, теперь разгромлены они!
Ты в этот миг — святую клятву дай,
пройдя сквозь горестные испытания,
что всякий гнус, подлец и негодяй
сполна получит за свои деянья!
Как птица-феникс, в радуге надежд
возникни, город, из руин и пепла, —
вставай, освобожденный Будапешт,

чтобы заря свободы не поблекла!
Залечивая сотни рваных ран,
стань сильным — пред тобою дела много!
Шагая через трупы палачей,
открой себе в грядущее дорогу.

Ведь есть такое будущее, есть,—
есть к будущему этому дорога,—
и венгры есть, каким души тревога
велит спасти своей отчизны честь.
Они сильны, в них души не мертвы,
ведь тот, кто землю и без плуга вспашет,
ведь тот, кто мир пшеницей оояшет,
в беде не опускает головы.

Во все сердца вдохнуть сумеет жизнь
такой рабочий и такой крестьянин,—
так на него, мой город, положишь,—
еще мы к жизни радостной воспрянем!
Мир воцарится, свергнув соны преград;
набухнут почки на ветвях понурых,—
проснется зелень в их объятьях бурых,
и будет хлеб, и будет виноград!
Так солнце пробуждается во мгле,
сиянием ее преображая,—
не за горами праздник урожая
и сбор плодов свободы на земле!

ЯНОШ ФЕЛЬДЕАК

В ПАРТИИ

Едва успел войти я в компатушку,
обрушилось со всех сторон:
— Товарищи! Да это же наш Янош!
— Не может быть... Неужто он?! —
А я лишь бормотал, глотая слезы:
— Да, это я... Да, это я... —
И сесть хотел, дрожа, как в лихорадке,
и обняли меня друзья.

Почти что год я их не видел, с марта.
Субботу помню: в сборе — все.
И воскресенье: гитлеровцев банда
рвалась по Венскому шоссе
на Будапешт, чтоб под пятой гестапо
он стал подобием тюрьмы.
И началось: угоны, зверства, казни...
Но лишь тесней сплотились мы.

Всё подчинилось лишь одной задаче:
разбить нацистскую орду!
И партия в нелегкую ту пору,
хоть и была не на виду,
в сердца людей уверенность вселяла,
напоминая о себе,
и вовремя протягивала руку
всем, кто участвовал в борьбе.

...В объятиях товарищей я ожил.
— Начнем? — один из них сказал...

Там речи были коротки, и вскоре
я знал, что делать мне. Я знал,
что будущее нашего народа —
там, в Шорокшаре, где друзья:
там крылья возвратила мне отчизна!
Вновь обретенная. Моя.

БЕЛА БАЛАЖ

ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Цель видна ль тебе, скитальцу?
Миг покоя — страстотерпицу?
Милый дом, желанный отдых —
исстрадавшемуся сердцу?

Да, приходит мир на смену
дням, проведённым в походах.
Вижу цель, конец скитаний,
дом. Но не покой, не отдых.

Потому что для скитальца
зов мечты дороже жизни:
спутники мои — мечтастья,
плачущие по отчизне.

Сбил их в алчущее войско
век безумств и безобразий.
Вот и на уют домашний
нападает рой фантазий.

И покой тревоги полон.
Край мой, бейся дерзновенней
в этой битве за отчизну
с сонмом нестрых свидений.

Войску снов моих, хотений,
грез — желаю я разгрома,
ибо лишь тогда, тогда лишь
родину найду я дома.

Лучше будь пустыней дикой,
чем раскрашенной далью.
Встречу тяготы любые
я со светлою печалью.

Раны сироты целую,
рапы Венгрии бескровной,
искалеченной, скорбящей,
нашим злым грехом греховной.

Только одного хочу я —
молвить: «Я пришел, подруга.
Здравствуй», — п ладонью робко
тронуть рукоятку плуга.

ДЮЛА ИЙЕШ

КРОВЕЛЬЩИКИ

Я сидел над книгой,
чтеньем увлечен,
так что слышал звуки
смутно, как сквозь сон.
То ли свист сипицы,
то ли стук колес
мне рассветный ветер
издали донес.

Слышу эти звуки,
шорох, этот стук;
пальцы уловили
ритм какой-то вдруг,
будто кто-то где-то
издали вот так
азбукою Морзе
отбивает такт.

Ах, уж эти пальцы!
Что же их опять
заставляет четко
по столу стучать?
То ли пенье птицы,
то ль воды струя?
Нет! Иные звуки
различаю я!

Эго застучали
наверху вон там
кровельщики звонко,
дружно по листам!
С высоты оттуда,
как привет, гремит
этот полнозвучный
и бодрящий ритм.

Ритм тот подгоняет,
чтоб я не отстал,
чтоб отбросил книгу
и стихи писал,
чтоб в соревновапье,
не жалея сил,
звучными стихами
марш я им сложил.

Чтоб, не погибая,
вновь в стихах жило
все, что пропосилось
бурию и светлю,
чтоб как звон их с крыши,
полнозвучен, смел,
с высоты над миром
мой призыв гремел!

ЗОЛТАН ЗЕЛК

УТРО В ЗУГЛО

Петух дал птицам знак задорный,
И грянул песней птичий хор,
Как будто вызывая солнце
Подняться в золотой простор.
 Щебечут, взгромоздясь на ветви,
 Как каменщики на леса,
 И кажется, от птичьих песен
 Светлей и чище небеса.
Из дымки голубой и света
За сводом возникает свод,
И вот под куполом рассвета
Наш лучезарный день встает!
 И я запел бы, откликаясь
 На голос заводских сирен,
 Встречая радостное утро
 Среди фабричных красных стен!
Гудки из Фемлемеза слышу...
Звучит не гибель в тех гудках,
И не бегут все, обезумев,
Запрятать под землей свой страх.
 Сирены и гудки! Вы, птицы
 Проснувшейся страны моей!
 Гоните ж пеньем тени смерти,
 Звучите громче и сильнее!
На вольный труд народ сзывайте!
Стучат воскресшие станки,
Дымятся трубы в синем небе,
Перекликаются гудки

Из сортировочной Ракоша...
О, что за песня! Что за звук!
Страна моя творит и строит
Под непрерывный звон и стук.
Кричите ж, трубы, громко, рьяно
Здесь в Зугло, в Чепеле, везде,
в Уйпеште и Шалготорьяне,
Встречая трудовой наш день!
Кричите, чтоб руины ночи
Распугивал ваш зычный гром,
Чтоб Венгрия моя восстала,
Преображенная трудом!

1945

ЛАСЛО БЕНЬЯМИН

МЕСТЬ

Грыз я кору, чернику жевал
двадцать или больше суток;
мать бы в ту пору я не узнал —
я потерял рассудок;
смерть обернувшись зимой метельной,
стала коготить меня,
ненависть смыла холод смертельный
жаркой волной огня.

Месяцы гнались в лесу за мной,
словно двенадцать гоночных,
каждая ветка — клинок стальной,
чтобы меня прикопчить;
ужас продолжил эту погоню
в зарослях тростника;
мечь! — гремевших костей агония,
хлюпанье башмака.

Мечь беспощаднее, чем зима,
и калорийней жира.
Грест и кормит она сама
тех, кто лишь мечью живы;
так я и жил — до самой свободы —
с нею падали,
по убивать в кровавые годы
не приходилось мне.
Труд подсказал мне — не надо мстить,
если ребенок дома.
Хлеб для ребенка я нес в горсти,

хлеб — а не смерть другому.
Смерть отошла, словно день вчерашний:
ныне латай мосты,
потом кропи спаленную пашню —
ибо кормилец ты.

Мечь, бередившая душу мне,
стихла, по лишь отчасти:
ярость осталась жить в глубине —
пульсом в моих запястьях.
Руки, которые мечь ковала, —
родины сторожа.
В добрых руках — холодок металла,
в косах — накал ножа!

1947

ДЮЛА ИЙЕШ

ПЛУГ ИДЕТ...

Плуг идет, и борозды —
Друг за другом,
Словно книга пишется
Этим плугом.
Пишет книгу радости
На просторе
Тот, кому встречалось
Только горе.

Плуг идет — и новые
Встали строки.
Я смотрю — читатель их
Одинокий.
Вижу — руки честные,
Трудовые
На себя работают
Здесь впервые.

Плуг идет, врзается,
И шагают
Две коровы в упряжи, —
Помогают.
Танки обгоревшие
Плуг обходит, —
Пусть они рисунками
В книгу входят.

Плуг идет у пахаря
Под рукою,
И строка выводится
За строкою.
Пашня в дымке утрепней —
Словно дышит...
Так свою историю
Венгры пишут.

ФЕРЕНЦ ЮХАС

ПЕСНЯ О МОЕЙ РОДНЕ

Капали слезы терзаний и мук
из-за тебя, но не слышен был звук
плача — перо вырывала из рук
ты, греховная Венгрия.

Тело твое волокли на базар
и отдавали за плату и в дар,
жадно вдыхала пьянящий угар
ты, преступная Венгрия.

Правил тобой полицейский закон,
маску свободы напяливал он,
и под крестами германских знамен
низко склонялась ты, Венгрия.

С голоду пухла, слыла голытьбой,
пищей с разбитым ребром и губой,
мог истоптать твою душу любой,
ты стесала лишь, Венгрия.

Ты посылала на иглы штыков
воинов, как на закланье быков,
в смрадные бойни, в кладбищенский ров
ты загоняла их, Венгрия.

Но пад костями, пробившись из туч,
вспыхнул с востока сияющий луч
освобождения — дух твой живуч,
о непокорная Венгрия.

Рабская поша была тяжела,
но зазвучали колокола,
к пегу строила ты вновь подняла,
помолодевшая Венгрия.

Родина, пламя взошедшей зари
в кубке своем золотом раствори!
Неугасимым сияньем гори
ты, свободная Венгрия.

ИОЖЕФ ФОДОР

КРАСНЫЕ НАДГРОБИЯ

Береза ласкает надгробные плиты
в дыхании ветерка.
Спите, герои.
Спокойно спите.
И пусть над вами лавину событий
бесшумно проносят века...

Оттуда, где блещет Волга,
оттуда, где катится Дон,
ушли эти войны.
Спать им долго,—
укрой их, Венгрия, своим пологом,
да будет тихим их сон!

К тебе как свободы вестник
шагал краснозвездный солдат.
Тех ратников сладкие песни
(ты помнишь?)
Звучали и здесь они!)
на смолкших устах не дрожат.

Сердца их, отважны и человечны,
светили, где было черным-черно.
И черным огнем они были встречены,
и гибли,
и знали: смерть — бесконечна,
а жизнь — мгновение одно.

Сергея, Ивана, Петра, Николая,
над ними листвою шевеля,
в себя приняла земля неродная...
Стань матерью им,
их покой охраняя,
венгерская наша земля!

Задумчиво-странные их напевы
на смолкших устах не дрожат.
А дома их ждут:
ну, где же вы, где вы?..
Над Волгой, над Доном всходят посевы —
но нет дороги назад.

Остановись возле этой березы,
на плиты эти взгляни —
и вспомни о тех,
кто развеивал грозы,
и в землю эту пролей свои слезы,
как пролили кровь они.

Устали в громе великого боя,
уснули, исполнив приказ...
Сквозь листья солнице течет золотое.
Спите спокойно.
Спите, герои.
Время — память о вас.

1945

АННА ХАЙНАЛ

ЛЕНИНУ

Я пала духом, я боюсь — пу как
мне, малому венгерскому поэту,
речь сбивчивую сердца превратить
в стихи тебе? Как выпеть песню эту?
Как говорить с тобою, со звездой?
Могильного покоя не парюшу,
но как мне быть, когда сама земля
через мою заговорила душу?

Рубцы от ран, запекшаяся кровь
покрыли сердце мне, сковали жилы.
Освободи же их — через меня
вещает край мой, вставший из могилы.
О родина! Страшусь произнести
забытый звук, что мог мне только спиться:
рот сжат, как у оживших мертвецов,
не знающих, как к людям обратиться.

Сама, отчизна, говори! Народ,
сам говори! А я немую стапу.
Кто я, чтобы могла гортань моя
стать рупором такого великапа?
Влей голос свой, о край мой, в ту хвалу,
что Запад и Восток поют народу,
к нам присланному тем, кто вечно жив,
вернуть столь долгожданную свободу!

Венгр, говори тому, кто одарил
несчастных человеческой судьбою,
парод мой, твердо вставший на земле
и ставший пакопец самим собою,
боявшийся разлива рек, зимы,
дня завтрашнего и своей же тепи, —
мотыгой тяжкой, молотом, серпом
пой, говори, звени: бессмертен Ленин!

У партизана рана на плече
закрылась; вновь поток молочный вспепен,
и на вершине Фрушки говорит
улыбка пастуха: бессмертен Ленин!
Смладинска Пруга меж лугов течет,
на рельсах Тито блещет свет, нетленен,
и слышат серб, болгарин, чех, румын
и венгр, как кровь стучит: бессмертен Ленин!

И в Греции, где падает сейчас
герой среди фиалкового поля
и шквал рвет по городам в крови,
там в имени его — дыхание воли.
И знают пастухи ресосских стад,
что дар свободы светел и бесценен,
и потому в звучанье их рожков
и в песнях матерей — жить будет Ленин!

**ПОЭТЫ
ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

ЭРИХ АРЕНДТ

ПРИМЕР

Нет, ты не струсил, не покинешь пост.
Пусть палачи царят в Берлине, в Риме,
пусть ты в кольцо и сзади взорван мост,
и пусть ты окружен насильниками злыми,

пусть всех друзей твоих убили звери,
и пусть твой сон убийца сторожит,
пусть темный страх стоит у каждой двери, —
не малодушествуй — перед тобой Мадрид!

Он хохотом стальным бичует силы зла,
сметает танки оп, которым нет числа;
там мертвые и те еще кулак сжимают!

Идет кровавый суд — колес не преклоняй,
пошли ему свое последнее прощай,
Мадриду — городу, который мир спасает!

1936

БЕРНГАРД БЕСТЛЯЙН

ПЕСНЯ УЗНИКОВ ЗАКСЕНХАУЗЕНА¹

Мы твердо печатаем шаг,
грудью встречая невзгоды
(ибо нам шлет надежда сквозь мрак
утренний свет свободы).

Все реже, глуше и все мертвей
к нам из прошлого вести
(грядущее ждет целевых людей,
вот спеть бы ему с нами вместе).

Бесплотны, как духи болот,
бредем дорогой забытой
(что в Заксенхаузен нас ведет,
а выходы из него закрыты).

Здесь мы за колючей стеной,
здесь трудимся до пота
(и крепнем, готовясь в бой,—
бессрочна эта работа).

Выйти отсюда нельзя живым,
впустую годы не мерьте
(стал чуть не каждый из нас седым
в этом лагере смерти).

¹ Эта песня создана тремя видными коммунистическими деятелями — Бернгардом Бестляйном, Карлом Фишером и Карлом Влохом, — попавшими в лагерь Заксенхаузен одними из первых. Песня пелась на мелодию известной рабочей песни.

Вот она — жизнь в паре шагов,
за проволокой колючей
(хрипим — нам не хватает слов
от жажды свободы жгучей).

Мы твердо печатаем шаг,
грудью встречая невзгоды
(ибо нам шлет надежда сквозь мрак
утренний луч свободы).

ИОГАННЕС БЕХЕР

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА

I

Скажи, Германия, что сделали с тобой?
Свободу, мощь и честь себе завоевала?
Так преуспела ты, как не преуспевала?
Все немцы счастливы, довольны все судьбой?

«Германия, проснись!» — тот клич гремел трубой,
Посулами тебя кормили до отвала;
Теперь схватили, бьют, — так битой не бывала
Ты никогда, никем. И стала ты рабой.

Вся очерствела ты и мыслью оскудела.
Слова — обман и фальшь. Где честь, где правда тут?
Что маскирует ложь, то обличает дело:

Вот бешепый садист занес над жертвой кнут,
Вот изувер-палач уже секиру поднял...
А сколько новых жертв прибавится сегодня!

II

Вы, фуги Баха, ты, творец их гениальный!
Полотно Грюневальда — ясность, сила!
Ты Гельдерлина гимн! Вершины мастерства!
Вы — краска, слово, звук, — на вас клеймо:
«кандалный»!

Не уничтожена ль там и сама природа?
Текут ли Неккар, Рейн? Цветут ли те края?
Резвятся ль детвора там, где резвился я?
На месте ли Шварцвальд и боденские воды?

Четвертый год идет! У нас не стало слез,
Чтобы Германию оплакивать. Унес
Поток кровавый их. Нет, больше слез не лейте:

Нам пенависть пужна, и мужество сердец,
И силы для борьбы, чтоб мукам был конец!
Вы, краска, слово, звук,— разите, насмерть бейте!

1937

ВАМ, В КОМ ОТЧИЗНЫ ЗОВ НЕ СМОЛК

I

Ты, в ком любовь к Германии крепка
И не сродни пустому славословию;
В ком жив немецкий дух, тот, что с любовью
Отчизну возвеличивал века,—

Ты, в ком любовь к Германии сыновью
Бездушью не убить наверняка;
Кто видел трупы, залитые кровью,
Ты, в ком душа, как песня, глубока,—

Ты, кто любовь к Германии такую
В себе хранишь — обычную, земную;
Кто не забыл перед отчиной долг,
Ты возгласишь — иначе быть не может —
«Германию губитель да не сгложет!» —
Когда в тебе отчины зов не смолк.

II

Губители! Отчины смерть и ад!
Германия да не погибнет с вами!
Пока жива она, все вы, кто рад
Ее гибели, умрите сами!

Коль не пастал еще Германии закат
И дух ее не сломлен подлецами;
Коль, немцы, вас достойно славы зная —
Вы возгласите истины парад!

Вас, Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс, Лей,
Проклясть навеки — это немцев долг.
Во имя бога; родины — тем паче!

О мой народ, восстань на палачей,
Что словно волки в поисках удачи!
«На том стою. И не могу иначе!»

... Все стойте, в ком отчизны зов не смолк!

ЧТО КРЕПЧЕ НАШИХ РУК?!

Вы знаете о том,
Как может жизнь разбиться.
Вы знаете, когда
Все выходы закрыты.
Осиротел наш дом,
Нам пегде было скрыться...
Пусть будут те года
Вовеки не забыты.

Вы знаете, что так
Жить невозможно было.
Ужель прокляты мы,
Бессильны, безответны?
Всё было стыд и мрак,
Но мы собрали силы,
Чтобы выйти из тьмы
Путь на простор заветный.

Вы знаете, каким
Был этот путь тяжелым.
И многим смерть принять
Пришлось за эти годы.
По городам родным,
Родным немецким селам
Мы шли, чтоб воскрешать
Убитые свободы.

Взгляните же вокруг!
Народ сам строит счастье.

Пусть был тяжел наш путь,
Но как мы ликовали!
Что крепче наших рук?!
Пока народ у власти,
Врагу не посягнуть
На то, что мы создали.

БЛАГОДАРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Друзья, меня вы приняли, как брата,
и все мне дали, чтоб несь моя
не умерла. Ее сберег я свято,
и недругами не был сломлен я.

Признательности в сердце не тая,
благодарю. Весомей, чем когда-то,
пишу — в стихах я превзошел себя,
в них — ваша поступь, словно гром набата.

Вы поняли меня и мой народ.
Ведь, мучась, не хотел я муку скрыть
из гордости, на дне души своей, —

вы знали боль Германии моей.
Народ мой будет вас благодарить
щедрей, чем я... И этот день придет!

Май 1941 г.

ИОГАННЕС БОБРОВСКИЙ

ДОНЕСЕНИЕ

«Бейла Гелблунг,
бежавшая с транспорта из Варшавского гетто.
Раздобыв оружие,
долгое время
скрывалась в лесах.
Схвачена в Брест-Литовске.
Партизанка была в униформе (польской).
Допрашивалась
немецкими офицерами.
Прилагается фотография,
из которой следует,
что офицеры эти — люди молодые,
с открытыми чистыми лицами,
безукоризненно одетые —
по всей форме.
Вели допрос безупречно».

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

ГЕРМАНИЯ

Пусть другие говорят о своем
Позоре, я же говорю о моем.

О Германия, бледная мать!
Сидишь среди пародов
Вся вывалипная в дерьме,
Среди изгаженных
Самая грязная.

Беднейшего из твоих сыновей
Забили до смерти.
Когда он взвыл от голода,
Другие твои сыновья
На него подняли руку.
И об этом узнали все.

С поднятыми руками,
Руками, поднятыми на родного брата,
Они пагло вышагивают перед тобой
И смеются тебе в лицо.
И об этом известно всем.

В доме твоём
Звериным рыком
Изрыгают ложь.
А правда молчит.
Разве не так?

Почему тебя славословят твои тираны, почему
Обвиняют тебя угнетенные?

Эксплуатируемые
Тычут в тебя пальцами,
Эксплуататоры до небес возносят порядок,
Задуманный в доме твоём.

Но при этом все видят, что ты
Подвернула стыдливо подол,
Обагрённый кровью
Лучшего из твоих сыновей.

Люди смеются, слушая речи,
Раздающиеся в доме твоём.
Но тот, кто видит тебя, хватается за пояс,
Как при виде грабителя.

О Гермапия, бледная мать!
Благодари сыновей своих,
Превративших тебя в посмешище
Или в пугало
Для народов всех стран!

НА СМЕРТЬ БОРЦА ЗА МИР

Памяти Карла фон Осецкого ¹

Непокоренный
убит.
Убитый
непокорен.

Уста провидца
забиты землей.
Начинается
кровавое похождение.
Могилу ревпителя мира
топчут солдаты.
Так что же — была бесполезной борьба?
Когда погибает кто-то,
сражавшийся не в одиночку —
еще не значит,
что враг победил.

СОЖЖЕНИЕ КНИГ

После приказа властей о публичном сожжении
Книг вредного содержания,
Когда повсеместно пощупали волов, тащивших
Телеги с книгами на костер,
Один гонимый автор, один из самых лучших,
Штудирова список сожженных, внезапно
Ужаснулся, обнаружив, что его книги
Забыты. Он поспешил к письменному столу,
Окрыленный гневом, и написал письмо власти
измущен.
«Сожгите меня,— писало его крылатое перо. —
Сожгите меня!

¹ Карл фон Осецкий — известный журналист, борец за демократию. Погиб в концлагере Зонненбург.

Не пропускайте меня! Не делайте этого! Разве я
Не писал в своих книгах только правду? А вы
Обращаетесь со мной, как со лжецом.
Я приказываю вам:
Сожгите меня!»

МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

Вы, уцелевшие в огне пожаров,
себя бы пожалеть пора давно вам!
Не дайте повести вас к боям новым,
как будто бы вам не хватает старых,—
вы, уцелевшие в огне пожаров!

Вы, парни, замените штык лопатой.
Под пулями немало вы сидели,—

что ж! Разве не пора вам, в самом деле,
пожить в тепле под крышею покатою?
Так лучше замените штык лопатой!

Вы, дети, умоляйте о защите,
чтоб взрослые не затевали войны!
Кричите, что хотите жить спокойно,
а жить среди развалин не хотите!
Вы взрослых умоляйте о защите!

Вам, матери,— решающее слово.
Вы дали детям жизнь, и вы в ответе
за смерть, что угрожает вашим детям.
Не допустите страшной бойни новой!
Вам, матери,— решающее слово!

1950

БАТАЛЬОН ИМЕНИ ЛИНКОЛЬНА¹

Разве можем забыть мы тот край,
Где наши товарищи пали?
Край, где был для нас ад и рай,
Где любили мы и умирали.

Только землю, где жизнь без забот,
Не печалась можно оставить.
Ту, где наших надежд был оплот,
Навсегда приютила память.

Мы вступили в кровавый бой
В долине Рио-Харамы.
Наша смерть оказалась степой
На пути фашистской оравы.

Рассказать вам, как можно стоять
Против ташков с древней винтовкой?!
Показать, как от штурмовиков
Можно в поле прятаться ловко?!

Да, мы ушли с позиций своих,
Но как мало ушло нас, mon Dieu!
Почти целой Интербригаде
Мы сказали: «Adieu!»

¹ В батальон имени Линкольна входило большое количество американских коммунистов.

Будет день — кампесинос¹ придут
С победой на земли эти!
И в долину Рио-Харамы
Выйдут пахари на рассвете!

¹ Кампесинос — крестьяне (исп.).

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

ЭДГАР АНДРЕ

Наклейте, люди, этот стих
На видном месте, как приказ,
Чтоб он допек! Чтоб он достиг
Людских сердец, и душ, и глаз!
О чем ты думал день и ночь?
О том, как смертнику помочь?

О том, как смертнику помочь,
Ты разве думал до сих пор?
Но если ты отступишь прочь,
Палач исполнит приговор,—
И ближний твой, товарищ твой,
Простится с гордой головой!

Подумаи: позабыв о нем,
Ты будешь в смерти виноват!
Тогда лишь мы его спасем,
Хоть живодеры и спешат,
Когда весь мир, весь белый свет
Единодушно скажет: «Нет!»

Он разве защищал себя?
Спасал он жизнь свою в беде?
Он защищал меня, тебя,
Нас всех спасал он на суде!
Иль ты не знаешь, почему
И чем обязан ты ему?

Нет, люди, надо бить в набат,
Чтоб мир от спячки разбудить!

Тогда пойдет за рядом ряд,
Немые станут говорить!
Молчанье не поможет вам:
Молчанье на руку врагам!

Иль слабых ослепляет страх?
Кто осужденного предаст?
Вопрос горит во всех сердцах,
Во все сердца стучится, част:

Кто хочет, убоясь бича,
Служить подручным палача?

1936

ДИМИТРОВ

Едва лишь судьи в полный зал вошли
И начали комедию по плану,
Чтоб торжеству звериному тиранов
Судейские увертки помогли,—
Встал коммунист. И, видя свет вдали,
Заговорил, с усмешкою во взоре,
О дне грядущем, что настанет вскоре
Для страждущих пяти шестых земли.

От этих слов притихли подлецы.
Впервые там, горя во мгле преступной,
Сияла ясность мысли неподкупной
И видима была во все концы.
Там человек стоял, семью словами
Сорвавший с бездны праздничный покров.
Он рос и рос и гордо, словпо зная,
Ввысь поднимал когорт железных зов.

Он к смертоносным подошел пружинам
И тайный механизм их обнажил.
Молчать заставить,— не хватило сил
У тех, кому предстал он исполним.

И паника возникла среди них,
И даже речь верховного бандита,
Что смертной казни требовал открыто,
Об эту твердость раздробилась вмиг.

Зверье в мундирах! Лезьте воп из кожн,—
Его усмешка бьет вас по когтям!
Пускай грозит ему всесильный хам,
Пускай убьет — но победить не сможет.
Живой, могучий, необъятный класс
Здесь, в этом зале, обвиняет — вас!
Безумствуйте у виселицы вы,—
Он не опустит гордой головы!

В ту пору угнетенные смирились,
Забыв о мощи классовой своей;
В недвижной тьме безмолвно притаплись
И не решались тропуть палачей.
А здесь, во мраке, пламя запылало,
Что высек узник из своих оков.
И бросил в черной мгле, как братский зов,
Бессмертный клич Интернационала,
Он — коммунист, славнейший из борцов!

1934

ИОН ШЕР И ТОВАРИЩИ¹

Машина песется. Почь холодна.
В лесу остановка. К чему здесь опа?
На лица гестаповских черных солдат
Четыре борца-коммуниста глядят —
Ион Шер и товарищи.

Начальник доволен: кругом ни души!
Ион Шер: «Для чего мы стоим здесь, скажп?»

¹ Ион Шер — один из ближайших соратников Эрнста Тельмана; расстрелян фашистами в 1934 г.

Начальник: «Найдется вам дело как раз!..»
И знают, что пробил последний их час,
Ион Шер и товарищи.

Револьверы блеснули по сторонам.
Ион Шер: «Не бежать ли прикажете нам?»
Солдаты смеются: «Без лишних речей!
А ну-ка с машины — в лес поживей,
Ион Шер и товарищи!»

«Знакомое дело,— Ион Шер говорит,—
Вот так же Карл Либкнехт был вами убит!»
Но гаркнул начальник: «Ведите их прочь!»
И молча выходят в холодную ночь
Ион Шер и товарищи.

И эхо, сбивая росу, как слезу,
Двенадцатикратно грохочет в лесу:
Три пули в затылке, кулак не разжат,—
Обняв свою землю, безмолвно лежат
Ион Шер и товарищи.

Дорога к Берляну, одна из дорог...
Тела коммунистов переданы в морг.
Начальник команды спешит записать:
«Убиты в лесу при попытке бежать
Ион Шер и товарищи».

Затем он спешит к генералу на бал,
К тому, что убийство свершить приказал.
Тот слушает, не повернувши лица!
«Исполнен приказ — я довел до конца
Дело «Ион Шер и товарищи».

Нет, дело не кончено! Пусть не теперь,
Но выбьет приклад генеральскую дверь.
Тот вскочит с постели, он плакать начнет...
Молчать, палачи! Вам прислали свой счет
Ион Шер и товарищи.

1934

ВОПРОКИ ВСЕМУ...

(На смерть Карла и Розы¹)

Убив из-за угла, они хотели
Скорее загасить Везувий мятежей.
В открытый бой они вступить не смели
И для злодейства нацели зверей.

Обер-убийцы же, отдав приказ,
Немедля спрятались от наших глаз.
Не стоит называть их имена.
В свой час их будет знать страпа!

Ничем не брезговал наш враг заклятый!
Коварство, ложь, подлог и кандалы!
До низшей подлости враги дошли,
Ударив в сердце пролетариата!

Тех, кто стрелял, чужой послушп воле,
Не смел затронуть ни один судья.
Те, кто приказывал, отныне в новой роли —
Их капитал занес в свои друзья!

Убийцы живы! Ни один не тропут!
Они слова высокие жуют!
Но в волнах гнева все они утонут,
Суровым будет пролетарский суд!

Недолго быть убийцам на свободе;
Порядок новый рухнет потому,
Что есть слова, живущие в народе,
Два слова Карла — «вопреки всему..!».

¹ Имеются в виду Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ

«САМЫЙ ВЕЛИКИЙ» НЕМЕЦ

*(Написано после выступления Гитлера
в берлинском Дворце спорта в сентябре 1938 г.)*

На первый взгляд помешан —
И жалок и потешен.
Но нет! Он не сошел с ума.
Он — воплощение дерьма.

Все пыжится, ярится,
Готов в припадке биться.
С трибуны брызжется слюной.
Сей субчик, может, впрямь больной?

Ничтожество, пустышка,
Полнейший пикудышка.
Поганый прыщ и круглый ноль —
Себя он держит, как король.

Народ считая сбродом,
Глумится над народом.
Корсика наш родной язык,
Орет, шипит, мычит, как бык.

То лает, как собака, —
Юродивый, кривляка.
Поганит воплями эфир,
Грозится покорить весь мпр.

(Он жадеи до паживы.)
По мы — покуда живы —
Тому преграда и заслон,
И это носом чует он.

Он хочет нас заставить
Врагов в огне расплавить.
Но пусть же знает сей червяк,
Что он и есть наш злейший враг.

ПАУЛЬ ВИНС

ШВЕХАТ¹. АПРЕЛЬ 1945 г.

Над руинами тускло светила
горестная луна.
В груды щебня и пепла
погружалось ее сиянье.

Утратив надежду,
ждали
голодные борозды
осиротевших полей.

Залитый краской стыда,
лик родины
был подернут
слезоточивым дымом.

¹ Швехат — город в Нижней Австрии на Дунае.

ГЕРХАРТ ГАУПТМАН

ИГРУШКА

Игрушечный серебряный скелет
на столик мраморный бросает император.
Игрушка пляшет, щелкает, трещит,
трясется, прыгает, и старый император,
который только что позевывал со скуки,
от смеха давится. Серебряный скелетик,
над смертью издеваясь, исполняет
не пляску смерти — тапец вечной жизни.
Вот поскользнулся, падает на спину,
конечностями дрыгает потешно...
«Все это только фарс, игра, конечно, —
сморкаясь, размышляет император, —
марионетка веселить умеет».
И кукле он кричит: «А ну, вставай!»
И та в ответ взлетает на две пяди.
«Смерть — пугало дурацкое, которым
детей стращать, — смеясь, монарх бормочет. —
Ну разве что забава для поэтов».
И вновь бормочет, и опять смеется...
И вдруг вопит истошно: «Лжешь!» Кого
и виду имеет он? Себя, быть может?
Подпрыгивает в воздух иступленно
и на пол мертвым падает. А демон
серебряный по-прежнему трясется,
танцует, скачет — но не император...
Он бездыханен. А игрушка пляшет,
кривляется, звенит. Игрушка, полно, будет!

МАКС ГЕРМАН-НЕЙССЕ

КОГДА-ТО БЫЛ НЕМЕЦКИМ Я ПОЭТОМ:..

Когда-то был немецким я поэтом,
И жизнь любимой родины моей
Цвела в моих стихах. Но что об этом?
Она зачахла — песня вместе с ней.

Ах, я отвергнут был своей отчизной —
Она вступила на позорный путь,
И — лишь во сне — могу я с укоризной
На родину любимую взглянуть.

В чужой дали мое воображение
Рисует дорогие мне черты:
Холмы, закаты, ласточек скольжение,
Мои былые радости, мечты...

Но здесь кому я буду петь об этом?
Я одинок, чужой среди чужих.
Когда-то был немецким я поэтом,—
Теперь — я сам ничто, ничто — мой стих.

1935

ВИЛАНД ГЕРЦФЕЛЬДЕ

ПО ПОВОДУ МОЕЙ ЭКСПАТРИАЦИИ

Оповестите рыбу,
что с завтрашнего утра
она не рыба — червь.
Прекратит ли тогда она плавать?

Настоящий немец — тот,
чье становленье,
чьи чувства и мысли,
чьи поступки и речи
(пусть он, подобно мне, изгнан в чужие края)
нерасторжимо связаны
с миллионами рук и умов,
создавших Германию
и создающих ее ежечасно.

Настоящие немцы — не те,
кто возносит хвалу
се князьям, се замкам,
битвам се и се палачам,
се осквернителям и могильщикам.

Настоящие немцы — те,
чьи отцы давали отпор
властителям и князьям
и штурмовали их замки.

Настоящие немцы — те,
кто не терпит разбоя и кабалы,
кто не мирится с тем,

что труд и честь человека
употребляют во зло.

Настоящие псы — те,
кто объявил войну
предателям родины —
во имя победы мира.

ОСКАР МАРИЯ ГРАФ

1935. НОЧЬ ЗА НОЧЬЮ

Ночь за ночью вспоминаю я
о друзьях, томящихся в темнице.
Каждый час как вечность для меня,—
от вдепный зла нигде не скрыться.

Неужели жпзнь моя должна пройти
среди лжи, позора и измены?
Неужель у нашей скорби на пути
вечно будут ваших камер стены?!

Сыплет дождь унылый за окном,
холодно, как будто на чужбине.
Ночь! А я все думаю о том,
от чего душа вот-вот застынет.

Ваша песня для меня как сердца стук:
каждый, кто, не ведая сомнений,
выпес пытку,— выше смертных мук.
Он — герой, не вставший на колени!

Что ни ночь, бессонница грызет,
мучит боль моей разлуки с вамп;
скорбь кругом, но сбросить тяжкий гнет
собственными мы должны руками.

РИКАРДА ГУХ

* * *

Трубя повсюду про свои деянья,
Их облакая в бронзу и грапит,
Добычею хвалясь от грабежа —
Они всему находят оправданье
И на тебя взирают свысока,
Оболганный народ, — все потому,
Что ты молчишь, лицо свое тая.
А на скрижалях вещая рука
Огнем выводит: ты неустрашим.
Когда в грядущем Муза облажит
Всю скорбь и горечь твоего лица,
Всю боль утрат — ее слова поймут,
И миру рана явится твоя.
И чистый свет, твой образ окружа.
Наполнит благородные сердца
Непреходящим именем твоим.

ВАЛЬТЕР ДЕМЕЛЬ

ЛИДИЦЕ

Рассказ о тебе не уйдет в забвенье,
И только он слуха коснется,
Встает, как живое, горе твое,
И душа заскорбит, содрогнется.

Оно перазрывно с нашей судьбой,
Оно не пройдет, не избудет.
И все, что случилось когда-то с тобой,
Никто никогда не забудет.

Чтоб чехи поднять головы не смогли
И больше фашистам не мстили,
Лидице стерли с лица земли,
Разграбили, испепелили.

Никто не уйдет, все умрут, как один.
Всех со дворов согнали.
Сначала расстреливали мужчпп.
Их жены и дети стопали.

Крпки, рыдапья... Берут на прицел...
Фашистская свора ярилась...
Никто из мужчин не остался цел.
Их кровью земля обагрилась.

Потом у несчастных людей на глазах,
Что ужасом были объаты,
Деревню враги обрацали во прах —
Палили, сжигали хаты.

Но худшая пытка была впереди.
Такую придумать едва ли.
Безжалостно от материнской груди
Детишек родных отрывали.

И женщин несчастных, одних, без детей,
В лагерь далекий погнали.
Напрасно ждали они вестей,
Что случилось с детьми — гадали.

...Но мир облетела о Лидицах весть.
Скорбная весть о горе.
И в людях кипела, крепчала месть,
И расплата грянула вскоре...

...Лишь двое из женщин вернулись назад.
Сверкает салют победный,
Но лица черны, омертвел их взгляд —
Их дети исчезли бесследно.

Рассказ о тебе не уйдет в забвенье,
И только он слуха коснется,
Встает, как живое, горе твое.
И душа заскорбит, содрогнется.

ПЕЛЛИ ЗАКС

ВАМ, СТРОЯЩИМ НОВЫЙ ДОМ

Воздвигнув новые стены —
очаг, ложе для сна, стол, стул, —
скорбя о тех, кто ушел навеки,
деревя с камнем не окропи —
слезы проникнуть могут
в твой сон, тот недолгий,
что еще предстоит тебе.

Не вздыхай тяжело, когда будешь стелить постель —
не то сновиденья
смешаются с прахом умерших.

О, эти стены и эта утварь,
впечатлительные, как золоты арфы!
Здесь твоя боль, как зерно из земли, прорастает,
и они в тебе ощущают родственный прах.

Так строй же свой новый дом
под струенье часов быстротечных, —
не смыли бы слезы твои
памяти тех минут с прахом тем заодно,
заслопившим собою свет.

АЛЬФРЕД КЕРР

ПОДПОЛЬЩИКИ В ГЕРМАНИИ

1

Никто их имени не знает,
пройдут, как тень, мелькнут — и нет...
Во тьме до них не долетает
друзьями посланный привет.

Кругом бушуют ураганы,
объятия смерти жестки,
но крепнет племя безыменных,
незримых рыцарей полки!

В застенках, где темно и сыро,
ваш дух не сломят палачи —
бойцы, невидимые миру,
на смерть идущие в ночи!..

2

А мы — бессильны... С укоризной
от обещанной отчизны
мы отвернулись в трудный час.
Мы потеряли счет потерям,
но мы спасенье видим в вас
и в ваш союз отважный верим.
Вы не склонили головы,
и честь отчизны — это вы!

1937

ЭРИХ КЕСТНЕР

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ...

Ты знаешь край, где пушки расцвели?
Ты не слыхал о нем? Услышишь скоро!
Там всех чиповников произвели:
Кого в ефрейторы, кого — в майоры.

Там галстук — маскировка, а не мода,
И там под шляпою скрывают шлем.
Там спать идут для продолженья рода.
Там много лиц, но нет голов совсем.

Начальник только пожелает там, —
А он по должности желать обязан, —
И сразу в струнку выпрямится разум,
И вмиг спица согнется пополам.

Там дети появляются на свет,
Сверкая шпорами, затылком бритым.
Там сплошь военные, там штатских — нет.
Там любят тех, кто держит рот закрытым.

Ты знаешь край? Он мог счастливым стать,
Он мог бы счастье разнести по свету...
Там много благ земных, по благодать
Еще не спустилась на землю эту.

Там есть земля, и уголь, и руда,
Но нет ума, отваги и добра там...
Там каждый муж — святая простота,
Мечтающий скорее стать солдатом.

Там для свободы места не нашли.
Там — дух казарменный за каждой шторой.
Ты знаешь край, где пушки расцвели?
Ты не слыхал о нем? Услышишь скоро!

ГЕРТРУДА КОЛЬМАР

НЕКРОЛОГ

И я умру однажды смертью многих.
Смешают грабли дней с землей мой прах.
И на краю погоста у дороги
Останется лишь имя. Без тревоги,
Усталая, на небо в облаках

Глядеть я буду, не томясь утратой
Судьбы земной — иссякшая свеча.
А нищий, как и прежде, верит свято
В волшебный посох свой. Пусть шляпа смята —
В ней золото закатного луча.

Пуста ладошь. Нешаден ветер в поле.
Не уповай. Торгаш не одарит.
А я лежу сыта, не мерзну боле.
Об океане гнева, жажды, боли
Лишь раковина миру говорит.

Я пыль, я прах — а вы еще живете.
Еще не всех взяла могилы тьма.
Паяц фиглярит, лавочник в заботе.
У семафоров вечности вы ждете,
Неумолимо, точно боль сама.

Еще палач не снял оков и терний,
И пож в груди сверкает, как алмаз.
Плевки шутов, разгул жулья и черни.
Я прах, что тончут ноги, роют черви,
Я пыль, и все ж — я ведала о вас.

Страданием вашим был мой облик мечей.
Он был лишь слабым отзвуком его.
Что значу я для вас, чей образ вечен,
Вас, кто, как я, унижен и увечен?
Я — лишь песчинка, больше ничего.

Комочек глины, что живет и дышит,
Когда ей руки форму придают.
Но кто из вас, ступив на свет из ниши,
Молитву сердца моего услышит,
Уста мои, что славу вам поют?!

КУБА

НА ПОМОЩЬ, РОД ЛЮДСКОЙ!

(Из «Поэмы о Человеке»)

На помощь, Род Людской!
На боль других людей
пельзя
так холодно смотреть и лицемерить!
Пес у ворот лежал,
когда пришел злодей?
Как можно было псу
или злодею верить?

Злодей прокрался в дом?
И пож занес?
И на чужом наречье горе закричало?
Злодей вошел!
С ним заодно и пес!

Так жалко — «Человек» —
веки не звучало,
такой печальной мир не знал поры!
А крик о помощи
топул в трусливом страхе.

Зазубрились от казней топоры.

И не было вовек
отважнее голов,
приникших к плахе.
И мужествен был,
Германья, твой взор,

когда всходила ты
на плаху, на костер.

...Исхлестанная в кровь
Германния стонала
и при смерти была
в застенках лагерей.
Но пили в кабаках,
и тешились немало,
и жрали власть — солдат
с девчонкою своей.

Осталось:
свастика,
войска
и воронье.
И матери «героев».
Офицеры.
И крупный зверь.
И маленькие звери.

Германния? Там не было ее.

Но тут и там
ушедшее в подполье,
таплось мужество —
педогоревший том,
винтовка
и древко с багряным лоскутом —
и ожидало дня,
чтоб вырваться на волю.

То здесь, то там,
упав невесть откуда,
листовка свежая
ложились на карниз
и голосом живым
рассказывала людям,
что кое-где в стране
не угасает жизнь...

То здесь, то там
ложилось правды семя,
но не могло взойти
и гибло в глубине.
И, двигаясь безудержно к войне,
Россию
нам вынашивало время.

АДАМ КУКХОФ

СЫНУ УЛЕ

Мой сын родной, любовь и жизнь моя,
Не сиротой тебя покинул я!
Весь наш народ, нет, больше, сын мой, верь:
Все человечество — вот твой отец теперь!

*5 августа 1943 г.,
непосредственно перед казнью.*

ВОЛЬФГАНГ ЛАНГХОФ И ИОГАНН ЭССЕР

БОЛОТНЫЕ СОЛДАТЫ

Нам лопаты давят плечи,
нас гнетет безмерный труд.
Здесь и птицы не щебечут,
здесь и травы не цветут.

Болотные солдаты
идут среди проклятых
болот...

Умирают смех и радость
над болотной тишиной,
за колючею оградой,
за глухой тройной степой.

Болотные солдаты
идут среди проклятых
болот...

Утром тянутся колонны
вдаль под солнцем и дождем...
Здесь, в краю опустошенном,
мы о родине поем.

Болотные солдаты
идут среди проклятых
болот...

Как уйти от часового?
Как дожить короткий век?
Пуля в грудь за взгляд, за слово,
пуля в спину за побег!

Болотные солдаты
идут среди проклятых
болот...

Но не вечны рабства годы,
встанет лето над зимой.
Мы воскликнем в день свободы:
«Край родной, ты снова мой!»

Болотные солдаты,
уйдем мы из проклятых
болот...

- -

ЭЛЬЗА ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

МОЯ СНИП РОЯЛЬ

В доме моем рояль стоял
Небесно-синего цвета.

Его убрали в темный подвал,
Когда озверела планета.

Бывало, месяц на нем играл.
Пела звезда до рассвета...
...Сломаны клавиши. Он замолчал.

Для крыс ненасытных прибежищем стал.
...Синия песенка сета.

Горек мой хлеб. Если б ангел знал!
Ах, если б он ведал это —
При жизни мне б на небо путь указал,
Вне правила и запрета.

РУДОЛЬФ ЛЕОНГАРД

ФРАНЦИЯ

Немецкий солдат, во французском краю
что ищешь, надеясь на чудо, —
измену, беду или гибель свою?
Ты слышишь их шепот повсюду?

Спиной ты не чувствуешь каждый день
взглядов, подобных пуле?
Приятно ли знать, что для них ты мишень,
что ненависть в каждом дуле?

А ощутил ли ты кожей своей,
как бури крепнут порывы?
Ведь стоит прорваться гневу людей —
с тобой разочтутся живо.

Ты хочешь спастись? От возмездья уйти?
Тогда приготовься к бою
и недругов правды, свободы смети,
за Францию встав стеною.

БУХЕНВАЛЬД

Трупы, и для ворожья непригодные:
покружишься зря, а клевать-то нечего!..
Тела без мяса без человеческого,
до скелетов голодом обглоданные.
Трупы — страшные взгляды застывшие..

Трупы, вьюные с девичьими косами...
Мы, ставшие падалью, шлаком, отбросами,
люди,
когда-то
жившие!..

Вас ли не обдало
запахом падали?
Это мы тяжело
замертво падали.
И небу взметните крик!
Здесь промолчите ли?
Мертвых ужасен лик.
Мы обвинители!

Сюда приведите детей!
Если сердце есть в детях,
попросите спеть их
над грудами этих костей,
над неплотом, над беспредельной
скорбью
для вас, кто жив,
какой-нибудь колыбельный,
молитвенно-святочный,
тихий, старинный мотив,
чтоб в этом нении детском
смутно дошло до нас,
что могут звучать на немецком
не только окрик,
не только приказ!

ЭВА ЛИППОЛЬД

НАСТУПИТ ЧАС ПРОЗРЕНИЯ

Стоит весна в цветенье,
И даль светла.
Но, как на погребенье,
Гудят колокола,
Гремят колокола.

Никто помочь не сможет.
Наступит час —
И горе нас изложет,
Смерть одолеет нас,
Осылит, сломит нас.

Решетка на оконце.
И на запоре дверь.
Нам не увидеть солнца —
Мы призраки теперь,
Да, призраки теперь.

Не выбраться отсюда.
Терзаясь и скорбя,
Надеемся на чудо
Теперь — не на себя.

Но в горький час прозренья
Германия поймет,
Что в нас ее спасенье.
Что мы ее оплот.
Лишь мы ее оплот.

ГАНС ЛОРБЕЕР

БАЛЛАДА О МОСТЕ

Там, где устранивали капал,
мы мост наводили высокий.
Нас было двадцать, и каждый знал,
что двадцать дней — наши сроки.

И вот тяжеленным ручным копром
мы в землю вгоняли сваи;
капат, чуть не плача, тянули гуртом,
кожу с ладоней сдирая.

Железную балку, большое бревно
мы цепью вязали длинной
и, впрягшись, тащили — ведь мы давно,
давно превратились в машины.

Чайки кружили над головой,
под солнцем спины горели,
пот ел глаза соленой струей,
но бросить мы цепь не смели.

А то вдруг небо темнело от туч
и дождь поливал нам плечи.
День был, как наша работа, тягуч;
мы таяли, словно свечи.

Над нами — небо, под нами — вода;
мы вкалывали свирено;
пошли мы брусью туда-сюда,
меж сваями ставя скрепы.

В баржу плевался песком земснаряд,
склянки звенели надрывно.
Чайки кричали вверху невпопад,
и дождь поливал непрерывно.

Но цель оставалась одна у нас —
достроить, забыв о боли.
Нас время теснило, и каждый час
вдувались наши мозоли.

Смолк наконец молотков перестук.
Люди к мосту зашагали.
Солнце из туч улыбнулось вдруг.
Мосту мы название дали.

Узники — вот кем мы были тогда.
Мост узников — так ему зваться.
С ним аисты будут отныне всегда
здороваться и прощаться.

А вскоре на мост крестьянин ступил,
уверенной шел он походкой.
Потом заскрипел под повозкой настил,
прошла из деревни красотка.

Спешила она подонть коров,
что за каналом бродили,
и мы поцелуй ей послали без слов —
в грядущее мост наводили.

ЭРИХ МЮЗАМ

ЗАВЕЩАНИЕ

Вы, по судьбе друзья,
к вам обращаюсь я!
Слушайте мое завещанье!
Свобода грядет: в купель огня
мир с себя сбросит гнет;
жизнь распахнет новые дали.
Но не забудьте, как вы страдали!
Я для вас — напоминанье!

Вы, друзья по тюрьме,
в ее не сломитесь тьме!
Обуздайте свои тревоги!
Ярость, что влаеть, подобно чуме,
грызла волю вашу и страсть;
обиды, что в сердце могли скопиться,—
все это в будущем пригодится.
Встречайте зарю на пороге!

Вы, друзья по почам,
быть начеку пужно вам,
у палачей брать уроки!
Чтоб печальность в вас к преступным властям
росла что ни день, что ни час.
С алтаря, где сидят без движенья
злоба, любовь без любви, отвращенье,—
кто решится согнать пороки?!

Вы, по смерти друзья,
к вам обращаюсь я.

Последний наказ завещанья!
Может быть, мы не дождемся дня,
когда рухнут стены тюрьмы.
Воздадим тогда крови, бегущей из тела!
Она передаст молодым наше дело,
она для них — напоминанье!

ВИЛЬГЕЛЬМ ТКАЧИК

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ КАНОНАДА

Блеск молний, гром,
И с гулом — хриплым, мощным
Чудовище
Свой пролагает путь.
Дрожит гора,
Шумят, волнуясь, рощи,
И солнце в тяжких тучах блещет чуть.

Дракон (доисторическое
чудо!)

Разинул пасть
И хочет нас сожрать.
Проснитесь, люди!
Вам же будет худо,
Пока он в логово
Не спрячется опять.
Людская воля —
Тверже крепкой стали?
Закал войны... И этим
Ты велик?
Нет, нашу храбрость
Мы еще не доказали,
Пока кровавый призрак
бойни не пощек.

Война — войне
И вам, братоубийцы!
Поднявший меч
Погибнет от меча.
От мстителей

Нигде вам не укрыться.
Вас ждет не меч —
Веревка палача.
Зачинщиков беды
Ждет гибель, верно, —
В крови, что ими
Пролита была.
Народы же,
Страдавшие безмерно,
Воскреснут в море
Света и тепла.
Алеет день!
Кошек огню и аду.
Умолкнул трубы
Страшного суда.
Свободный люд,
Ты обрешь награду —
Венок любви
И торжество труда.

КУРТ ТУХОЛЬСКИЙ

ГЕРМАНИЯ, ПРОСНИСЬ!

Недаром их вскормила
сиятельная знать,
Германию в могилу
они хотят загнать!

О бойне гражданской режут их газеты
(едва ль коммунистам простили бы это!);
что наци венок нам надгробный плетет,
ты видишь ли это, германский народ?

Кто там в тумане мглистом
ведет подкоп давно?
Ну кто, как не нацисты,
им все разрешено!

А к судьям у них уважения нету
(едва ль коммунистам простили бы это!);
что наци стоит за доходы господ,
ты слышишь ли это, германский народ?

Они грозят войною,
оружьем нам грозят.
Агенты их рысцою
по всей стране трусят!

Учебные стрельбы, граматы, кассеты
(едва ль коммунистам простили бы это!);
что наци в могилу отчизну вобьет,
ты знаешь ли это, германский народ?

И гремят голоса заводских парней,
миллионы твердят все дружной и грозней:
«Мы знаем, мы знаем. Нам тюрьмы грозят.
Мы знаем, мы знаем. Плевки в нас летят.
Они разгоняют нас. И запрещают.
Они в нас целят. И убивают.
Министры не шевельнутся. Гитлер может молотить
языком.
Для них асфальт наших улиц. Против нас имперский
закон.
Мы видим, мы слышим, мы знаем: судьба страны
на весах,
и если республика дремлет, то мы стоим на часах!»

1931

ФРАНЦ ФЮМАН

ПОЕЗДКА В СТАЛИНГРАД

(Отрывок)

Плывут высоко над землею людей небеса,
плывут облака,
и разносит по свету ветер
великую весть о великой победе.
И рокот священной реки
слышен в обугленных избах крестьянкам,
он наполняет надеждой тюрьмы,
врывается в затхлые камеры и казематы,
и узники, корчась от голода и истязаний,
внемя ему, расправляют плечи
и шепчут бескровными губами:
«Сталинград!»
И высоко плывут небеса над ними.

Германия!

Бедная наша страна, пядь земли,
мерцание краткое света,
жалкое наше Вчера, грешное наше Сегодня,
печальное Завтра, осколки, обрывки мысли и...
бездорожье. Германия!
Истинным детям твоим
сладостна весть о великой победе.
Она воспекает свободу, в пей —
воплощение весны, оживающих листьев,
любви и добра, радостных песен,
не отравленных больше фашистской чумой!
Сталинград! Сталинград!
Мы вязнем в болотах, мы гибнем,

наши руки замараны кровью;
меркнут над нами созвездья.
Но стали слышны, различимы
голоса — их доносит с востока ветер.
К нам призывают на нашем родном берегу
наши отцы и братья:
«Солдаты Германии! Бросьте оружие!
А лучше — его поверните вспять!
Восстаньте! Спасайте себя и отчизну!
Вызрело время понять,
кто ваш истинный враг!»

ЛУИ ФЮРНБЕРГ

ОДИНОЧКА

Вы говорите: «Одиночка, страх...» —
но почему никто из вас не знает,
каким пожаром страсть моя пылает,
как много света в четырех стенах!

И я пою и меряю шагами
пространство от стены и до стены,
и звуки песен разрушают камень —
таким огнем они напоены.

И потому становится мне ближе
огромный мир за крепостной стеной,
где братья бой ведут, и я их вижу,
я рядом с ними, и они со мной!

КАКАЯ НЫНЧЕ ГРЕМИТ ГРОЗА

Какая нынче гремит гроза
И в клочья рвет небосклон.
Скорее, скорее — закрыть глаза
И сразу в сон!
Сжаться б в комок и теплее укрыться
Средь страшной ненастной поры.
Под рев и грохот земля стремится
В тартарары.

От черной грозы небосвод почернел...
Шло горе по нашим пятам.
Но раньше никто и подумать не смел,
Что этот злосчастный смертельный удел
Выпадет нам.

Ветер ярится, грохочет гроза.
Я сам не заметил, как
Уставился прямо в мои глаза
Безысходный крошечный мрак.
Но вдруг, по вдруг, дышащем грозным
Весь небосвод заполняя,
На небе ясном и на небе звездном
Слова возникнут из огня:
Мы победим!

СТЕФАН ХЕРМЛИН

БОЛЬ ГОРОДОВ

Боль больших городов, искажившая облик земли,
Повели мне вещать и убийц прокляпать повели,
Чтоб тройного проклятья отвергнуть они не могли!

Ибо с наших деревьев листву оборвали они,
Мы ограблены ими, лишились прохлады в тени:
Как сердца наши стонут в безжалостно знойные
дни!

Кровью брызжут фонтаны, на площади — кровь
до колен.
Оскверненные рощи попали в бессмысленный плен.
И рыдают во мгле голоса ослепленных сирен.

Злые недруги жаждут из ласковых наших детей
Сделать юных убийц, всех на свете наглей и лютей.
В Лету челн их летит, тяготит его бремя смертей.

Наших женщин они поуждают младенцев плодоть,
Чтобы пушечным мясом безглазую бойню кормить,
Спелый колос спешат ненасытным огнем погубить.

Многоликая смерть усмехалась в глазах палачей,
Нас загнали они в лихорадку тюремных ночей,
Потому что свободе клялись мы всего горячей.

А машина войны все грозней, все свирепей ревет:
Сыновей наших мозг на проклятую смазку идет,
А из их черепов недруг брагу кровавую пьет.

Над Заливом безветрий есть город без песен
 В безысходном молчанье его обступивших валов,
 Нынче всюду зовут его Городом Мертвых Голов.
 А над Тибром, где прежде был взыскал я лучшей
 Судьбой,
 Скоро грянет Отмщенье прозительно-гневной
 Трубой,—
 Ах, подделка под Цезаря, что тогда будет с тобой?!
 Я Испанию слышу. Столица со мной говорит.
 То в лохмотьях развалин встает непокорный Мадрид.
 То над сердцем рабыни заря упоенья парит.
 А над Сеной я вижу, как гроз нарастает каскад,
 Вижу ярость почей и грядущего гнева раскат,
 Словно Делакруа — вижу деву в огне баррикад.
 Вижу город туманный — он бомбами пынче изрыт.
 Цвет тумана багряный — британский парламент
 горит.
 Тает строгий и странный, над Темзой взлелеянный
 быт.
 Ясно вижу Варшаву: в плену, в унижение, в гробу...
 Вижу сабельных молний, отмщающих молний
 молюбу.
 Барабанный дробь — это город вступает в борьбу.
 И далекий мой город, всей этой печали очаг,—
 Отражаются сосны в озер пересохших очах,
 Все зачахло кругом. Лишь кровавый ручей не зачах.
 И еще я скажу (только имени не пазову)
 О столице столиц. Не видал я ее наяву,
 Но твердил ее имя во сне, как благую молву.
 Снилось мне, что стою я на площади, где мавзолеей,
 Где, недвижим, он внемлет раскатам с кровавых
 полей.
 Из-под сомкнутых век светит взор твой, бессмертья
 светлей.

¹ Имеются в виду Афины.

ЭДВИН ХЕРНЛЕ

БРАТЬЯ, ГЛЯНЬТЕ — ВПЕРЕДИ...

Братья, гляньте — впереди
флагов вереница!
И свободы алый стяг
вас зовет сплотиться!
Не склонитесь пред врагом,
ждите час восхода!
Наш пароль теперь:
«Вперед — смерть или свобода!»

Если первые падут,
поддержите знамя!
Пролита педаром кровь,
если все вы — с нами!
Не до слез в такой борьбе!
Горе у народа!
Наш пароль теперь:
«Вперед — смерть или свобода!»

Мужество всегда сильней,
чем любые беды!
В пепле наших смертных мук —
зарезо победы!
Палачам, пудам — смерть!
Хлеба для народа!
Наш пароль теперь:
«Вперед — смерть или свобода!»

Победим — оружие всё
прочь отбросим, братья!

Землю пашу заключим
в братские объятия!
Слышите, звенят плуги
на просторах пашен.
Наш пароль теперь:
«Вперед — мир да будет нашим!»

КУРТ ХУН

УЗНИКАМ

Улицу
от откормленных граждан
тошнит, как пропойцу в пивной...
Судить да рядить довольно!
В отряды пусть встанет каждый!
Время гудит недовольно:
Пора кончать с болтовней!

Пусть мрак,
что над вами замер,
о казни весть принесет.
Утро
у ваших камер
гласит:
Мы поднимем народ!

ПАУЛЬ ЦЕХ

НАВЕРНО, СЛИШКОМ КРОВЬ МОЯ ГУСТА...

Своим сумел бы я здесь стать,
но быть мне суждено изгоем,
на берегу морском стоять,
пока не захлестнет прибоем.

Наверно, слишком кровь моя густа,
чтобы перенести разлуку.
В мозгу почамы — мыслей суета,
что лишь успливает муку.

Я слышу детский крик, он до сих пор
доносится из прошлой жизни.
Я знаю, есть пока тропинка в створ
ворот, что на пути к отчизне.

Я утверждаю — белые поля,
где хлопок выращен мозолями и потом,
со мной едины, всё — моя земля...
О, если б мир умел воздать не чьим-то взлетам,

а простоте, с какой старик пеоп
меня приветил мимоходом!
Стою на улице, растеряп, оглушен
той теплотой, что рождена народом.

Как хорошо, когда рождественский снежок
запорошит деревню, озеро и ели...
А здесь жара и кактусы, и я пока не смог
решить, каким теперь я стал на деле.

Терзаюсь я, что с прежней добротой
покончено, быть не могу добрее.
Жить жизнью согнутым, чем тешиться мечтой,
теперь я предпочту скорее.

Хлеб, взятый властью там насильно у меня,
здесь получаю словно бы по праву;
здесь не интересуются, откуда я,
лишь спрашивают, все ли мне по праву.

Буэнос-Айрес

МАКС ЦИММЕРИНГ

НЕ ТРЕПЕЩИ ОТ СТРАХА

(1944 год, на возвращение из эмиграции)

Не трепещи от страха,
что встретит нас дома кошмар;
пам дом поднимать из праха,
но нужен сердечный жар,
чтобы трудиться до пота
и помнить о нашей вине,
иначе твоя работа
не даст ничего стране.

Но если страшишься, не зная,
па что этот ужас похож,
ты слаб, и затея пустая
силу искать — не пайдешь;
эпачпт, ни сил, ни цели
ты не имел никогда,
тех, что всех нас сумели

сплавить в отряд, и тогда
надеждой смогли мы зажечься
и стали смерти сильней;
от правды посмели отречься
лишь те, кто был слаб перед ней.

Надеждой, которую годы
совсем не состарили, нет:
тебя сгпбали невзгоды,
но ей не прибавили лет;
надеждой, что нас освежала,

как влага из родника,
когда нам сердца сжимала
удушливая тоска.

Не нужно дрожать от страха:
ведь если сердце горит,
страну ты поднимешь из праха —
твой труд этот прах воскресит.

ВЕРНИСЬ, СОЛДАТ

Вернись, солдат, вернись, солдат.
Поломан меч, повсюду ад,
твои друзья мертвы лежат.
Нет разве лучшей доли,
чем гнить на русском поле?

Солдат, маршировал твой взвод.
Вы шли вперед, всегда вперед.
Твой друг не верил, что умрет,
И грабил разудало —
И вот его не стало.

В Германии, солдат, твой враг,
а ты несешь кровавый стяг
в чужие земли, сея мрак,
воруя, убивая, —
дорога роковая!

Солдат, вернись, солдат, вернись.
Я тоже немец — оглянись!
Ждать больше нечего — очнись!
Стать жертвой этой бойни
или выжить — что достойней?

Домой не слишком путь далек.
Не верю, что за этот срок
самим собой ты стать не смог!
Тот, кто вас вел, солдаты, —
вот недруг ваш заклятый.

А дома — дети и жена,
и помощь им нужна, нужна,
но вот успеет ли она?
Их от судьбины грозной
спаси, пока не поздно.

Побед окопчлась пора,
ты больше не кричишь «ура!»,
а вместо дома — гарь костра.
Солдат, рукой своею
кончай войну скорее.

ОСЕНЬ НАД ДРЕЗДЕНОМ

Деревья голы, высохла трава,
река угрюма и почти мертва,
почами — сырость и прохлада,
гуляет смерть по тропкам сада,
повсюду палый лист и гниль,
а пад развалинами — пыль,
что не даст вздохнуть глубоко,
и ночь спешит унасть до срока
на город, превращенный в прах,
на город, что стоял в лесах
не только осенью — зимою,
пока он не воскрес весной.

ГЕДДА ЦИННЕР

Я ОЧЕНЬ ДОЛГО ГОЛОДАЛА

Я очень, очень долго голодала,
Так долго я не ведала руки,
Что нежно льется вдоль моей щеки
Так, как твоя. В тебе мое начало.

Слова любые значат очень мало.
Не описать весь ад моей тоски.
Какие бездны были мне близки!
Слова любые значат очень мало.

Не выстрадав, не ощутив чужого.
Твоя судьба иным путем лилась.
Но жизнь во мне тогда пропустилась снова,
Когда для многих только началась.

Нашла я избавление от мук
Лишь в нежности твоих горячих рук.

Написано в эмиграции, в 30-е годы

РЕНЕ ШВАХГОФЕР

ПРИЗНАНИЕ ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Я выполнил только
Мой долг, только
Долг. Этого
Слишком мало. Я должен был
Предотвратить три войны и нередко
Презирать мою мать, сурово
Прогонявшую нищих. Я вел
Обычную жизнь, любил,
Как и все. Мне тоже пришлось
Ночевать в ночлежке. Убийце
Я дал приют. В остальном же
Я просто всегда исполнял свой долг.
Этого
Слишком мало. Сейчас я желаю
Предстать пред судьей. Таким,
Кто делал бы больше,
Чем требовал долг:
Ибо он должен судить
Равнодушного, всю свою жизнь
Исполнявшего долг, не считая
Двух или трех добрых деяний.

**ПОЭТЫ
МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

ЧОЙЖИЛЫН ЧИМД

БАЛЛАДА О ПЯТИ СОЛДАТАХ

Пятеро солдат на высоте,
Пятеро в огне и духоте.
Пятеро спокойных храбрецов,
Пятеро, зажатые в кольцо.
Безымянною считалась та
Беззаветной схватки высота.
Встали двое русских молодых,
Встали трое цыриков¹ моих.

Пули, воя, устремились к ним,
Пушки били громом разрывным,
Тапки вверх безжалостно ползли,
Тяжко приминая грудь земли.
Безымянна высота? Ну что ж,
Бестия, ее ты не возьмешь.
Выдержать! Приказ им был таков.
Выстоять! Клянутся пять бойцов.

И когда пришел на помощь полк,
И когда огонь врага умолк,
Пятерых на высоте пашли,
Пятерых, что встать уж не могли.
Высота не безымянна, брат,—
Высотой Пятерых Солдат
Названа она в честь пятерых —
Двух бойцов и цыриков троих.

¹ Ц и р и к — солдат, вооруженный всадник.

ЧОЙЖИЛЖАВЫН ЛХАМСУРЭН

ДОЧЬ

(Из поэмы «Полковник»)

Девушка в солдатской гимнастерке.
Фото сохранило ясный взгляд,
Ласковую детскую улыбку.
Три десятка лет тому назад
Было ей, наверное, шестнадцать.
У нее, прекрасной, как весна,
Был покой на сердце...
Но покоя
В годы те не ведала страна.
Недруги — и здесь и за границей —
Досаждали то и дело нам.
Не терпелось, видно, нашу силу
Испытать, испробовать врагам.

Восемнадцать лет народной власти.
Ей опора — северный сосед.
При его поддержке и участие
Много одержали мы побед.
Новой жизни семена растили,
Мощь свою крепили день за днем.
И следили, пристально следили
У границ восточных за врагом.
Всю Халху по карте рассмотрели
Генералы «солнечной» страны¹,
Будто бы они и в самом деле
Азии судьбу решать должны.

¹ То есть Страны восходящего солнца — Японии.

Сломанные на Хасане кости
У вояк японских не срослись —
Вновь они, полны вражды и злости,
Замыслам коварным предались.
Мания слепая превосходства:
Самурай! Да что ему монгол!..
Мировое снится им господство.
А пока — вперед, на Халхин-Гол!
И на карту жирная ложится
Грифеля разбойного черта.
И опять пошел с врагами биться
Старый командир полка Бата..
...Девушка в солдатской гимнастерке
Смотрит с фото, словно греет вас.
Пала смертью храбрых...
Гордый, горький
Пусть полковник сам ведет рассказ.
— В ту весну шестнадцать лет ей было.
Девушка красавицей слыла.
Жаль, не мать лелеяла-растила,
Мать-то слишком рано умерла.
Да... Росла послушной, работающей,
Умницей была Амарзайя.
Стала героиней настоящей,
Подвиг совершила дочь моя!
Девушке в тот год невестой стать бы.
Благопожелания принять,—
Нет, не дожила она до свадьбы,
Не пришлось ей первенца качать...
...Дочь всегда была мне самой близкой.
С малых лет армейское житье...
Стала неплохой в полку связисткой —
Я же сам и обучал ее.

Лето было жаркое, сырое.
Начинался ливнями июль.
Враг пришел с востока.
Над землею
Почеслись снаряды, дико воя,
В воздухе — посвистывающие пули.
Полк наш оказался в окруженье.
Все теснее враг сжимал кольцо.
Дождь, ненастье, горечь отступления.

Заглянула смерть бойцам в лицо.
Телефон безмолвен, как нарочно,
С миром паша связь оборвалась.
Кровь из посу! — нужно было срочно
Выйти нам с дивизией на связь.
Легче самому погибнуть, лишь бы
Вверенных тебе людей спасти.
Враг хитер, а ты будь хитрым трижды.
Но пайди к спасению пути.
«Связь наладить!» —
Первое решение
Принял я как командир полка.
Но кому такое порученье
Дать, чтоб связь была наверняка?
В темноте,
Средь вражеских расчетов,
Поврежденный провод отыскать —
Это же для смертников работа!..
Полк я перебрал за ротой роту,
Приказал Амарзайю позвать.
Тут же с ординарцем дочь явилась,
Быстрая, как горная коза.
Вижу, за плечами набок сбилась
Под дождем намокшая коса.
«Прибыла по вашему приказу!» —
Тянется девчонка, как солдат.
...С цею я заговорил не сразу.
Вызвал дочь — и сам уже не рад...
Что-то вдруг от сердца откололось,
Стиснул душу безотчетный страх.
Вылитая мать — такой же голос,
Искорки такие же в глазах.
Взгляд задорный,
Чуточку лукавый,
Словно у бывалого бойца.
У меня на дочь — двойное право:
Право командира и отца.
«Вольно, дочка!..
Час пришел суровый,
Мужества он требует от нас.
Слушай
И запомни слово в слово
Мой приказ

И родины приказ. —
Говорю — и голос мой спокоен,
Боль в груди как будто улеглась. —
Ты связистка, ревсомолка, воин.
Вот задача:
Обеспечить связь.
Может быть и трудно и опасно...»
«Ясно!»
«Вот тебе моя рука.
Выполняй задание, коли ясно». —
«Есть, товарищ командир полка!»

Теплая, сырая ночь в июле.
Низко над землей нависла мгла.
Ухали снаряды, пели пули.
Мимо часового в карауле
В темноту Амарзайя ушла.
Гул разрывов то вдали, то близко.
Тишина на несколько минут...
...Взвод солдат и девушка-связистка
Ощупью вдоль провода идут.
Мысленно я путь их отмечаю,
Чтоб глушить сердечную тоску;
Вот через барханы переползают,
Вот ползут по мокрому песку...
В трубке код: «Разрыв не обнаружен».
Тихо...
«Не нашли», — звучит опять.
Разговор со штабом, как он нужен!
Дальше, дальше...
Надо отыскать!
Дождь прошел, и небо посветлело,
Ключья рваных туч на юг ползут.
Ухо жмется к трубке, занемело.
Треск какой-то, что-то захрипело.
Вдруг по коду слышу слово: «Тут!»
Молодцы, ребята! Отыскали.
Значит, выйдем мы сейчас на связь.
Вдруг верстах в пяти, на перевале,
Снова перестрелка началась.
Рассветает. Скоро встанет солнце.
За палаткой ржет в испуге конь.
Голос дочки в трубку:

«Здесь японцы!
Наши залегли, ведут огонь!..
Поднялись...
Вступают в рукопашный!..
Связь готова, говори со шта...»
Помню все,
Как помню день вчерашний.
В трубке грохот, треск и — немота.
Снова треск, комдив меня услышал.
Час прошел. Вернулся взвод-герой.
И несли бойцы, подняв повыше,
Дочь мою с поникшей головой.
Отошла, не приходя в сознание,
Юная моя Амарзайя.
Выполнено важное задание,
И — один как перст остался я...

Все детали краткого сраженья
Взводный торопливо доложил:
«Вот, попали мы на повреждение,
Провод ищем,
Враг зашел нам в тыл,
Бьет огнем прицельным из засады.
«Провод есть!» — кричит Амарзайя.
«Взвод, ложись!» — командуя отряду,
Прикрывать, отстреливаться надо.
От Амарзайи — ни шагу я.
Тяпает, вяжет — смелая девчонка!
Слышу: в трубку звонко так кричит.
А потом сказала что-то тонко,
Воздуху хлебнула — и молчит...
Восьмерых ребята положили,
Четверых с собою привели,
Только дочку вам не сохранили...»

Пленных мы в то утро допросили.
Сведенья в дивизию поили.
Выбран был участок послабее —
К ночи на прорыв поднялся полк.
Честно дочка, жизни не жалея,
Выполнила воинский свой долг.
Крепко самураев наши били,
Побеждали мы не без потерь.

Час пришел, и вот мы победили! . . .

...Я старик, но помню и теперь
Дни тревог, боев и напряжения,
Помню, как тогда, в сырую ночь,
Полк наш выводить из окруженья
Помогала мне родная дочь.
Были у меня в полку связисты,
И, конечно, я им доверял.
Почему ж в ту пору с сердцем чистым
Дочь я на задание послал?
Временами требует сурово
У себя же
Разум мой
Отчет.

Командир, я мог послать любого,
Но отец — дитя свое пошлет!
Память о жене моей покойной
Подтверждает правоту мою.
Слышу я:

«Ты поступил достойно,
Выбрала б и я — Амарзайю».
Значит, правда: жизнь дающий волен
Рисковать судьбой детей своих.
Множество могил на Халхин-Голе.
Дочь моя лежит в одной из них.
Памятников строгих единенье.
У падгробий — «Павшему в борьбе...»
Девочка моя!
Людей спасенье,
Выведенный полк из окруженья —
Вот он —
Вечный памятник тебе!

Головой поик полковник старый —
Труден был ему такой рассказ.
Боль перенесенного удара
Заставляла замолчать не раз.
Может, был рассказ его пестроен,
Слезы на глазах — лишали сил.
Помолчали.
Вновь Бата спокоен.
Вот и все... Что слышал — изложил.

САНЖМЯТАВЫН ДАШДЭНДЭВ

КАВДИВИЗИЯ

Ночь. Покой. Монгольская граница.
Спит, укрывшись тьмой, гора Утай.
Сонно бормоча, родник струится...
Тишиной объят пустынный край.
Бродят кони по траве росистой,
Вспугивая храпом тишину.
Спят глубоким сном кавалеристы
У дневной усталости в плену.
Здесь на страже мира и покоя
Конница монгольская стоит.
Здесь хранится знамя боевое,
Пронесенное сквозь пламя битв.
Ночь сползает с горного отрога,
Брежит зорька — немощна, слаба...
Крепко спят бойцы. И вдруг тревогу
Прокричала медная труба.
Строятся полки. Звучат команды.
Каждая минута дорога.
Ночью перешли границу банды.
Боевой приказ: разбить врага!
Ночь еще не сбросила покрова,
Горные вершины в полумгле.
Цокают размеренно подковы
По монгольской исстари земле.
Где-то там, за дальним перевалом,
Не стихает канонады рев:
Тонны смертоносного металла
Сеют жерла вражеских стволов...
Путь не близок. Цокают подковы...

Конной веренице нет конца.
Лица всадников мрачны, суровы,
Гневом наполняются сердца.
Пройдены песчаные барханы,
Отпылал, сияя солнцем, день,
Вновь ползут вечерние туманы,
Скоро степь накроет ночи тень.
Лпшь миражи, поманив покоем,
Возникают, призрачно легки...
Цокают подковы. Строгим строем
Двигаются конные полки.

* * *

Берега реки скалисты, голы,
Стынут камни в пенистой волне.
Там, за водной гладью Халхин-Гола,
Смерть гуляет в дыме и огне.
Там давно защитники кордона
Глохнут в реве вражеских атак.
Бьются насмерть воины Чогдова,
Но упорно наседает враг.
То и дело фланги под угрозой,
Самуран лезут напролом.
Тяжело утюжат бомбовозы
Землю, опаленную огнем.
«Дать отпор зарвавшимся бандитам!»
«Есть! — в ответ. — Атаку! Ну, трубач!»
Вздогнула земля. Стучат копыта,
Бешеные кони мчатся вскачь.
Нет в степи такого места, где бы
Не могла дивизия пройти,
Но внезапно вспарывает небо
Гул моторов на ее пути.
Злобно хлещут смертью пулеметы,
Путь отрезав конному броску.
Саблей не достанешь самолета,
Коршуна не свалишь на скаку.
Мчатся кони. Их галоп неистов...
Нужно выйти к берегу реки.
Поддержали марш кавалеристов
Со звездой на крыльях «ястребков».
Две машины пламенем объаты,

Почерк у советских асов прост:
Падают воздушные пираты,
Оставляя в себе дымный хвост.
Как всегда, крепки рукопожатья
Преданных, испытанных друзей.
С нами встали северные братья
На защиту наших рубежей.

* * *

Халхин-Гол. Стоит в зените солнце.
Войны в барханах залегли.
Лезут охмелевшие японцы
На защитников родной земли.
Подтянул противник для удара
Лучшие, отборные полки.
Прибыл генерал Камацубара
Разгромить монголов у реки.
Залегла монгольская пехота,
Вгрызлась в землю, принимая бой.
Прошивают небо самолеты,
Завывает смерть пад головой.
Танками дорогу пролагая,
Самураи двинулись вперед.
Брызнула огнем передовая,
Открывая смертоносный счет.
Рывкнули орудия с высоты,
Дымом затянуло небосвод —
Артиллерия прямой наводкой
Бронированных чудовищ бьет.
Семь машин не вышло из атак,
Рев «банзай!» солдатам не помог,
Дрогнули хваленые войки,
Повернув, пустились паутек.
Бой не кончен. Это лишь начало.
Силы у японцев велики.
Восемь раз атаки отбивала
В этот день бригада у реки.
Дотемна ревела канонада,
До глубокой тьмы под трубный зов
Вихрем вылетала из засады
Конница, преследуя врагов.

* * *

Бились монголы и в зной и в ненастье,
Знали, не будут забыты они:
Прибыли с севера русские части,
Славной Советской Отчизны сыны.
Шли артиллерия, танки, обозы,
Шли батальоны, печатая шаг,
Грозно гудели во тьме бомбовозы —
Вестники наших победных атак.
Нет, не пройдут самуран на запад,
Здесь ипоземцы могилу найдут,
Здесь им обрубят кровавые лапы,
Здесь их навеки пески погребут.
Снова и снова шагают с Востока
Части отборных квантунских полков;
Пусть под напором стального потока
Вылетит снесь из монгольских голов.
С юга спешат генералы иные,
Те, что знавали в сраженьях успех.
Что им границы и земли чужие!
Всё завоюют они без помех.
Что им какая-то горстка монголов!
Сильным ли с ними вести разговор!
Надо прогнать их с высот Халхин-Гола...
Мужество, твердость противника? — Вздор!
Что им пустыни, озера, барханы!
Нет для японцев неторных дорог.
Им покорялись заморские страны,
Надо и эту загнать под сапог...

* * *

В штабе у карты стоят ветераны.
Здесь заседает военный совет.
Здесь разработаны смелые планы
Ближних блестящих военных побед.
Тихо беседуют два полководца,
С Жуковым рядом стоит Чойбалсан:
«Враг к высоте за барханами рвется?
Пусть насаждает на Баин-Цаган.
Там и устроим ему мышеловку, —
Будет почище прославленных Канн.

В битве решат быстрота и сноровка,
Там попадут самураи в кашкан».

Враг торжествует: сегодня преграду
Он проломил, овладев высотой.
Спешно вручают солдатам награды.
Бапн-Цаган — под японской пятай.
В спешном порядке копают траншеи,
Надолбы ставят в четыре ряда,
Здесь, мол, свернут себе красные шеи,
Им высотой не владеть никогда.

* * *

Тихо беседуют два полководца.
Отдан приказ: окружить высоту!
Ровно в четыре ракета взвьется
И подведет под приказом черту.
Ровно в четыре завоют снаряды,
Соколы с неба обрушат фугас.
Нет иноземным убийцам пощады!
Час остается до финиша, час.
Ровно в четыре броня загрохочет,
Грозные танки пойдут на прорыв.
Нынче победы ничто не отсрочит,
Смелых сердец не угаснет порыв.
Ровно в четыре клинки засверкают,
Будет стремителем конный бросок.
Пусть на себе саранча испытает,
Крепок ли острый монгольский клинок.
Ровно в четыре... Остались минуты...
Скоро ракета взорвет тишину.
Будет расправа с противником лютой,
Здесь самураи окончат войну.
Так и случилось: под гром канонады
Взмыли советские соколы ввысь.
Ухали бомбы, ревели снаряды,
Танки стальной лавиной неслись.
Смертью дышали стволы огнеметов,
В пекле сраженья дрожал небосвод.
С криком «ура!» покати́лась пехота,
Конница лавой рванулась вперед.
Слава бесстрашным советским солдатам,

Шедшим в атаку под градом свинца!
Слава монголам! Свершилась расплата:
Враг не ушел из стального кольца.
Слава лихим эскадронам Дандара,
Несшим свободу на остром клинке.
В страхе бежали бандиты от кары,
Тщетно искали спасенья в реке.
Всадники всюду врагов настигали,
Много слетело безвестных голов.
Вот она, песня отточенной стали,
Вот она, твердость монгольских клинков!

* * *

Под песками барханов
Иссыхают бандитские кости.
Под песками барханов
Самураева слава лежит.
Пусть же помнят вовеки
Нашу силу незваные гости.
Мы — с Советским Союзом, —
Тверже стали такой монолит.

1969

ПУРЭВЖАВЫН ПУРЭВСУРЭН

ОНИ ЛЮБИЛИ ЖИЗНЬ

Красной змейкой голая дорога
Выскользнула из объятий степи,
Где барханы зыблются отлого,
Где, как волны, катятся их цепи.
Вот она уже в местах зеленых,
В море трав, расцветших небывало,
Где во всех росинках, в миллиопах
Ясных блесток,

солнце заиграло.

В те края, где всходит солнце это,
В бой необходимый, справедливый,
Старший брат умчался в час рассвета
На лихом копе с летящей гривой.
Пыль клубилась в перестуке дробном
Над извивами степной дороги...
Он драконом был солщеподобным
Для меня, не знавшего тревоги.
Ждал я, что вот-вот в потоке света
Он взлетит к зепиту в синей сини,
Но уже не видно силуэта
Ни в небесной, ни в земной пустыне.
Не вернулся он из дали жгучей,
Не коснулся щек моих губами,
Не прижал меня к груди могучей,
Пахнувшей походными кострами.
Пал мой брат, уйдя в пески пагине,
Там, где зори грозны и кровавы.
Но вернулись многие другие,
И сверкают ордена их славы.

Нынче юрта не одна согрета
Возвращеньем сына или брата,
Но и многие остались где-то,
И домой не будет им возврата...
Мать с отцом не утирают слезы,
Посиневшие набухли веки... ..
Минет зной, потом пройдут морозы,
Лишь разлука не уйдет вовеки.
Там, в Хэнтэе,

в Гоби

и в Хангае,

Песнь победы с песнею разлуки,
В погу нескончаемо шагая,
Шлют в грядущее

живые звуки.

Что оставили нам наши братья,
Павшие в пустыне Халхин-Гола,
Лишь земле открывшие объятья
Там, где пуля в сердце уколола?
Нам остались песни пировые,
Надома¹ пресветлого ступени,
Всплески радости

вечеровые,

Блеск огня в кипучей вишней пене.

Что оставили нам наши братья,
Обнимая на прощанье землю,
Старшие,
Любимейшие братья,
Те, чьей жизни верю я и внемлю?
Плач сирот, заботу и тревогу,
Дел недовершенную громаду,
Непройденную свою дорогу,
Недопитую свою усладу.
Павшие на черном поле боя
Под небесной синей благодатью —
Что не взяли в смерть они с собою?
Что оставили нам наши братья?
Будущее без конца, без края —
Солнечную даль тысячелетий,

¹ На дом — монгольский национальный праздник со спортивными соревнованиями, годовщина народной революции в Монголии (11 июля).

Где любовь пылает, не сгорая,
Нам оставили они на свете.
Жизнь они любили больше жизни,
Но се в те годы боевые
Беззаветно отдали Отчизне,
Чтобы жили на земле живые,

МИШИГИЙН ШИРЧИНСУРЭН

СЛАВА ВАМ, ГЕРОИ!

Вечерний свет
Тьма ночи поборола,
И расплылась,
Осела тишина.
О чем-то шепчут
Воды Халхин-Гола,
Ласкает берег
Легкая волна.
Здесь тридцать лет назад
Могучей ратью
Был путь закрыт
Коварному врагу.
Советские солдаты,
Наши братья,
Спят вечным сном
На этом берегу.

И слышит берег в плеске вод порою:
— Бессмертен подвиг. Слава вам, герои!

Безмолвна ночь...
И только на рассвете
Пробудит ветерок
Ночную тишь.
Что камышу
Нашептывает ветер?
И что ответит
Ветерку камыш?
Камыш и ветер

Шепчут, вспоминая, .
Как много, много лет
Тому назад,
Атаку за атакой
Отражая,
Здесь как герой
Советский пал солдат.

И вторят ветру стебли дружным строем:
— Ты, безымянный воин, был героем!

Вода и берег,
Ветер с камышами
Ведут всю ночь
Чуть слышимый разговор:
— Солдаты русские,
Вы были храбрецами,
Вам — слава вечная!
Врагам — навек позор!
Герои,
В сердце каждого монгола
Храпится
Память светлая о вас! —
Такой
Над берегами Халхин-Гола
Услышать можно сказ
В полночный час.

ЦЭНДИЙН ДАМДИНСУРЭН

ПОСЛАНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ.

(Из поэмы)

Позарился опять на счастье наше
Коварный мангас¹,
Злобный и жестокий!
Давно ли к нам тянулся он с востока,
Давно ль грозил он черными когтями, —
Но сабли русских армий богатырских
Сто раз кровавых нанесли ему.
Еще не затянулись эти раны,
А он России с запада грозит:
Кровавый Гитлер яростную свору
Чудовищ злобных, как собак, науськал
На родину Советов... Замышляют
Ее повергнуть в рабство палачи.
Напрасно золотой дворец советский
Они свалить пытаются,
Напрасно
Со всех сторон грозят ему клыками,
В развалины мечтая превратить!

Хоть пасть у них и широко раскрыта,
Но слишком узким оказалось горло, —
Подавятся они своим злодейством,
С лица земли сотрет их гнев людской!

¹ Мангас — многоголовое кровожадное чудовище, древний персонаж монгольского фольклора.

Хоть ветер тучи пыли подымает,—
Но все же небо синим остается!
Хоть подлый враг свою запосит лапу,—
Советская страпа непобедима!

Пусть встретят на пути своем фашисты
Сопротивленья каменную стену,
Пусть головы они в России сложат,
Пусть свастика исчезнет навсегда!

* * *

Неутомимый и храбрый,
Крепящийся с каждой весною,
Сил богатырских исполнен
Славный монгольский народ.

Тесной мы связаны дружбой
С гордым Советским Союзом,
Вместе — под флагом свободы —
Наши шеренги стоят!

Танков могучих колонну
Шлем мы пароду России,—
Пусть эти танки помогут
Подлых врагов сокрушить!

Гневом сердец благородных
Созданы эти машины,
Верим: фашистскому зверю
Шею сломают они.

Смело пойдут они в битву,
Хищных грома чужеземцев,
Реки от грозного гула
Русла покинут свои.

Встречные скалы сметая,
Ринутся в бой эти танки:
Пусть наши силы волеются
В дело всеобщей борьбы!

* * *

Из сердца, что полно любовью верной,
Из пламени души вольнолюбивой,
С приветствием и теплым пожеланьем
К советским обращаемся друзьям:
Пусть Ленина великое ученье,
Как снежная чистейшая вершина,
Указывает путь вам;
Пусть он будет
Широк, как степь, покрытая цветами,
Пусть станет жизнь советского народа
Сиять луною полной,
Распускаться
Соцветьями невиданной красоты!

Пусть горло ненавистного фашизма
Сожмут народы сильною рукою,
Пусть грудь его
Прижмут они коленом;
Пусть, мир и счастье обретая, люди
В любви и благоденствии живут!

1943

ДАШЗЭВЭГИЙН СЭНГЭ

ПИСЬМО С ФРОНТА

Поклон тебе, родимая земля,
Степям я кланяюсь, лесам,
Тебе, народ — моя семья,
И вам, товарищ Чойбалсан!
Посланцы ваши, мы на фронте
Вручили Красной Армии бойцам
Дары
От имени монгольского народа
И, возвращаясь, в сердце сохранили
Привет солдатский,
Воинскую клятву
Героев краснозвездных
От всей страны Советской,
От народов-братьев,
Что руку дружбы протянули нам
В дни Халхин-Гола.
Ныне
Поклон тебе, Монголия,
И слово их,
Которое я изложил стихами,
Чтоб долетело до тебя быстрее,
Чем ветер или птица, —
Это слово:
— Друзья и побратимы
В горне гнева
Вы плавили металл,
Брошу ковалю
В огне народной ярости,
И закалили
Оружие
Несокрушимой верой

В победу над фашизмом.
Вы вложили
Свои сердца
В сердца машин — моторы,
И рвутся танки в бой,
Как ваше сердце.
В атаках ураганных
Танк монгольский
Один
Одержит верх над двадцатью.

Спасибо вам за письма и подарки,
За их тепло,
Что нас согреш в стужу,
За вашу дружбу,
Что вдохновляет нас
На подвиги в сражениях
С фашистским зверем.
Да! Наш союз,
Испытанный в огне,
Несокрушим,
И в годы грозных битв
Еще прочнее стали
Узы дружбы.

За все,
За все ответят палачи!
За кровь детей, и стариков, и женщин,
За города, лежащие в руинах,
За пепелища сел,
За землю, что под игом стонет, —
За все ответят,
Не уйдут от мщенья!
Мы, Красной Армии бойцы,
Клянемся вам
Без устали громить врага повсюду,
Изгнать с земли советской
И навеки
Над логовом фашизма
Водрузить
Наш алый стяг победный
В день Победы.

ДЭНДЭВИЙН ПУРЭВДОРЖ

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

(Из поэмы)

Дробился камень, плавился металл,
Но на стене недрогнувшего Бреста
«За Родину!» — размашисто и резко
Боец своею кровью написал.
Он был далек и близок, тот боец,
Тысячеперетные нас разделяли дали,
Но тридцать наших маленьких сердец
Сжимались от тревоги и печали.
Мы были в школе, в тыловой тиши,
Но той войны безжалостная сила
Из наших рук рвала карапашни
И разливала школьные чернила.
Хоть был далек от фронта отчий край.
Рука войны порвала наши дали¹,
Давно забыли мы, как пахнет чай,
У стариков кисеты опустели.
Земля казалась черного черней,
И птицы черные над пей летели,
Но души полных мужества людей
Не гасли, не сдавались, а светлели.
И ночью тридцать наших матерей,
К шитью устало поклонивши лица,
Для неродных далеких сыновей,
В подарок фронту, шили рукавицы.
И тридцать воспитавших нас отцов
Послали в дар сражавшейся России

¹ Д э л и (дэл) — зимний халат на подкладке.

Выносливых, отборных скакунов,
Что сами в табунах степных растили.
С бойцами рядом в седлах в жаркий бой,
Звения, как сталь, рвались монголов души,
Под гром «ура» врага круша и руша,
Испепеляя лавой огневой...
Я снова вспоминаю школьный класс.
Глядящее открыто в три оконца,
Лилось через двенадцать стекол солнце
И ярким светом озаряло нас.
Но восемь стекол, выбитых войной,
Заделаны картоном и фанерой,
И Сорок Третий, сумрачный и серый,
Лишь сквозь четыре свет дарил нам свой.
Скупой, суровый свет, но мы под ним,
Не дрогнув, ждали, окрыленно жили
И в тридцати тетрадках выводили
Упрямые слова: «Мы победим!»

1969

У тех, кто пришел сюда, скорбные души. . .

Сколько месяцев,
кто сочтет,
в девятистах днях?
Сколько лет —
о, как сложен счет! —
в девятистах днях?

Но сколько не вынесло голода?
 И сколько сгорело в огне?
 И сколько погибло от холода?
 Не выговорить мне.
 Не выговорить — нет мочи —
 Безымянных число,
 Чьи жизни в те черные ночи,
 В те страшные дни унесло.
 Вот Танечки девятилетней
 Предо мной дневник,
 Строками страницы последней
 Он в мое сердце проник.
 Такое лишь на гробнице,
 На мраморе высекать,
 А это на мятой странице
 Для нас сберегла тетрадь.
 Так вост пародное горе!
 Так рвется в душе струна!...
 Проклятье фашистской своре!
 Проклятье тебе, война!
 Девчушка в пустой квартире
 Судьбу записала свою,
 Обрушившуюся, как буря,

На дом, на нее, на семью.
«Семнадцатого марта
Не стало Лены.
Третьего апреля
Умер дядя Ваня.
Десятого мая
Умерла мама.
А в двенадцать часов
Умер Женья.
От Савиновых осталась
Я одна».
Каждая буква так ясно видна.
Только себя не сумела сама
После похоронить.
Видеть — и не сойти с ума,
Только слезу уронить!
Стою над могилой, оцепенев,
В сердце смешались горе и гнев.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Здесь, под стеной Кремлевскою зубчатой,
Безвестный прах советского солдата.
И отблеск свой бросает на гранит
Огонь, что никогда не догорит.
В земле родной поконится солдат,
Что был в бою и не пришел назад.
Теперь он славы вечной удостоен,
Отчизны сын, присяге верный воин.
Все кровное с ним чувствуют родство,
Хотя не знают имени его.
Был грозен бой, свирепа и страшна
Была четырехлетняя война.
Он был из тех, кто долг исполнил свой,
Он был из не вернувшихся домой.
Какое здесь на камне имя высечь?
Он был один из многих сотен тысяч,
Для родины — один из сыновей,—
Теперь он спит в родной земле своей.
Откуда он? Бесплодны все догадки...
Из Астрахани? Может быть, с Камчатки?
Он мог в Одессе солнечной родиться.
И в Таллине. И здесь, в самой столице...
Он был из тех, что жизни не щадят,
Он был из тех, что не пришли назад.
Какое же на камне имя высечь?
Он был один из многих сотен тысяч,
Для родины один из сыновей,
Теперь он спит в родной земле своей.
Здесь каждый подошедший молчалив,—

Шаг замедляет, голову склонив,
Чтобы раскрыть пред этим обелиском
Печаль свою о ком-то самом близком.
Здесь мать паходит сына наконец,
Здесь девушки поконят отец,
И мужа прах находит здесь вдова...
Он близок всем, — и каждая права.
Мать чувствует, что сын любимый тут,
Сюда к отцу погибшему идут.
Здесь мужа прах, оплаканный женой, —
Для каждого он близкий и родной.
И каждый в дар ему цветы припес.
Здесь льется много неутешных слез —
За сына, мужа, друга и отца,
И скорбью надрываются сердца.
Он был из тех, что смелы и честны,
Он был из не вернувшихся с войны.
На встречу грустную сюда идут опять. —
О, если бы хоть голос услышать...
Приходят те, чьи братья и сыны
В сырой земле войной погребены,
Те, кто узнал, как жгуч и непрерывен
Бывает слез неуправимый ливень.
Не счесть погибших, — страшною цепой
От гибели спасен был шар земной.
Страна воскресла, силы обновя, —
Но ведь не все вернулись сыновья...
Безвестный здесь поконят солдат,
Но с ним герои многие лежат.
Здесь как бы все представляется одним,
И потому огонь неугасим.
И пусть народ не знает всех имен, —
В граните подвиг каждый воплощен.
Солдат в земле покоится, храня
Неугасимость вечного огня.

ПОВЕСТЬ О ДОБРОМ КОНЕ, ИЛИ БЫЛЬ О ДВУХ СЕРЫХ

(Из поэмы)

Война, известно, не игра,
А горе-гореванье.
Война — суровая пора,
Година испытанья.
К победе путь непрост порой.
Путь к жизни — путь сквозь смерть! —
Проходит через лютый бой,
Пылающую твердь.
На запад пятились враги
Под русских пушек гром.
Шли краснозвездные полки,
Мерцали острые штыки,
Дыпала смерть свинцом.
Фашист, запомнивай урок!
Он справедлив, хоть и жесток:
Что сеял, то и жни!
Рывок вперед. Еще рывок!
Граница! Польна... Белосток...
Пылающие дни.
Не думал Костя, не гадал,
Когда скакал вперед,
Что огненный девятый вал
Коня его возьмет...
Конь честно выполнил свой долг,
А ныне — смерть пришла.
Заржал бедняга и умолк.
Глаза застлала мгла.

Потом предсмертная слеза
Вдруг наворачнулась на глаза.
Как будто стих на время бой...
И видит конь перед собой
Улус далекий свой степной.
С небес сочитя бирюза,
И чует, чует он душой
Слепящий зной,
И трав настой,
И полдень золотой...
Он — жеребенок, он хоть мал,
Но видно каждому — удал!
Полна родимого тепла,
К нему неспешно подошла
Песочная кобыла
И вволю напоила.
Все пьет и пьет он молоко,
Ему и сладко и легко!..
...Подняться серый уж не смог,
Что ж, смерти неизбывно бремя.
Гремел войны горластый бог,
И стопом отзывалось стремя.
Копыта, что топтали
Врага скотинны — волка,
Копыта, что ступали
В походе — долго-долго,
В рывках последних чetyрех,
Помедливши, застыли.
Круп залоснился в мыле,
Слетел последний вздох...

Почуял старший серый
Беду свозь гул дорог —
Фашистам полной мерой
Он мстил, как только мог.
И злобным стал и диким
Зубов его оскал.
Врагов, бежавших с криком,
Лягал он и кусал.
Посреди огня
Конь искал коня.
Пахнет порох серой...
Где ты, младший серый?

Почему ты, младший, нем,
В чем причина тут?
...Труд коня не легче, чем
Человека труд!
Конь переплывает реки
Под дождем свинца,
Конь наезднику навеки
Верен, до конца.
Надо — прыгнет и в огонь.
Вот что значит верный конь!

Старший серый спал тревожно.
Сон, ты в прошлое манишь!
Вот, ступая осторожно,
Подошел к нему малыш.
Всех мальчишек атаман,
Шестилетний мальчуган
Сел верхом — им не впервой
Проскакать на водопой!
Светит солнышко, лаская...
Конь проснулся, ощущая
Отсвет ласки лучевой,
Вкус водицы ключевой.
Одер в голубом тумане.
Тишине недолго стыть.
Хорошо в рассветной рани
Мир окрестный ощутить!
Лейтенант Ковалькин любит
Верного коня.
Холит серого, голубит,
Жизнь его храня.
Серый к русскому привык,
В жарких битвах опален.
Понимал его язык,
Хоть в Монголии рожден.
— Эй, Буран! — хозяин тихо
Как-то молвил. — Смотришь лихо!
Хорошо, что мы с тобой!
Я сыскал тебя душой —
Одного из тыщи.
Хорошо, что мы судьбой
Спаяны, дружище!

Неуемен аргамак,
Бодр неутомимый шаг,
Зорок конь степной.
Дождь ли проливной,
Солнце ль жаркое печет —
Серый друг не устает.
Сбруей ладною звеня,
На рысях пройдет три дня.
Хворь случится — переборет,
Пенюгу переспорит,
Из-под снега корм найдет,
Без питья не пропадет.
Всегда докажет делом —
Не ведает испуга.
В беде не выдаст друга.
В бою — прикроет телом.
Под вражьем небосводом
Хлеб делят пополам...
Спасибо скотоводам —
Монголии сынам!

Врага прицельный град косил,
Шли наши в наступленье.
Ковалькин в стычке ранен был,
Как есть, в разгар сраженья.
Что ж, госпиталь. Недалекий тыл.
...В той госпитальной стороне
Вздыхает парель о коне:
Где серый? Как один живет?
Тоскует ли? Что ест, что пьет?
Скучает лейтенант. И вдруг
Врывается в палату друг:

— Тебя я, брат, ищу. Привет!

— В чем дело, ты откуда?

— Да уж поверишь или нет,

Но приключилось чудо!

Сюда Буран твой прискакал,

Порвал и привязь, и подпруги... —

Друг, улыбувшись, продолжал:

— Твой серый — преданней подруги!

Лишь в сказке, верно, может быть,

Чтоб двое так могли дружить.

— Ну что ж, к Бурану я теперь.

— Дежурный не откроет двери!
— А я — в окно!
— Нельзя, стой! — . . .
Но лейтенант махнул рукой...
— Ты что, с ума сошел? Вернись! —
Друг крикнул торопливо.
...Целует серого Борис
И нежно гладит гриву.
— Нас ничто не разлучит! —
Он Бурапу говорит. —
Ведь побратимы мы с тобой,
Дружище верный мой.
Лишь в день Победы обретем
Покой с тобой вдвоем!

Порядок в госпитале строг,
Ломать его никто не в силе.
В окно Ковалькина прыжок
Имел перадастный итог:
Бориса ордена лишили...

Шумел войны немолчный шторм,
Вздыхался дымный шквал.
...Коню Ковалькина задал корм,
Потом его взнуздад.
И вот в атаке лейтенант,
Отвагою горя,
Громит остатки вражьих банд
Мечом богатыря.
Он тем отточенным мечом
Отчизны честь вознес,
Чтобы сияла, как утес,
Под солнечным лучом!
Гремят дощатые мостки,
Пылает берег Шпре-реки,
И камни ест огонь,
И с танком наперегонки
Монгольский скачет конь.
Гремит набатом гром копыт,
Берлин поверженный дрожит.
Прожжен снарядам небосвод,
Седеет и гранит.

Навеки бой последний тот
История хранит.
Утих войны бессонный бой,
Упал язык огня.
Спасибо, друг, монгол степной,
За верного коня!
Спасибо! — говорит страна.
Что крепче дружбы зданья?
Нас вместе сплавила война,
Годипа испытанья.
Сияй в веках, Победы лик,
Улыбку не тая!
...Я приглашаю вас на миг
В монгольские края.
Весна, победная весна,
Прекрасный сорок пятый!
Особенная тишина,
Расцветенная вышипа,
Великий час крылатый!
И ожил ветер и запел,
Что много нынче мирных дел,
Что свет Победы гонит тень...
Дава-гуай в тот самый день
Из центра своего сомона¹
Спешил домой. Неугомонно
Пел ветер радости в ушах
О добрых трудовых делах.
— Готовь, жена, душистый чай.
Что есть, к застолью подавай!
Чуток чайку земле плеснем,
Пускай вернется к нам дождем!
Наш серый тоже был в бою:
Он в Бранденбургские ворота
Влетел, топча врагов без счета,
Топча фашистскую змею.
Где Гитлер подлый обитал,
Он смерчем смертным проскакал,
И ржанье разрасталось в гром.
Не пропадешь с таким конем!
Когда я утром нынче вышел,

¹ Сомон — низовая административно-территориальная единица в МНР.

То ржанье дальше услышал
И увидал богатыря,
Что верил в серого не зря!
Вдруг маршал Жуков сам на Сером
Промчится радостным карьером,
Потом проскачет на парад
В сиянье боевых наград!
— Жаль, младший серый наш погиб,—
Вздыхнул Дава-гуай.
Старуха подавила всхлип,
И стал ей горек чай.
Светильник тут она зажгла,
Хвативши горя полной мерой.
К стене, понурясь, подошла —
Глядел из рамки младший серый.
Конь был как будто бы живой,
Он словно ржал и рвался в бой!..

ЦЭНДИЙН ДАМДИНСУРЭН

САМУРАЙ

Хотел всю Азию прибрать
К рукам чертяка островной.
Бандитов злобствующих рать,
Разбой считающих войной,
Внезапно вторглась в мирный край,
Меч превратив в бандитский нож.
Но был наказан самурай
За вероломство и грабеж.
Он по заслугам получил:
Шест с белым флагом — приз войны,
Чужую землю для могил
И саван из морской волны.

1945

ДОЛГОРЫН НЯМА

ОТЕЦ И ВОЙНА

Отца из дому война увела,
Отец от дома отвел войну.
На фронте война убила отца,
Но и отец убил войну.

1965

МОЙ ОТЕЦ

(Из поэмы)

НЕ ПОМНЮ, НО ЗНАЮ...

Я выросла уже,

я стала взрослой,

А не припомню моего отца...

Мать говорит:

«Он сильный был и рослый».

Но ни походки, ни его лица

Мне не представить.

Только по рассказам,

По письмам, что зачитаны до дыр,

Вдруг образ папин

постигаю разом...

Войны не зная, зная только мпр,

Не пережив всё горе,

все лишения,

Что мать моя извела сполна,

Я все-таки

пмею представлять

О слове жутком, сумрачном: «война».

Есть гарь в душе,

есть мужество и твердость,

Упорство перед трудностями есть

И тайная,

осознающая гордость:

Мне, дочери, хранить отцову честь!

Он молодым остался.

И порою

В почпых беседах с ним насдине
Я чувствую себя

его еestroю.

Незримый, он со мною, он — во мне.

Я помню детство:

мама то и дело

Рассказывала что-нибудь о нем

И от рассказов долгих

поседела,

Ссутулилась, осунулась челом.

... От шорохов дрожит

по-стариковски,

Ее печальным думам нет конца...

Ребенком

отразясь в зрачках отцовских,

Не помню я, но — знаю я отца!

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

Пока не рассеется

запах каленый свинца,

С тобою не свидимся,

дочь не увидит отца;

Пока не погоним

и не опрокинем врага,

Не видеть мне юрты родимой,

ее очага.

Частицу любви моей

с этим письмом отоплю:

Вернусь — и узнаете,

как вас обеих люблю.

Ты хочешь, любимая,

что-то узнать про меня...

Вот вышел из дыма я,

выбрался из-под огня,

А где-то снаряды

Дробят и дробят тишину.

И горы-громады

От гулких разрывов дрожат.

В боях побывали.

Познали мы близко войну.

Домой же с войны

собираюсь в выходной —
 Я очень часто
 думаю о нем.
 Когда бы он
 со мною рядом был,
 Слова,
 дела мои — как оценил?
 Я выросла —
 духовной связи нить,
 Мне кажется,
 меж нами не рвалась.
 Коль смерть нас
 не могла разъединить,
 Так время ли
 разрушит эту связь?!

ИЗ ПИСЬМА ЕГО ДРУЗЕЙ

«...Жарко!
Прохлады бы хоть чуть-чуть!..
Жжет, голова в огне!..
Снегу мне,
льду положите на грудь,
Боль в пояснице, в спине.
Жарко!
Откуда горячий лед?
Патроны... Еще давай!
Целься в лоб.
Побсжали?.. Жжет...
В затылок им вслед стреляй.
Прокофьев, Никитин,
где вы, друзья?
Чего все толпятся вокруг?
Как здесь очутилась
Церма моя?
Не в армию ж взяли вдруг!..
Я ранен?
Не помню, как я упал.
Пустяк, друзья, отлежусь...
А вот и дочурка моя,
Жаргал.
Я так за нее боюсь!

В юрту, Жаргал, уходи скорей,
Тебя там покормит мать...»
Как он умирал на руках друзей,
Решили мы написать...

Прошли года, но горе не молчит:
У матери душа — живая рана,
И у меня она кровоточит
Всегда, всю жизнь...
По капле. Постоянно.
Войпа!.. Она увечила бойцов
И тех, кто был вдали от поля боя,
Жизнь отнимала у мужей, отцов,
Лишала счастья жен,
детей — покоя.
И мой ребенок боль познает ту ж,
Услышав, как досталась нам победа:
У матери отец, у бабки муж
Убит на фронте,
впук лишился деда...
...Воспоминаний тьма,
от них чертовски
Глаза слезятся,
и болят сердца.
Ребенком
отразясь в зрачках отцовских,
Не помню я, но — знаю я отца!

ЦЭНДИЙН ДАМДИНСУРЭН

МЫ ЗА МИР!

Священную гору покрывшая дымом,
Молочное море смешавшая с кровью,
Отнявшая тысячи жизней прекрасных,
Свой путь наконец завершила война...

Мы к прочному миру
Всем сердцем стремимся —
Но золото заокеанских магнатов
Хотело бы снова посеять раздоры,
Хотело бы снова
Вернуть нас к войне.

Да! Жизнь — против смерти
И мир — против пушек
Сегодня стоят,
И Монголии новой
Дорогу к величью и счастьем открыли
Могучие, яркие звезды Кремля!

Москва!
Ты — очаг нерушимого мира,
Вершина немеркнущей дружбы народов.
В бессмертное дело
Свободы и мира
Готовы монголы все силы вложить!

Хоть недруги наши мечтают о войнах
И снова
Военный пожар раздувают,
Но люди, что жаждут
Свободы и счастья,
Сегодня решают планеты судьбу!

Подыдем же
Мира прекрасное знамя,
Чтоб горя не знали любимые дети,
Чтоб счастливы были
Друзья дорогие,
Чтоб злобные войны
Людей не губили,
Чтоб вечно царили
Свобода и мир!

1949

ДОРЖИЙН ГОМБОЖАВ

ВОЙНА

Война — это гибель всего родного:
кров без людей,
люди без крова.

Война — это черное, глусное дело:
тело без ног,
ноги без тела.

Война — это тысяч разлук причпина:
сын без отца,
отец без сына.

Война — это слезы, зола и стужа:
муж без жены,
жена без мужа.

Война — это тучи пепла и смрада:
стада без лугов,
луга без стада.

Война — это кровь, эпидемия горя,
пороха дым,
сслецья в огне...

Но вновь разгореться мы ей не дадим —
Путь преградим
Войне!

ЦЭВЭГМИДИЙН ГАЙТАВ

УНИЧТОЖИТЬ ВОЙНУ!

Война!
Что это значит — война?
Кому она
И зачем пужна?
Война — лафетов зеленых ряд?
Шерепги шагающих в марше солдат?
А может быть, это смертельный яд?
Война — это ад!
Война — это трупов застывших толпа...
Война — это голые черепа,
Скелеты и остовы
Бывших домов,
И тысячи тысяч
Могил и холмов,
И тысячи тысяч
Внезапных смертей,
Предсмертные хрипы
И стоны детей.
Оплавленный камень...
В пыли навсегда,
Шумливые прежде,
Уснул города.
Война —
Костылей и протезов стук,
Несчетные числа
Потерь и разлук...
Империалистам
Война пужна,
Их совесть,

Как вьюжная ночь, черна.
Они па людей похожи с лица,
Но волчьи,
Волчьи у них сердца.
Они отливают орудия смерти,
Как будто бы бозы ¹ огромные вертят.
Легко,
Будто кашу обычную варят,
Жизнью и смертью
Они базарят.
Люди! А мы —
Мы слабые, что ли?
Мы не дадим
Разбойникам воли.
Руки им скрутим,
Ноги стрепожим,
Замыслы их
Разобьем, уничтожим.
Сильны мы, могучи,
А гнев наш — неистов:
Позорны деянья
Импералистов!
Все громче, наглее
Безумцев угрозы, —
Военные базы — не мирные бозы.
Все ближе война,
Она уже рядом,
Там пули и бомбы
Сыплются градом.
Войны не хотим мы.
Мы — против войны.
Мы, люди,
Войну уничтожить должны!

¹ Бозы — крупные пельмени, сваренные на пару.

ШАГДАРЫН ДУЛМА

ПЕРЕД ВАМИ ИГРАЮТ ДЕТИ

Ребята с черной, с желтой, с белой кожей...
Все разные,
Но в играх так похожи,
На всех материках,
На всей планете
Играют,
Жизни радуются дети —
Людского счастья яркие цветы.
Не с ними ль наши связаны мечты!

Играют дети...
Из песка и глины,
Из кубиков возводят города.
Вот новый дом,
Вот новая плотина,
Отсюда — вдаль помчатся поезда.
Здесь — озеро, а здесь — зеленый сад.
Глазены у строителей блестят.

Всмотритесь в этот вдохновенный труд.
Пройдут года,
Ребята подрастут,
И руки их окрепшие тогда
Большие строить будут города.
Не помешайте, люди, детворе,
Ее прекрасной, творческой игре.

Играют дети...
В городах и селах —

Повсюду слышен гомон их веселый. . . .
И дети гор, морей, саванны южной,
И дети рек таежных, тундры вьюжной,
И мой сынишка в зелени степной,
Чьи деды в юрте жили кочевой,
Играют, строят, вставили поутру.
Храпите же их мирную игру...
Чтоб слышать смех ребячий, а не стоны,
Скажите всюду «нет!» войне кровавой.
Пусть, пусть играют дети Вашингтона,
Москвы, Ханоя, Лондона, Варшавы.
На всем земном
Огромном нашем шаре —
В Берлине, Улан-Баторе и Дели —
Хочу, чтоб дети и в индийском сари,
И в русской шубке, и монгольском дэле
Не знали,
Как от бомб земля дрожит.
Пусть будущее им принадлежит.

Играют дети... —
Слабыми руками...
В песке они возводят города.
Смотрите, люди!
Дети — перед вами.
Разрушим ли их счастье?
— Никогда!

ЛОДОНГИЙН ТУДЭВ

ПРИГОВОР

(Из поэмы «Родился человек»)

«Именем Его Велпчества Человечества

Объявляем торжественно —

всем, всем, всем! —

Что преступник, творивший

своп злодеяния

В продолжение многих веков —

Штыком которого мой прапрадед

избранен,

Саблей которого мой прадед

зарублен,

Пулей которого мой дед застрелен,

Бомбой которого мой отец изувечен,—

Преступник, посящй безумное имя

Война,

Приговаривается к смертной казни.

Приговор окончательный и обжалованию

не подлежит».

**ПОЭТЫ
ПОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

ТОВАРИЩУ ПО КАМЕРЕ

Дверь оковапа, заперта дверь,
и решетка в оконце под сводом...
Здесь надолго ты заперт теперь,
здесь пройдут твои лучшие годы.

Должен стиснуть зубы, и ждать,
и мужаться душой непокорной...
Что же ночью не можешь ты спать,
все шагаешь по камере черной?

Отчего твои пальцы впилась
в эту прутья решетки железной?
За окном настоящая жизнь,
и ты рвешься на битву из бездны?

За решеткою — даль без конца,
так и тянет в нее окунуться!
Слышишь, слышишь посвист свинца,
слышишь, слышишь гул революций?

Будь же крепок, мой друг боевой,
не страшись окружающей ночи,
все восставшие братья с тобой,
вместе с партией нашей рабочей.

У врага еще есть динамит,
и штыков, и винтовок немало,
но мы знаем, он будет разбит, —
и низвергнем мы власть капитала.

День весенний настанет, поверь,
воцарятся и радость и счастье,
распахнется железная дверь,
распахнем ее самп — настезь!

ПОСЛЕДНИЙ КРИК

День голода, пламени, мора, войны
рожден исторпческой ночью.
И я, словно древний провидец, пророчу —
поэт, чьи порывы вольны.

Мой голос — вала девятого гром
в морском разъяренном просторе.
Четыре беды с четырех сторон.
Горе! Горе! Горе!

Горе, горе тебе, Вавилон
небоскребов, уверенных в собственной мощи.
Будет голод, пожар, будет мор и полон.
Страшный день — порождение ночи.

Покуда еще жива,
но уже умирает, уже ослепла
цивилизация, разверзшая пекло,
одетая в пурпур Жена.

Ширится страх.
Слышится гневная поступь истории.
Города превратятся в прах.
Обрушатся лаборатории.

Слышу топот бесчисленных ног,
внимаю грядущих потоков прибою.
Выбор слов, выбор действия, выбор дорог
и последнее слово — за мною.

Я стою, погруженный в себя, я объят
икспоновой мукой и кричу испугленно.
Страшный суд наяву, разверзается ад
над реками будущего Вавилона.

Коль затянут меня водоверти круги,
сломит голод, огонь и невзгоды,
как бутыль погибающие моряки,
брошу крик последний: свобода!

ЧЕСТЬ И ГРАНАТА

Лезут фашисты. Прут марокканцы.
Грозно кулак вздымается сжатый:
небо Мадрида в кровавом багрянце.
Честь и граната! Честь и граната!

Честь и граната — доблесть, и сила,
и обновляющаяся отчизна...
Сжатый кулак, чтоб верней сокрушил он
черные батальоны фашизма.

Рвутся снаряды в небе Мадрида,
пахнут знамена кровью и гарью.
Честь и граната! Слава убитым!
Ружья солдатам! «Arriba patrias!»¹

Вышли литейщики и рудокопы,
вышли кастильские хлебопашцы
в битву за фабрики и за копи,
в битву за землю, в битву за пашни.

Вышли на битву люди свободы,
вышли во славу земли испанской,
чтобы не быть ей, как в прежние годы,
вновь королевской, княжеской, панской.

Бьются мадридцы в кровавой пене,
и гвадаррамцы, и самосьеррцы...
Пролетарии не падут на колени,
стоя глядят они в очи смерти.

¹ «Arriba patrias» — начальные слова «Интернационала» на испанском языке.

Республиканцы, разите вернее.
Братья испанцы, слушайте брата:
я вам бросаю за Пиренен
сердце поэта — честь и граната!

NO PASARÁN!¹

Республиканцы насмерть стояли,
кровь их на землю сочилась из ран,
на обожженных стенах развалин
кровью писали: «No pasarán!»

Выбита надпись огнем и металлом
среди баррикад из сердец и камней.
В битве свобода Мадрида вставала,
жизни дорожке, смерти сильней.

Враг наступал на свободу два года,
веруя в силу огня и меча.
Статуей родины встала свобода,
выдержав натиск, насилье топча.

Стих мой — оп братство и равенство славит,
залит он кровью собственных ран.
Если умрет он, пускай оставит
слово надежды: «No pasarán!»

ОРУЖЬЕ К БОЮ

Когда придут поджечь твой дом,
ту Польшу, где родился,
когда железный грянет гром,
чтоб враг в ней утвердился,
когда под дверью почью встанут
и колотить прикладом станут,

¹ Не пройдут! (исп.)

неужто не проснемся мы с тобой?
Нет, встанем у дверей.
Оружье к бою!
Крови — не жалей!

На родине — бичи и язвы,
и враг не зачеркнет их счет,
но в крови мы откажем разве?
Из сердца — с песней потечет.
Что из того, что мы не раз вкусили
тюремный хлеб, неправый суд?
Те, кто на Польшу руку заносили,
живыми не уйдут!

Поэт, сердца строкой толковой
воспламеняющий не раз,
сейчас поэзия — огонь стрелковый,
призыв, приказ:
Оружье к бою!
Оружье к бою!
Припомним, что сказал Камбронн ¹,
и если суждено судьбою,
то здесь, над Вислою, умрем.

Апрель 1939 г.

ЧТО МНЕ ГРУСТНО!

Была бы в руках винтовка, а к ней бы патроны были,
и что мне песок ливийский, что мне снега Сибири,

что мне цинга, и голод, и тюрьмы с лагерями —
солдатским весельем сумку пабью, а не сухарями!

К чему ордена любые, к чему мне лавры славы,
пужны сапоги покреще, чтоб в них дойти до Варшавы,

¹ Камбронн Пьер-Жан-Этьен (1770—1848) — наполеоновский генерал, в сражении под Ватерлоо командовал старой гвардией, на предложение сдаться ответил ругательством.

чтоб по святым панелям те сапоги гудели,
что в Тобруке мы подбили, а в Нарвике мы надели.

Много дорог протоптано, много стран миновалось.
Под каждой стопой солдатской польской земля
оставалась!

Что мне искать сокровищ, песня — все, что мне надо.
Мой дом в сентябре разбили семь немецких снарядов.

Садик — цветы и травка — возле дома вырос...
Семь немецких снарядов хочу из садика выгрести!

Любимую с детства землю, родную, хочу целовать я,
а если пасть — то в Польше, с песком мазовецким
в объятье.

Что мне грустить, товарищ! Сквозь континенты
проходим,
наши летят эскадрильи нашим вослед пароходам.

Мы покажем миру, что в Польше мы родились,
была бы в руках вышивка, подметки бы не прохудились.

ПОЛЬСКИМ ЕВРЕЯМ

Памяти Шмуля Зигельбойма

Из городов и местечек не слышно криков страданий,
повстанцы Варшавского гетто смертью героев пали...
Слова свои в кровь погружаю, а сердце — в бездну рыданий
для вас, о евреи Польши, я, польский поэт-скиталец.

Не люди, а дикие звери, бандиты в солдатских погонах
вторглись, чтоб приняли муки вы, ваши дети и жены:
чтобы душить вас газом, известью жечь в вагонах
и надругаться над прахом расстрелянных и сожженных.

Но вы замахнулись камнем, чтоб кинуть его в злодея,
который целился в дом ваш, чтобы на воздух взлетел он...
И вы умереть сумели, о сыновья Маккавеев,
сражаясь без тени надежды за общее наше дело.

Надо в памяти польской высечь, как на граните:
общий дом наш разрушен, кровоточат наши раны,
роднит нас стена расстрелов, Дахау, Освенцим роднит нас,
каждый прут на решетке, каждый труп безымянный.

Общим нам будет небо над разбомбленной Варшавой,
после того как победу в битве кровавой добудем:
каждый получит свободу, хлеба кусок и право,
будет единая раса, высшая: честные люди.

БАЛЛАДА О ПЯТИДЕСЯТИ¹

Осенний мрак встал над столпцей,
мертво на улицах пустых,
лишь слышится, как ветер злится,
да шаг фашистских часовых.

И словно хриплый бред больного,
вдруг прозвучал в тиши глухой
автомобилей грозный вой,
из мрака выползших почного.

Не спит Варшава. Оком окон
автомобилям счет ведет...
Она в борьбе без сна жпвет,
таясь в молчании глубоком.
Неумолима и грозна,
во гневе бодрствует она.

По взорванным мостам пройти
не могут вражьи эшелоны,
горой на взорванном пути
лежат разбитые вагоны —
прервался поездов поток,
оружье везших на восток.

¹ Посвящена памяти пятидесяти польских патриотов, членов ППР и Гвардии Людовой, казненных гитлеровцами 16 октября 1942 г. в Варшаве.

Фашисты взад-вперед сновали,
весь гарнизон был на ногах,
и мотоциклы грохотали,
на город нагоняя страх...

Простерлась ночь зловещим мраком
над погруженным в сон Павяком,
но только первые лучи
день возвестили сквозь решетки,
пронесся гулко топот четкий,
в дверях зазвякали ключи.

Проверка и осмотр короткий.
«Все воп!» — как залп, звучит приказ.
Забрезжил день и вмиг погас —
так в горле застревает слово, —
и ночь для них настала снова.

Их было только пятьдесят,
расставили по десять в ряд,
втокнули в пасть автомобиля
и повезли всех на вокзал —
там флаг фашистского насилья
угрозой смерти их встречал.

Гляди, гляди на них, Варшава!
О них вовек нам не забыть,
о них, явивших величавый
пример, как должно людям жить,
сказавших внукам в пазндапье,
как, жизнь любя, презреть страданье.
И брось на тех, Варшава, взор,
кто нес нам цепи и позор.
Ты палачам своим кровавым
свой приговор произнесла:
не будет места здесь для зла,
не будет здесь насилье правом.

Их было только пятьдесят,
отважных молодых ребят,
оставивших свои заводы,
поднявших камни с мостовой,
чтоб за народ бороться свой,
за наше счастье и свободу.

Их было только пятьдесят —
таких, что жизни не щадят,
что до конца в бою стоят
за свой народ порабощенный.
Их было только пятьдесят,
но их путем пошли миллионы
ко дням, казалось, отдаленным...

Вот все, что смог я спеть во славу
твоих сынов, моя Варшава...

ЛЕОПОЛЬД СТАФФ

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА

Жене

Мы будем жить в родимом доме снова,
Опять войдем хозяевами в двери,
Никто о том еще не молвил слова,
Одни сады весенние пронели.

Не озирай руины грустным взглядом.
Утри слезу. Давай пройдемся вместе.
Глянь: живы мы, хоть смерть стояла рядом.
Пойдем, как прежде, в ближнее предместье.

Кругом безлюдно, не идут трамваи...
Стоит худая женщина в проломе,
Убогие баранки продавая.
Мы будем снова жить в родимом доме.

Пустуют магазины и жилища,
Как будто сотню лет, по крайней мере,
Торгует гребешками старый нищий...
Опять войдем хозяевами в двери.

Укутай плечи — ветер сыроватый.
Сидят калекки около больницы,
Без рук, без ног, одетые в халаты.
А дальше поле, города граница.

Повалены разбитые заборы,
Вон женщина несет сушить лохмотья.
Ребенок копошится в куче сора.
Петух запел крепко на заплоте.

Два человека встретились в проулке.
Кот щурится лениво под стеною.
Вновь будут в лавке продаваться булки,
Заплещет утром молоко парное.

Минуют дни, забудем о разгроме,
Залечим раны, возместим потери,
Мы будем снова жить в родном доме,
Опять войдем хозяевам в двери.

НА РАЗРУШЕНИЕ ПАМЯТНИКА ШОПЕНУ В ВАРШАВЕ

О нет, не бронзой ты был равнодушной,
Ты был как дыхание, как трепет воздушный,
В котором небесные дивные звуки
Сплелись, как божьих ангелов руки.
Уже отрешенный, в блаженном покое
Глядишь ты на подлое племя людское,
На мир, где изведal всю бездну мучений,
Каким обречен божественный гений.
Безмерна была твоя слава святая.
Лишь солнечный свет, лишь заря золотая
Дерзала к бронзе твоей прикасаться.
Но раздробил ее меч святотатца.
Бездушный палач, убийца кровавый
В осколки твой образ разбил величавый.
Пред смертью ты молвил, от боли тоскуя:
«Пронзите мне сердце, когда умру я,
Чтоб я не проснулся, не ожил в могиле».
И волю твою мы святую свершили.
Теперь твоим сердцем вся родина стала.
Орда палачей твой край истерзала,
И весь он — кровавая страшная рана.
Но жив ты, бессмертный! Во мгле урагана,
Средь молний и грома, непогребенный,
На тучах играешь ты марш похоронный.

ЮЛИАН ТУВИМ

ЦВЕТЫ ПОЛЬШИ

(Фрагмент)

VII. МОЛИТВА

Ночь освети зари лучами,
Ударь нам в сердце вешим звоном.
Открой нам Польшу, как громами
Край неба, тучей заслоненный.
Дай нам убрать свое жилище,
Очистить от руин священных
И от грехов своих презренных:
Бедней пусть будет, но и чище
Наш дом, что встанет на кладбище.
Когда страна из тьмы могильной
Воскреснет в зареве свободы,
Ты дай правителей ей сильных,
Умом и сердцем благородных.
Когда ж народ наш вновь воспрянет,
Пусть жилистый кулак поднимет.
Отдай рабочим и крестьянам
Богатства, созданные ими.
Пусть в забвенье навеки кашет
Банкира проклятое имя.
Укрась смиреньем своеправных.
Дай гордый гнев сердцам убогим.
Всех научи, что равноправны
Еврей и эллин перед богом.
Сорви ты глупую корону
У тех, кто чванится без меры,
А властолюбцу-фанфарону

Поставь на стол прогнявший череп.
Обрушья громом, коль тщеславный
Наглец возьмет оружие в руки,
Чтоб не прикрыл он меч кровавый
Крестом твоей священной муки.
Пусть тех, господь, вершится воля,
Кто в час разгрома меч не бросил.
Верни нам хлеб с родного поля
И для гробов — родные сосны.
Но главное — родное слово,
Столь извращенное лукаво,
Исконной правдой чтоб звучало:
Чтоб право означало право,
А вольность — вольность означала.

МАТЬ

1

На еврейском кладбище в Лодзи,
Под сенью березы унылой,
Мамы моей, еврейки,
Польская могила.

Прах моей матери милой,
Еврейской, польской,
На берег фабричной Лудки
Я перенес из Отвоцка.

На этот могильный камень,
Что ее покой охраняет,
Только листочки лавра
Береза порой роняет.

Когда же солнечный ветер,
Играя, в них золотится,
Он в ордена и медали
Преображает листья.

Застрелили фашисты
Тосковавшую обо мне.
Застрелили фашисты
Обмиравшую обо мне.

Пуля тоску прострелила.
Стали сызнова заряжать,
Чтобы после... но после было
Не в кого разряжать.

Прострелили мир матерпнский —
Два ласковых слога моих губ.
На святую отвоцкую мостовую
Из окна бросили труп.

Доченька, ты запомни,
Чтоб внук будущий не забывал,—
Исполнилось слово: о мостовую
Разбился идеал.

С поля славы унес я мать,
Чтобы матерп-земле предать,
Но трупу имени моего
Навек в Отвоцке лежать.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯМБЫ

(Отрывок)

Вы говорите, сударь мплый,
Политик из меня ни к черту?
Мол, я алхимик дивной силы,
Слова собирающий в реторту,
Творец бальзамов чернокнижных,
Присяжный мастер дел мпстичных,
Интуитивных, непостижных
И прочих штук аполптичных...

Признаюсь — колдовал немало,
Имею в том давнишний навык.
Я муку и тоску, бывало,
Лечил напитком слов лукавых;
Или порою — для романа,
Для музыки, дамы симпатичной,
Для поэтического трапса
Я жизнью жил аполитичной.

Колдуя над питьем словесным,
Как фармацевт провинциальный,
Я различал сквозь занавески
В пылу восторга отблеск дальний
Зари эфирной («мирной»... «лирной»...),
И с уст моих строфа срывалась...
А это был Пожар Всемирный —
Политика разбушевалась!
Разверзся ад, пришел в движение
Весь свет, был путь открыт раздору.
Пустой банкрот — воображение
Ко всем чертям пошло в ту пору.
И вздыбились людские толпы,
Пожар забушевал над светом.
И вылез из своей реторты
Я политическим поэтом.

Политика нашла мне дело,
Она (в ней — цельность, живость, сплал!)
Меня, как нить в иголку, вдела
И к жизни накрепко пришила.
Она была кипящим соком
И — напряженно, энергично —
Мне совесть пронизала током,
Она и вправду поэтична!
Я только с ней дошел до смысла
Высоких дней и серых будней —
И только в ней живу и мыслю
Я, сын эпохи многотрудной.

.

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ

НА ПОДЪЕМ БРОНЕНОСЦА «ГНЕЙЗЕНАУ»

Что бы подумать могли о поэте
Бригады сварщиков и слесарей,
Если бы я, для того чтоб воспеть их,
Призвал бы Зевсовых дочерей.

Это прежним поэтам трубили тритоны,
Трезубцы из пучины вздымая гневно.
Друзья, нынче море волной многотонной
Ваш труд охлестывает повседневно.

Триста пятьдесят грохочущих дней,
Помноженных на бессонные ночи,
Вы вахту несли на большой глубине.
Не трезубец оружие польских рабочих,
А паяльник, огнем полыхавший на дне!

Не нимфы удирали туда, где потише,
Плоскими хвостами плеща в бессилье,—
Меж вольтовых дуг и вольфрамовых вспышек
Угри перепуганные пропосылись.

Сотни умельцев в любую погоду
Под колпаками душных скафандров
У помп, у паяльников, у лебедек
Откачивали врытую в ил подводный
Смертопоющую саламандру.

Из серой воды, словно ржавая роза,
Взращенная в мрачных садах фашизма,

Остов бронепоса вынырнул грозно,
Чтоб сделаться подданным новой отчины.

Повесть о самоотверженных людях,
Боровшихся с осьминогом смерти,
Ходит по пашей земле и будит
Отклик в любом человеческом сердце.

Ржавый металл, что служил оружием
Для разрушения и умиранья,
Пусть, возродясь, созиданию служит,
Новому миру, новой морали.

Яркой эмблемой украсим вскоре
Праздник труда над бескрайней ширью:
Нас осеняют небо и море,
Как голубые знамена мира.

МИР

Он не слетит, как голубица,
Небесную покинув ширь,
Он молнией не загорится —
Над миром мир.

С ростками роз он не пробьется,
Не явится на звуки лир,
Дождем веселым не прольется —
Над миром мир.

Из общей воли он родится,
Простых людей святой кумпр.
Борьбою пашей утвердится —
Над миром мир.

Придет, когда, сомкнув колонны,
Сзывая всех на братский пир,
Провозгласят свой зов миллионы:
«Да будет мир!»

АНТОНИЙ СЛОНИМСКИЙ

ДВЕ ОТЧИЗНЫ

В твоей отчизне властям поклоны
Бьют в вечном страхе;
Описван, проклят в ней побежденный,
Ведомый к плахе.

В твоей отчизне, коль присягали —
Чужим державам.
В моей — бессильность превозмогали
В бою кровавом.

В твоей отчизне чужим по вере
Господь не внимлет.
В моей — распятый всех в равной мере
В объятья емлет.

В твоей — на полке томик. С портрета
Лик славодержца.
В моей отчизне — слова поэта
В обложке сердца.

Пускай сподручна для подлой тризны
Ночь обложная,
Но как лишнись ты меня отчизны,
Ее не зная?

1938

ТОТ СООТЕЧЕСТВЕННИК МНЕ

Кто о народе собственном забудет,
Узнав, что чешский оскорблен народ,
Кто югославу в горе братом будет,
Норвежцу — коль норвежский край падет,

Кто с матерью еврейской на руине
Оплачет перебитых сыновей,
Кто с москалем в беде — одних кровей,
А с украинцами скорбит об Украине,

Кто сродник всем поверженным вовеки —
Француз, коль Франция в педоле. Грек,
Когда без хлеба умирают греки, —
Тот соотечественник мне. Он — человек.

1942

ПЕСНЬ О ЯНУШЕ КОРЧАКЕ

Когда сорвут с окоп завесу затемпеля,
Как траур с рукава, и хлынет в иступленье
Свет в наши города, как пленник из разбитых
Ворот тюрьмы; когда со стен, плющом покрытых,
Фанфары затрубят и на костелах шумно
Вскрипят колокола, как будто, став безумной,
Сорваться хочет медь со звонницы стрельчатой,
Чтоб в громе петь с толпой на улице покатою;
Когда весь город вдруг единым станет гимном,
Когда неон зажжет своим мерцаньем зимним
Реклам веселый хор вверху над площадями
И станут львами псы, а трусы смельчаками,
И все обнимутся с рыданьем, сердце рвущим,
И даже спизойдет имущий к пеннущим;
Когда, хваля творца за мир и за победу,
Пойдет процессия, — за нею ты не следуй,
Не смешивайся с ней, закрой глаза руками,

И, пальцы омочив певольными слезами,
Схвати оружие, покрепче, с содроганьем,
И сердце, как кулак, сожми, насыть страданьем,
Чтоб не размякнуть вдруг унынью на потребу.
Гляди: рой призраков над городом по небу,
Как облако, плывет, кровавыми слезами
Внезапно оросив торжественное знамя,
Мундиры пышные, парадный блеск. От крови
Тень этих призраков еще мрачней, суровой.
Ты, верпо, думаешь, то призраки убитых,
Умерших с голоду, во рву живьем зарытых,
Твоих друзей, родных, певиппо ястребленных?
Нет, это призраки па гибель обреченных,
Уже их больше там, па небесах, чем с нами.
Хоть мертвыми они не говорят устами,
Но хмурая их тень уже легла кроваво
На Лондон радостный, на светлую Варшаву.
Сквозь колокольный звон, сквозь блески, клики,
краски

Здесь призрак движется — то Корчак, врач
варшавский,

Идет чрез гетто он, идет па казнь и муки
С приютскими детьми, — двоих он взял па руки.
Как на Голгофу шел сын божий, без боязни,
По доброй воле он шагает к месту казни.
Запомни же, солдат грядущих революций,
Печальные места тех страшных экзекуций,
Запомни имена, бессмертные для мира,
Жертв ямы Вавера и жертв песков Пальмиры,
Не имена убийц и палачей продажных,
А тех, замученных, загубленных, отважных,
Развалил не жалей, а высмотри те стены,
Которые разбить ты должен непременно,
Не статуи побед носи с собою в вечность,
А втоптанную в грязь, как тряпку, человечность.
Ты подыми ее, пусть в вышине трепещет,
Пусть знак, тобой на ней начертанный, нам блещет,
Знак боли — сердце, знак ненышный, знак убогий,
Когда нас выведешь на цовые дороги.

LIBERTÉ

Слово лишь — и на щеках пыланье,
Кровь стучит, хоть жилы отвори!
Отчего пьянит само звучанье?
Liberté, liberté chérie...¹

В грусти есть любви очарованье,
В юности — пророчество зари,
Поколений спазм и упованье —
Liberté, liberté chérie...

Барабанов дробь — твое воззванье,
Клич эпох, отваги буквари.
Пламя, вихорь — не твое ль прозванье?
Liberté, liberté chérie...

А вот чем ты платишь за страданье
Нам, понувшим кровью алтари,
Беззаветно шедшим на закланье,
Liberté, liberté chérie?

1944

¹ Свобода, милая свобода (фр.).

ЮЛИАН ПШИБОСЬ

НИКЕ

Возникла предо мной в спянье головы,
подняв на плечи
колонны Пантеона — этот фон
чем далее, тем легче —
она приблизилась, перерастая тучи,
округлый купол зданья
и купол синевы,
за нею шли парижские фонтаны.
В сражение за нее поверженный и покоренный,
я не сложил оружия,
не лег костями,
поскольку битва — до победы — длится:
и рушились удары сердца на...

- Но не воскресли камни.
- Слух глупы не был тронут.
- И воздух под моим дыханьем не встрепетулся
птицей.

Но
с воздушной
рапеною головой
на корабле окаменелом, как на грапп,
крылатая,
вдруг вырвалась, покинув мою грудную клетку,
и прочертила грань меж всем земным и мной.

Париж, 1939

ДЕКАБРЬ ВЕСНЫ СОРОК ТРЕТЬЕЙ

Май декабрьский упрямо сумел зарыться
в озимь, как крот в тепло.
Тает здесь он от тел еще теплых, которыми полон ров.
Близ земли ежечасно сочится
низкое солнце из пробитых голов.

Длится траур,
тонкий день в крышу ночи вколочен.
Тепла еще хватит для перегноя
богатырей в буйность трав.
И с любого восточного поля боя
вновь и вновь
выплывает мерцать над моей головою
в каплю сборную слитая кровь.

Но повеет предсказаний ветер:
майский ветер из белых костей.
Ледоходом тел застывших Дон рванется.
Поглядев на них, на бывших победителей поглбших,
те, кто пока остались живы, еще скорее убедятся,
что победить им не придется...

Нам из сотен тысяч пушек залп победы на востоке
грянет солнце!

23 декабря 1942 г.

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

День в деревьях, как в ранах,
осень — кровава,
ночь листопада,
траур по мертвым,
веди!

Будем будить
и разбудим
оружье, зарытое в отзвуках эха лесного!

Безоружные, знайте, в утренний час
вымечтал я для вас
звезду, восходящую в пеще ладони,—
гранату!
Лишь ветер подет за вами по скату.

Вот готова она к возмездию взрыва,
вот втянулась в затвор,
превратилась в окрепшую несправдливость — в штык!

И забота моя с вами в братстве восстания — не спит!
В миг, встающий для правого дела,
к полю вырвется звездный сигнал,
так я жажду, огромно желаю,
чтоб небо приблизил к сверкающим глаз
самолет!

Он летит! Он бросает приказ!

1943

НАД УБИТЫМ ПОВСТАНЦЕМ

С каждым взрывом заря все выше —
ты падешь.

Свободный, вознесшийся над холмами родными,
слышу:
это лишь отзвук и отблеск той канонады —
из ночи, как из окна сожженного дома, вижу:
это горящие стены Варшавы
над ранеными, сражающимися за смерть с оружием,
развеваются флаги сражений
бесконечным бинтом кровавым.

Ты истекаешь кровью —
свободный отпыле.

Гвозница, 3 августа 1944 г.

МЕЧИСЛАВ ЯСТРУН

ПАМЯТИ КАЗНЕННЫХ

История рукой кровавой
О вас, деревья, впишет слово,
Шумевших грустно над Варшавой
В дни горя и борьбы суровой.

В свои вылетали хороводы
Вас вороны в ночи безлунной,
Но вихрь осенней непогоды
Пророчествовал листьям юным:

Колени склонит враг позорно,
Народ его в крови утопит.
И вражья кровь из раны черной
Вновь папонт поля Европы.

Петля, что сдавливала горло
Сносившим с мужеством мученья,
Врага кадык дрожащий стиснет,
И вы, воспрянувшие гордо,
Отбросите святые тени
На светлый, вольный день над Вислой.

ВОЙНА В СТЕПИ

Как сгусток крови солнца круг.
Готовые к удару танки
Идут — и все дрожит вокруг
От их железной перебранки:

Монгола помнящие степи,
И в желтом небе облака,
Их ветер, словно юрты, треплет,
Гул донося издалика.

Здесь, где татары в дни былые
Ордой прошли под звон мечей,
Где, словно тыквы золотые,
Валялись головы князей,—

Сегодня там о черный камень
Захватчик бьется головой,
Хватаясь мертвыми руками
За рыхлый щебень мостовой.

То мяса клоч, истекший кровью,
Или беглец, что страхом смят?
Навек бьет молот Заднепровья,
Навек взрывается снаряд.

Враг, умирая, ловит воздух,
А прежде чем погаснет взгляд,
Он видит, как земные звезды
На танковой броне блестя.

З П М А 1945

Все, кто молчал об оружье в отчаянье,
Следя свою тесть на стене казмата,
Все, кто молчал угрюмым молчапьем,
Безоружные, глядели в дула автоматов,

Все, кого долго руппа давила,
В тоске, перазмыкапной, как замок ржавеющий,
Сжимают винтовки, как руки товарищей,
Видят, как войско встает из могилы,

Или плачут от радости. А слезамп такимп,
Счастьем таким воскресить можно павших.
Но артиллерия крушит и пашет,
И высота постигается в дыме.

Там, где из-под синих снеговых полей
Смотрят могилы открытыми глазами —
Кончился бой. Зона без деревьев и знамений.
Вторжение в дым мотобатарей.

Все на Запад! Небо свободно дышит.
С каждым днем все шире просторы, а ночью
Танковые армии грохочут.
Тот, кто верит в землю, тот историю пишет.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Если когда-нибудь способ открою
Словом сердца будоражить людские,
Прежде всего опишу вас, герои,
Чтобы все знали, вот вы какие:

Немногословные, скромные, честные,
Не было в мире прощенья людям.
Вас опишу, храбрецы неизвестные.
Вы ведь стесняетесь славы своей.

Это был год сорок третий, а стужа —
Жестче веревки, и суше, и туже.
Я и сегодня, глаза лишь закрою,
Тотчас вас вижу, зимы той герои.

Меж спекулянтов и трусов роевья,
Меж равнодушных, никчемных, безвольных,
Слышал я вашего сердца биенье,
Слышал я грохот свершений подпольных.

Взрывом гранаты и выстрела вспышкой
Вы из могилы на свет выносили
Город, который застыл как ледышка
И обучился законам насилия.

Новый закоп краской на тротуарах
Вы написали тогда. Оттого-то
Слушала вас — вся в дыму и пожарах —
Польша сорок четвертого года.

То, что историк прославит томами,
То, что гранит монументов покроет,
Ночью глухой в предрассветном тумане
Вы написали надеждой и кровью.

На Свентоянской, в павилинах Фрета —
Где б ни сверкнуло восстания пламя,
Всюду летала смерти комета,
«Вам не воскреснуть!» — смеялась пад вами.

В каждом комке этой почвы кровавой,
В перекоренной этой папелл,
Вы павсегда залегли под Варшавой,
Тысячи смелых павек онемели.

Я, неспособный стоять на котурпах,
Произносить залихватские речи,
Без ухищрений литературных
Павших за вольность — увсковечу.

КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС ГАЛЧИНСКИЙ

ПЕСНЬ О СОЛДАТАХ С ВЕСТЕРПЛЯТТЕ

Когда пришли лихие дни
и сгнули солдаты,
на небо строем пошли они,
солдаты с Вестерплатте.

(А в том году было чудесное лето.)

И пели так: — Для нас пустяк,
что ранены сегодня,
зато легко, чеканя шаг,
идти в луга господни.

(А на земле в том году была уйма вереску
для букетов.)

Стояли в Гданьске мы стеной,
покуда не были смяты,
теперь восходим в мир иной,
солдаты с Вестерплатте.

И тот, кто взор и слух напряг,
услышит отдаленно
в высоких тучах мерный шаг
морского батальона.

А мы поем: — Превыше туч
живем, на солнце греясь,
пойдем гулять средь райских кущ,
ломаю райский вереск.

Но если будет в дни зны
земля тоской объята,
опять придем в Варшаву мы,
солдаты с Вестерплатте.

1939

ДИФИРАМБ В ЧЕСТЬ МИРА

Ты солнце в лютию мою вдохнул,
и не тебе ли
обязан младенец, что тихо заснул
в своей колыбели.

Это в твоих животворных лучах
земля зеленеет,
молодожены мебель влачат,
и всюду теплеет.

Студенты благодаря тебе
зубрят науки,
и так уверены в судьбе
и дед и внуки.

Ты покровитель библиотек,
наук любитель,
но также и старушек всех
ты покровитель.

Ты то, чем каждый день живут, —
талант и труд.
Враги твоих оловя листву —
не оборвут.

С тобою будем до конца
мы,
тебе верны наши сердца,
МИР.

1949

С самых давних столетий
столько песен на свете,

по один есть единый
тон, проникший в глубины;

в пас он, в каждом особо,
с колыбели до гроба;

только шум, только нота —
многом чувствуешь — вот он:

луч за стеклами ранний —
пламя алых гераней;

две звезды, две сиппы —
звук знакомый двоится;

лпст колышет запруда —
сердцем чувствуешь чудо,

мпг — слова наготове,
все, что в сердце, то в слове,

в слове дедовской славы,
в речи шумной, как травы,

что восходит, колебля
все, от слова до стебля;

в ней пригорки, и кручи,
и сезоны, и тучи,

синь с дождем переменным,
снег и Норвид с Шопеном.

Звон двух струн, переборы,
время чертит узоры.

Смысл, чью глубь мы постигли,
плавим в сердце, как в тигле;

светом ярким горнпло
труд и флаг озарило,

в этом жарком пакале
взмахи рук, взмахи стали.

Слова почь пад вселенной
светит лампой Шопена;

бродят скрипки дворами;
в лунном свете герани;

звезды ель увенчали;
утро блещет лучами.

Край мой в радугах, в зорях,
в мальвах, в маках на вагорьях,

край угля, край металла,
сосен, ландышей, тала,

горсть родной твоей почвы
светит нам даже ночью.

Мой ты в зпой, в снегопаде,
здесь мой дед, здесь мой прадед —

в шуме трав на погосте,
где покоятся кости.

Над живыми, над нами,
пусть колышется зпамя,

чтоб, умелые в деле,
наши кельни запели,

чтобы рук наших сила
труд по чести вершила

**в кузне и на моторе,
на земле и на море,**

**чтоб сияли сполóхи
нашей грозной эпохи**

**в новом веке — лучистой
светлой нотой, Отчизна.**

1952

АДАМ ВАЖИК

ИСТОРИЯ

Те, что погибли у стен Варшавы,
те, что погибли на Вестерплатте,—
с жизнью простились не зря.
Те, что упали на снег норвежский,
те, что свалились в песок ливийский,—
с жизнью расстались не зря.

Те, что кричали «мэрд» в Бир-Хакейме,
те, что топили свой флот в Тулоне,—
были похожи на них.
Те, что когда-то пали в Мадриде,
первыми выйдя навстречу смерти,—
братьями были их.

Те, что сражались у стен Одессы,
на смерть стояли за Севастополь,—
тем защитили нас.
Там, где сближаются Волга с Доном,
там, где лежат Сталинграда камни,—
там отстояли наш дом!

СЕРДЦЕ ГРАНАТЫ

В тридцать девятом обломок стены
Высок твой пробил жестоко пули.
Лежишь ты, зарытый в сердце страны,
Там, где упал, на изломе улиц.

Нас эти леса поглощали, они породили нас снова.
Сном праведных мы отдыхали, таясь среди леса
родного.

Деревья у нашей дороги встают в пылающих маках,
Любое ружейное дуло цветами сегодня зардело.
Кувшины молока нам вынес крестьянин-старик и
заплакал.
Пятьдесят пять километров наш полк за сутки
проделал.

Букеты приветствий! Но — верьте — молчанье
звучало громче
Солдат, ребятишек и жепщин, которые нас увидали.
Кто-то дарил нам вишни, в глаза заглядывал молча:
Земли и родного неба мы были в сто крат
удивительней.

Н И К Е

Идут по понтонному мосту солдаты,
А Висла струится, мутна, желтовата.
На том берегу появились могилы
Пришедших с Оки; их земляца накрыла
Молчаньем и памятью вечной, а почью
О них артиллерия гневно грохочет.

Как реки текут, так и дни миповали,
На их берегах мы надежду питали,
Колеса орудий поспешно толкали,
На глине весенней следы оставляли
И каждую реку добром вспоминали.

В землянке у лампы оружие дремлет,
А тепь моя хочет вернуться на землю.
Безрукая статуя, спи до восхода,
На парах моих отдохни для похода,
Шипелью своей я накрыл твои крылья,
Чтоб завтра они над землею парили.

СТАНИСЛАВ РЫШАРД ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПРИКАЗ ВАРШАВЕ

Бойцы баррикад Варшавы,
солдаты разбитых полков,
к вам с Марны доходит ли зов?
Вы чуете веянье славы?

Воскресла весна народов,
звучит поле браней былых;
вглядитесь в кровавость заходов —
вновь Польша рождается в них.

Сыны тех, что в Вавере пали,
отбросьте стяги бывшего,
мы к лаврам стремимся новым,
мы рвемся в новые дали.

Мужчины, женщины, дети!
Идите в борьбе напролом,
раскатами взрывов ответьте,
пусть крепостью будет ваш дом!

Пока не пришла расплата,
не вспыхнул решающий бой,
готовьтесь, готовьтесь, солдаты,
вставайте с оружием в строй!

Равняйтесь! Запоют скоро трубы...
Варшава, свобода грядет!
Мы выступим завтра в поход,
мы ждем, мы стиснули зубы.

МОЛОДЫМ

Страх презрев, друзья, напролом!
Дом в огне — но вы не дрожите,
вы плечом подоприте дом
и удержите!

Если в город ударит шквал,
заливая волной разрушенья,
ваши груди — форпост и вал
сопротивленья.

Встал угрозой кровавый меч —
нам ли гибели устрашиться?
Лучше трупом за Польшу лечь,
чем покориться.

Ждет нас много ударов судьбы,
но держать надо знамя гордо,
не склонять перед смертью лбы,
шагать твердо.

Как львы.

Новый день стоит у ворот,
гонит тучи и мрак с небосвода.
Ваши раны сияньем зальет
солнце свободы!

ВАРШАВСКИМ ЗАБОРАМ

Мужская рифма, славу из слав
воздай сегодня по чести
Великой Хартии наших прав —
заборам варшавских предместий!

Когда народ мой в бою погибал,
штыки ломая в последней битве,
они, встречая огненный шквал,
кричали: «Weg mit dem Hitler!»¹

Коль вражьи из пепла восстанут войска
и залпы снова нарушат затишье,
на этих заборах свободы рука:
«Да здравствует Польша!» — напишет.

СТАРЕ МЯСТО ПОБЕДИТ

Старе Место фасадами зданий
преградило дорогу разбою,
Старе Место в борьбе не устанет
и добудет венец героя.

Как редут, стоит Старе Место,
баррикада свободы и славы.
Баррикада врагу не поддастся!
Старе Место — защитник Варшавы!

То не камни седые, не стены,
это путь для живых единый,
и стена нашей славы боевой,
и форпост перед вражьей лавиной.

Если ж прах от последних зданий
по Пекарской и Пивной закружит,
где-то рядом стена эта встанет
и опять прогремит: «К оружию!»

Крепостей на свете не счесть,
но лишь та не падет и не сдастся,
где дерутся за волю и честь.
Ты в бою победишь, Старе Место!

¹ Долой Гитлера! (нем.)

ЛЮЦИАН ШЕНВАЛЬД

БАЛЛАДА О ПЕРВОМ БАТАЛЬОНЕ

Низина и мрак между нами и нами,
Холмами бугрится земля.
Вдали выхокурня чернеет камнями,
Как будто скелет корабля.
Окопы молчат, лишь порой в отдаленье
Сверкнет самоходная пушка-виденье.

Там немцы! Наверное, настороженно
Глядят они в стекла сейчас,
А может, со страха свернули знамена
Пред славою, ждущую нас.
Разведать — что скрыли туманные тропы!
И вот батальон покидает окопы.

У горпов уральских железные брызги
Ловили они на ладонь,
В лицо им дул ветер студеный, сибирский,
А грудь закалял им огонь.
В руках их двуручные пилы скрипели,
Ложились на плечи им кедры и ели.

Не слышно в их голосе нотки тревожной!
Без страха идут они в бой,
Увидев, что так мимолетно и ложно
Затишье пред жуткой грозой.
А небо за ними слегка розовеет,
И эхо шаги их по ветру развеет.

Навстречу из мрака ракетные взлеты,
Прожекторов белых мечи.
В три яруса сыплют огонь пулеметы
И бьют, как стальные бичи.
Огненные иглы в тумане и дыме
Строчат, словно нитками кровавыми.

Вдруг сразу все стихло, и только Мерея¹
По топи журчит ручейком.
И мертвые спят, а живые теснее
Смыкаются, штык за штыком.
Один только ксендз в тишине голосисто
Хорал распевает средь жуткого свиста.

Уж видны убитых тела на рассвете,
И вот, оглушая, подул
Грозою смертельной стремительный ветер
Из тысячи огненных дул.
Грохочут, гремят, надрываются пушки...
И вновь батальон поднялся у опушки.

Ляхович-майор², с револьвером, высокий,
Идет впереди напролом:
«В атаку, товарищи! Там недалеко,
В восьми километрах,— мой дом.
Жена там, и сын на руках ее плачет...
Вы знаете, что для отца это значит!»

И вот под огнем так бесстрашно и просто
В атаку повел батальон,
На проволоку, пулеметные гнезда,
На дзоты, на смерть... и вдруг он
Качнулся, и в сердце, что жило отчизной,
Граната метнулась, осколками брызнув.

¹ Мерея — река у деревни Ленино (Белоруссия), у которой 12—13 октября 1943 г. впервые вступили в бой с немецко-фашистскими войсками I-я польская дивизия им. Тадеуша Костюшко и I-й танковый полк им. героев Вестерплатте.

² Ляхович Бронислав — офицер Советской Армии, затем командир I-го батальона дивизии им. Тадеуша Костюшко. Погиб в боях под Ленино, в восьми километрах от села, в котором проживала его семья. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Солдатские руки его подхватили,
Быстрее наступление пошло,
И Гюбнер¹ доносит, от ран обессилен:
«Захвачено с боем село...»
Вот пал и Пазинский². И в жажде расплаты
Всех павших уже не считают солдаты.

Ловя каждый треск в полевом телефоне,
За боем следит генерал:
«Резервы и танки!» — и быстро на склоне
Овражистом в огненный шквал
Пропосытся танки, проходит резервы.
И вновь батальон поднимается Первый.

Стреляет и колет дорвавшийся к бою.
Вперед и ни шагу назад!
Под яблонями, под осеппей листвою
В Тригубовом павшие спят.
Их сон охраняют столбы да пороги
На дальней, ведущей к отчизне дороге.

Октябрь 1943 г.

В СТЕПИ

Следы полозьев замело,
Зальдели яблоки навоза.
Травиннок хрусткое стекло
Крошится в лапницах мороза.
И пруд, корой покрытый плотно,
И за изгибами сугробов
Передвиженья горизонта —
Рубеж безмолвия степного.
Запидевила на щеке
Слеза — и не спешит растаять,

¹ Г ю б н е р Юлиус — капитан, заместитель командира по политической части 1-го полка дивизии им. Костюшко. За бой под Ленино ему присвоено звание Героя Советского Союза.

² П а з и н с к и й Роман — поручик, заместитель командира батальона, павший в бою. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

А в оловянном далеке —
Ворон медлительные стаи.
И в распахнувшемся безлюдье,
В просторе беспредельной тверди
Вздыхается заросшей грудью
Равнина всемогущей смерти.
И кажется, что шар земной
На полдороге к солнцу замер,
Покрыв броней ледяной
Пространство между полюсами.

Но в глушь степную прибыл полк —
И сразу вгрызлись в снег лопаты,
Приклады счистили ледок,
Дошли до почвы мерзловатой.
И вот железные кроты,
Сломив упорство глыб стеклянных,
В тепле под слоем мерзлоты
Укрыли города землянок.
В лес, где буран заколесил,
За бревнами тащились сани,
Но кони выбились на сил, —
Тогда впряглись солдаты сами.
И топором взмахнул солдат,
В столетний дуб врубился грубо —
Так раскроил он сердце дуба,
И на землянку лег накат...

Вы вторглись в сердцевины зим,
И сумрак отступил пред вами,
Над очагами — серый дым
Пустыми машет рукавами.
Кипит вода в седом сугробе,
В подземных стойлах кони ржут,
Живет вооруженный люд,
Военный люд в земной утробе!

Уже над раскаленной печью
Развешаны портянки косо,
Попыхивают папирсы,
Льнут к стенкам тени человечьи —
Повыше стриженных голов
Они очерчены пеловко.

Во мгле повисла тяжесть слов,
Простых и метких, как винтовка;
В землянке, освещенной слабо,
Как бы вместился целый свет:
Мечты огромного масштаба —
Сто тысяч мест, сто тысяч лет.
И вот уж различает око
Балколов поднебесный хор,
Дома — подобье светлых гор,
Мост, взгромоздившийся высоко,
И капителей с пёбом спор...
Здесь в спешной мгле, где смерзлись травы,
В степях, закованных зимой,
Для нас струят величья влагу
Сосцы истории самой.

И если, преступлений цепь
Влача до самого Берлина,
Враг превратит наш дом в руины,
Отчаяну — в выжженную степь,
И если мы в краю родном
(А до него уж недалеко)
Увидим только клубы дыма
Да пепел тёплый и белесый,
То мы своей рукою сильной,
Привыкшей к молотку и сваям,
Свободной, светлой и обильной,
Поднимем Польшу из развалин.

Ноябрь 1943 г.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

ПЕСНЯ

Чернику я не забуду,
пылившуюся от маршей,
от ягод черные зубы,
сверкавшие в рукопашной.

И в песнях лесных и болотных
от ягод горящих сладость.
Для нас, окровавленных, потных,
черника постелью стлалась.

Письмо диктовал мне товарищ,
был мох под ногами мягок.
— Пиши, о чем тут мечтаешь,
чернилами черных ягод.

На запад приказ нас бросил,
И Висла вот-вот уже близко.
Товарищ лежит среди сосен,
а лоб черникой обрызган.

У МАТУШКИ В БУЙКАХ

Там, в деревне Буйки, где исхожен,
где «лесными» до крови истоптан лес,
у самой дороги, с бугристым орехом схожей,
дом партизанской матери ждал нас в то лето.

Здесь размещался обычно штаб батальона
под навесом раскидистых лип.
Псы на брюхе ползли к сапогам запыленным
и хвостами чистили их от пыли.

Лягушачий ручей за оградой.
Ноги травой, как студеным вином, освежи.
И кулем на солому падай.
Как там ребята, стянули с ног сапожищи?

В чревовещающих котлах на кухне
уже бормочет подбеленный борщ,
а матушка, в муке по локоть пухлый,
спешат настрять клепок нам побольше.

Берут наша матушка все карабины в охапку,
как если бы брали пшеницы снопы,
дски звенят, как молочные крынки, в хате.
Ох, и хлопот же с нами матушке спова!

А мне сидеть, строчить в Варшаву рапорт
(стол тут — корявый, как крестьянский гроб) —
взрыв — стычка — два моста — отход на запад.
Ржет со смеху наш уланский ротмистр.

«Да чтоб меня затоптали кони!» — Горилка!
Дербализнем! Бог нам пусть простит.
И уже у Адама в руках гармонь-горемыка:
что ни вдох, то будто астмы приступ.

Но шляхетское войско, по фольваркам богатым
сидевшее, где было, что жрать,
проходя через Буйки, ввалилось в хату —
били под сердце жаркое.

Били матушку за то, что, бывало,
рукою — знавшей крестьянский труд —
нашим хлопцам раны они обмывали
от заскорузлой коросты струпов.

Но крестьянин тверд — едва из дебрей
в Буйки вновь отряд добрался наш,
матушка со слезами встречали у двери
и с горшками доброй простокваши.

После немецкой карательной экспедиции
стволы обугленных лип торчат,
печная труба своей наготы стыдится
и на ветру скрипит кирпичами.

Но скрылись матушка в лес, что нами искожен,
нами, «лесным», до крови истоптанный лес,
где на деревьях, на их параненной коже,
наш диспут с немцами писали пули в то лето.

Наверно, давно вернулись в деревню и славно
пахнет смолой свежеструганая сосна,
а матушка с песенкой пахтают свежее масло
и господа бога спрашивают, как там с нами.

ЛЕОН ПАСТЕРНАК

В ПОЛЬШУ

Из селений казахских,
из аулов Киргизии
едут парни сражаться,
биться в польской дивизии.

От печали томящей
взор горит, как педужный...
Ты прощай, Юг палящий,
ты прощай, Север выюжный!

Труден путь в зной и в стужу
с Иртыша, из Спбири, —
но возьмешь ты оружие,
будешь в польском мундире.

Не одна пуля злая
просвистит над тобою,
прежде чем, замирая,
глянешь в небо родное.

Но из пущи тобольской,
из заснеженной чащи,
до земли нашей польской
этот путь твой — кратчайший.

Так дойдешь до Варшавы,
до родимого края,
мир, свободу и славу
для него добывая.

Е Ж И П У Т Р А М Е Н Т

ПРОХОД ТАНКОВ

Рвал кто-то, как цветы, пучками грабы.

Гул танков рос в глухом лесном безмолвии,
со стоном камни горбились в ухабы.
А танки мчались, как стальные молнии.

Там, где пройдут они, что уцелеет?

Горбаты глыбы их и тупорылы,
прыжок тяжелый вверх, гул все сильнее,
как плугом, гусеницы землю взрыли.

В село ворвался, взрывом вскинув в небо,
и повалили все, и растоптали
деревья — в щепки, хаты — в пыль и щебень.

Снесли все ураганом черной стали.

Спустились сумерки, и где-то звонко
раздался плач шакалий мотоцикла.
Задавленный ребенок, и в ручонке
зажата кукла.

ВИНТОВКА

Парень, заснувший под вехой у самой обочины!
Откуда улыбка проникла в твой сон озабоченный?

Испачканный глиной рассвет ползет по жнивью,
Он чуть освещает неблизкую радость твою.

Винтовка в ладони и ранец под головою,
Страны разноцветной плывут небеса над тобою.

В росе предрассветной планета промокла до нитки,
За дальним холмом всю ночь не смолкают зенитки.

А ты сочишься во сне! Твой истрепанный ранец
Родной палисадник задел, георгина румянец.

Коснулся капитана, костела и школу впопыхах
Где девушку — помнишь? — ты детской любовью ^{зацепил,}
любил.

Где друг-сорванец обнимал, как любящий брат,
Где юность, умершая года четыре назад.

И чувства все те же, и память огнеупорна,
И прошлое снова встречает улыбкой задорной,

И ты обнимаешь в восторге призрачность эту,
И к сердцу прижал... Проспись! Понимаешь — нету!

Нет дома! Нет улиц! Нет города! Нет ничего!
И друг твой и девушка только во сне существуют!

В костеле пустыня справляет свое торжество,
И пепел бездомный под ветром унылым кочует.

Над школой разбитой труба поднялась, как скелет,—
Здесь детство твое протекало легко и беспечно...

О близких не спрашивай... Ты понимаешь — их нет!
Ты их не увидишь ни ныне, ни завтра, ни вечно!

Еще раз пойми — ничего! Никого! Никогда!
И только винтовка, как спутник твой близкий
и верный;

Как друг и товарищ, пришла через пламя сюда
По тяжким дорогам войны и печали безмерной...

Надежду приструнь! Ты сердце свое приготовь
К тому, чтобы терпкой мезью насытилась кровь!..

На запад проносятся тучи, все громче грозы разговор...
Проснись и проверь — от росы не заржавел затвор?..

КШИШТОФ КАМИЛЬ БАЧИНСКИЙ

* * *

Был мой народ, словно мощное древо,
рос, будто дуб, горделиво, высоко,
полнило пламя зрелого сока
дерево веры, силы и гнева.

Начали дровосеки, однако,
заступов сталью рубить твои корни,
чтоб изменить твой голос и форму,
чтоб превратить тебя в сон вурдалака.

Листья твои обрывали, срезали,
чтобы, нагой, ты залился слезами.

Выкололи твои ясные очи,
жечь чтобы взглядом не было мочи.

Заживо в землю тебя зарывали.
Бога из сердца они вырывали.

Встал ты, решетками весь загражденный,
тучею распространился ты, горький,
пыткой и плеткой пзборожденный,
полузамученный и полумертвый.

Много тебя было — все разогнали,
но не погасло любви горенье.
В раны земли своей когти вгоняя,
спишь ты, и снится тебе презренья.

Но время точит о радугу сабли,
с неба удары часов раздаются.
Слышишь сердца? Они не ослабли.
Солнце блеснет, и все содрогнется.

Встанешь из мертвых, как бог из могилы,
мощь урагана в себе обнаружа.
Силы земли и небесные силы
вместе с тобою. Народ мой! К оружию!

IV. 43 г.

С ГОЛОВОЮ НА КАРАБИНЕ

Круг сжимается, узкий и тесный,—
слышу я в предутренней рани,
хоть крещен я в купели небесной
и поток обточил мои грани,

хоть меня через реки и кручи
переправила, пусть не без риска,
ветка дикой сирени, и тучи
улыбались мне по-матерински.

С каждым днем, с каждой ночью все ближе
этот круг, нас за глотки хватая,
а когда-то для нас колосилась
пива тучная и золотая.

Голубинная юность хлестала
из меня и срывала ворота.
На дне смерти теперь вырастаю,
дикий сын своего народа.

Круг ножом рассекает, рая,
срежет день он, и вечер минет,
и просплю я время ваянья
с головою на карабине.

Занесенный событий порошей,
пополам разодранный кругом,

как гранату, я голову брошу,
лихолетьем загнанный в угол,—

оттого, что жилось несмело,
а смелел, когда пахло кровью.
Гибну там, где величье дела
неразумной любил любовью.

4 декабря 1943 г.

ИЗ ЛЕСУ

Как шум озерный, почные пущи.
По мхам ступаешь, как по волне.
Колонны мрака растут все гуще.
Встревожил дали во тьме гнетущей
зловещий возглас как бы во сне.

Повозки, люди текут рекою,
Во мгле туманной то там, то тут
оружье звякнет, а под ногою
вздывает волны земля, как море,
и отголоски ползут в просторе,
они тревожны — чего-то ждут.

Стройные парни. Ясные лица.
Сила подземная, темная спла
сушу ломает, золото вскрыла,
в панцире тесном земля томится,
рвется наружу, гудит, гудит.

Ясные лица! Круг окоема
накрепко схвачен клещами армий.
Как же ценою муки и крови
выкупить землю, милые парни?

Можно любить, но любить — это мало,
можно погибнуть — явишь лишь слабость,
юное тело в битве устало,
а сила темная все гудит.

Пуща все гуще. Пространство вбирает
пастью огромной все на земле.
Это — как будто сын умирает,
это — как будто отец остается.
Прошли, исчезли. Дым только вьется.
Возглас зловещий слышен во мгле.

27.VI.44 г.

ТАДЕУШ БОРОВСКИЙ

ПЕСНЯ

Оглохли звезды в небесах —
язык сраженья им неведом.
Ты вспомнишь о своих рабах —
о нас, грядущая победа?

Железный лязг среди степей
и топот ног, а мы все старше.
Ревет голодный Коллизей,
плотов чествуя па марше.

Знамена вражды, братский зов,
и песня парней, и вера,
фальшивый грош, кривая мера,
качанье вечное весов.

Но остается прочность плеч:
не зря, не зря мы топчем камни,
не зря в бою сжимаем меч
окровавленными руками.

Не зря — опять навывлет грудь
и смерть с недвижными глазами:
илот опять выходит в путь,
пока торгош гремит весами.

Как труп на поле боевом,
лиловы небеса в потемках.
Что мы оставим? Ржавый лом
и смех язвительный потомков.

* * *

Глухая ночь. Нависли звезды,
жандармов окрик во мраке,
ворчание аэропланов
чужое, стонет мостовая
от топота, пылают степи,
и полпочь, как волна потопа,
пульсирует победным криком —
вот он, паш век, проклятый век,
грядущему бросает вызов...

А ведь спасет наш век от тлепа,
от гибели, исчезновения,
и выбросит дней наших море
на дальний берег, как лозу
беременный прибой, лишь это —
слова простые я нашел —
тебя. И новый человек
придет, забудет наши песни,
возненавидит стон илотов,
их жалобы, но в ту минуту,
когда ты убежишь навстречу
ему, другая, но все та же,
прекрасная — он вскинет руки,
как бы от солнца защищаясь,
и скажет: я нашел тебя...
моими скажет он словами,
моей полюбит он любовью...

ДОПРОС

Били день, били третий. Не добились, чего хотели.
Били круглые сутки. В общем и целом — с неделю.
— Говори, говори! — кричали. — Нам и так известны
отлично

Имя твое, и фамилия, и подпольная кличка! —
Головой его колотили по столешнице по дубовой.
— Хоть фразу скажи нам, падаль, хоть единое
слово!

И паспорт, и визу на выезд выудили ищейки,
и шифрованные инструкции из чемоданной обклейки.
А когда Тумпган показали, он перестал молчать,
он сказал: — Уберите скатерть — сейчас я буду
блевать. —

До смерти билл снова — не выбили больше ни слова.
И в Майданек за проволоку бросили полуживого.
Но удрал он из-за колючей от конвоя и пистолета...
Что же такое слава, если пройдет и эта?

* * *

Друг друга мы не понимаем,
земляк, живущий за границей,
возможно, оба мы не правы
и в чем-то можем ошибиться.

Тебе в рядах союзных армий
спасать Европу выпал случай,
меня топтал сапог фашиста
за проволокою колючей.

Ты полной грудью мир широкый
вдыхал, под огню пастречу,
я видел миллионы жизней,
проглоченных смертельной печью.

Ты знал объятья чужестранок,
и жизнь мелькала фильмом длинным,
а я любимой в Освенциме
таскал пакеты с аспирином.

Ты знаешь вкус английской кухни
и сладость плитки шоколадной,
мне жжет печенку хлеб пемецкий,
гнилая брюква и балада.

Слепил врагов мундир твой польский,
твой гордый знак — орел крылатый.
А я... когда-нибудь ты видел
людей в одежде полосатой?

Ты ощущал дыханье Польши
в своей тоске, в газетном слове,
а я вдыхал зловонье трупов,
и черный дым, и запах крови.

Лицом к лицу — два разных мира —
должны мы стать с тобою все же
и заглянуть в глаза друг другу,
столь близкие и так несхожи.

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

МАТЬ ПОВЕШЕННЫХ

Трется о шершавую шкуру толпы.

Тут
по улице ходит
мать повешенных
черпая
посеребренную голову поспит
в ладонях
Ах какая тяжелая глыба
заполнена ночью
расколота светом

Безумная кружит
и песни поет
ботинки с разбитыми каблуками
бесплодное лоно
увядшие груди
сирена безумная воет
на месяц вспухший над городом

Свинцовыми стопами по бетону
ступает
мать повешенных
с луной на шее
идет ко дну
и трется о шершавую чешую толпы.

ДОЛЯ

Памяти капрала «Стройного»

Лежал партизан раздетый
цели птицы
и божьи коровки бродили
по восковым ладоням

Хоропить запретили жандармы
под страхом расстрела
пусть лежит
для остратки

Земля родная
распростерлась разбитая
обняла его светлую голову
и прижала

Он лежал возле леса тихо
будто пил из источника воду
наклопенный
над своєю долей
могилой.

КОСИЧКА

Когда всех женщин из транспорта
остригли
их волосы
четыре работника
замели липовыми венками
и собрали в кучу

За чистыми витрипами
лежат недвижные волосы
задушенных в газовых камерах
в тех волосах шпильки
и костяные гребни

Свет их не просвечивает
ветер их не треплет
ни дождь ни ладонь ни губы
не прикасаются к ним

В огромных витринах
клубятся сухие волосы
задушенных
и серенькая
косичка мышинный хвостик
с бантиком
которую дергали в школе
невежливые мальчишки

Музей в Освенциме, 1948

ИЗЪЕМЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Дети кричали: «Мама!
Я же ведь был послушным!
Темно здесь! Мама!»

Видите их Идут на дно
Видите маленькие ступни
пошли на дно Вы видите
этот след
Маленькие ножки тут и там

В карманах
веревочки и камни
и маленькие проволочные лошадки

Большая равнина
замкнутая как геометрическая фигура
и дерево из черного дыма
вертикальное
мертвое дерево
без звезды в кроне.

Музей в Освенциме, 1948

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ

СЛОВО О ЛЮБВИ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Живут иные без любви
с пустым орешком в сердце черством,
от мук и радостей вдали
глоток судьбы испив наперстком,
надеждой крохотной живут,
гнездясь во тьме, таясь в трясине,
рассветом тленье пня зовут,
о солнце речи нет в помине.

Какой любви им не дано,
безжизненным, как дым летящий,
как вдрызг разбитое окно,
как древо, рухнувшее в чаще,
чья связь была не глубока
с землей — и вихрем вырван корень,
оно не высохло пока,
но, желтым тронута слегка,
не зашумит в зеленом хоре?

Земля родная, отчий дом,
не стану я лежащим деревом.
В тебя вырастаю с каждым днем
печалью, радостью и гневом.
Нет, я не порванная нить.
Долой листву словес бескрылых!
Кто без любви способен жить,
плодоносить, увы, не в силах.

В твоих пластах столетья спят...
Порой иду — и вдруг застыну:

быть может, давних песен клад
вручен ларцу или кувшину,
какой-то дрот или черепок
в подземной глубине уснул,
а может, древний тот порог,
откуда в действо мы шагнули?

Грядущее передо мной,
туда мои стремятся мысли.
Я вижу камень под водой,
мерцающий в текучей Висле,
он ждет умелого резца и человеческой ладони,
он обретет черты лица,
тот камень, дремлющий в затоне.

Чтоб этот образ нам светил
улыбкой доброй и покоем,
мы, люди, не жалея сил,
сегодня боремся и строим.
Над нами нимбы светлых лет,
земля моя хранит мой след.
Не быть мне птахом испуганным,
не быть гнездом опустошенным.

ГОЛОДНЫЙ ЛАГЕРЬ БЛИЗ ЯСЛО

Вот так напиши. На бумаге простой
простыми чернилами: есть не давали.
Все умерли с голоду. *Сколько их было?*
Вот поле. На каждого сколько травы
приходится? Так напиши: я не знаю.
История смерть до нолей округляет.
Ведь тысяча и один — это тыща;
того одного — будто не было вовсе;
придуманный плод; колыбель без ребенка;
букварь, для кого неизвестно открытый;
растущий, кричащий, смеющийся воздух;
крыльцо — для сбегающей в сад пустоты;
то место в ряду, что никто не займет.

Мы по полю бродим, где все стало явью,
а он как подкупленный смолкнул свидетель.
На солнце. Зеленый. Недалький лесок,
Еда — древесина, питье — под корой:
рассматривай это виденье хоть сутки,
пока не ослепнешь. Над кронами — птица,
и тень сытных крыльев ложилась па губы,
и челюсти медленно проткрывались,
и зуб ударялся о зуб.

Ночамп сверкал меж созвездьями серп,
приспившийся хлеб в тишине пожиная.
Рука с почерневшей иконы являлась,
сжимавшая чашу пустую в ладопп.
На вертеле проволоки колючей
торчал человек.
С землей на устах пели *дивную песню*,
как цель поразила война прямо в сердце.
Какая тут тишь, напиши.
Да.

**ПОЭТЫ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОИНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

1941

МАРГАРИТА АГАШИНА

СТИХИ О МОЕМ СОЛДАТЕ

Когда, чекашный шаг ровняя,
Идут солдаты на парад,
Я замираю —
Вспоминаю,
Что был на свете мой солдат.

...Война. И враг под Сталинградом.
И нету писем от отца.
А я стою себе с солдатом
У заснеженного крыльца.

Ни о любви, ни о разлуке
Не говорю я ничего.
И только молча грею руки
В трехпалых варежках его.

Потом прощаюсь целый вечер
И возвращаюсь к дому вновь.
И первый снег летит навстречу,
Совсем как первая любовь.

Какой он был? Он был веселый.
В последний год перед войной
Он только-только кончил школу
И только встретился со мной.

Он был веселый, темно-русый,
Над чубом — красная звезда.
Он в бой пошел под Старой Руссой
И не вернется никогда.

Но все равно — по переулкам
И возле дома моего
Идут солдаты шагом гулким,
И все — похожи на него.

Идут, поют, ровняют плечи.
Ушанки сдвинуты на бровь.
И первый снег летит навстречу,
И чья-то первая любовь.

1960

МАРГАРИТА АЛИГЕР

* * *

С пульей в сердце
я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.
Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем мы, не в лесу.
Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:

- Как ты будешь жить?
- Сама не знаю.
- Выживешь?
- Не знаю и сама.

— Как же ты не умерла от пули? —
От конца уже недалеке
я осталась жить
не потому ли,
что в далеком камском городке,
там, где полночи светлы от снега,
где лихой мороз берет свое,
начинает говорить и бегать
счастье и бессмертие мое.

— Как же ты не умерла от пули,
выдержала огненный свинец?

Я осталась жить
не потому ли,
что, когда увидела копец,
частыми, горячими толчками
сердце мне успело подсказать,
что смогу когда-нибудь стихами
о таком страданье рассказать.

— Как же ты не умерла от пули?
Как тебя удар не подкосил?

Я осталась жить
не потому ли,
что, когда совсем не стало сил,
увидала
с дальних полустанков,
из забитых снегом тупиков:
за горами
движущихся танков,
за лесами
вскинутых штыков
завялся,
забрёзжил
день победы,
землю осенил своим крылом.

Сквозь свои
и сквозь чужие беды
в этот день пошла я напролом,

1941

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

* * *

В страшный час мировой этой ночи,
В страшный час беспощадной войны
Только зоркие, чистые очи
Называться глазами должны.

Они видят от края до края
Небо в звездах и землю в дыму
И, опять и опять не сгорая,
Не туманятся, смотрят во тьму.

Это, может быть, стойкий зенитчик
В предрассветные тучи впился,
Партизанка последней из спичек
Жжет стога и уходит в леса;

Или мать, перечтя не впервые
Дорогую от первенца весть,
Ясно видит слега фронтовые,
Глаз не может от строчек отвести.

Да. Война — это школа страдачья.
Это молодость сына в крови.
Не являйся к ней с маленькой данью,
Только с жизнью — и ту разорви.

И тогда-то, в тоске об ушедшем,
Чашу горькую выпив до дна,
Когда, кажется, жить уже печем,
Ты поймешь, что такое война.

И тогда-то, по смутному следу,
Не глазами, а трепетом век
Ты сквозь слезы увидишь победу,
Зоркий, чистый, живой человек.

1942—1943

АННА АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что пыле лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попил ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервецелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1941 г.

ВИЗМА БЕЛШЕВИЦ

* * *

Руена¹ — лестницы, лестницы, лестницы,
лестницы на тот свет.
Вихрь подметает ступени пустынные.
Стен и дверей нет.
Не затанцуешь в залах разрушенных.
На сквозняке — сирень.
Хоть бы руины остались от Руены!
Лишь за ступенью
ступень —
Лестницы. Только мадонна гранитная
все еще молится тут,
Руки воздела над этими лестницами,
что никуда не ведут.
Души покойных домов неприкаянно
ходят по ним сейчас.
Тихо вокруг, и мадонна гранитная
не открывает глаз.
Руена в нimbе закатного пламени.
Лестницы в никуда.
Ноги чужие лестницу мертвую
не осквернят никогда.

1967

¹ Руена — городок в Латвии, разрушенный фашистами.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, почное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист,—
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько несправедливости и любви...

Столько, что мынутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна,— еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давшей-давшей
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдерпем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: нехудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьева, твоею сплой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941 г.

НАКАНУНЕ

...Запомни эти дни,
прислушайся немного,
и ты — душой — услышишь в тот же час:
она пришла и встала у порога,
она готова в двери постучать.

Она стоит на лестничной площадке,
на темной,
на знакомой без конца,
в солдатской рваной, дымной плащ-палатке,
кровавый пот не вытерла с лица.

Она к тебе спешила из похода
столь тяжкого,
что слов не обрести.
Она ведь знала: все четыре года
ты ждал ее,
ты знал ее пути.

Ты отдал все, что мог, ее дерзанию:
всю жизнь свою,
всю душу,
радость,
плач.

Ты в ней не усомнился в дни страдания,
не возгордился праздно в дни удач.
Ты с этой самой лестничной площадки
подряд четыре года провожал
тех — самых лучших,
тех, кто без оглядки
ушел к ее бессмертным рубежам.

И вот — она у твоего порога.
Дыханье переводит и молчит.
Ну, день, ну, два, еще совсем темного,
ну, через час — возьмет и постучит.

И в тот же миг серебряным звучаньем
столицы позывные запоют.
Знакомый голос вымолвит:

«Внимание...»,
а после трубы грянут и салют,
и хлынет свет,
зальет твою квартиру,
подобный свету радуг и зарн,
и всю правдой,
всей отрадой мира
твое существование озарит.

Запомни ж все.

Пускай навеки память
до мелочи, до капли сохранит
все, чем ты жил,

что говорил с друзьями,
все, что видал,

что думал в эти дни.

Запомни даже небо и погоду,
все впитывай в себя,

всему впемли:
ведь ты живешь весной такого года,
который павают — Весной Земли.
Запомни ж все! И в будничных тревогах
па всем чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоём пороге.
Сейчас она войдет к тебе.

Встречай!

3 мая 1945 г.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЗЫКАНТА

Пришел солдат в свои Подлипки,
В дом на окраине села,
Он молча снял со стенки скрипку,
И песня вслед за ним пошла.

Он из-под пальцев узловатых
Дарил картину не одну:
То поднимались Карпаты,
То мчал Дунай свою волну.

То битвы мгла бойцов скрывала,
То с неба солнце не прогнать,
То девочка венок сплетала,
А то навзрыд рыдала мать.

Его соседи окружили
И от него спешат узнать:
— Скажи, в каких краях, служивый,
Ты научился так играть?

Он им ответил новым ладом,
И задрожал смычок-певун,
Он им ответил светлым взглядом,
Душою скрипки, звоном струн:

— Меня такому научили
Пути походов фронтовых.
Я слышал, ветры голосили
Над сном товарищей моих.

Я слышал говор, что по краю
Прошлы дорогами войны,
Я слышал, как родник играет
В солдатских кружках жестяных.

Я слышал, как леса гудели
От тяжких рап. Я видел сам,
Как слёзы месяца висели
На ветвях сосен по лесам.

Я слышал: свет рыдал от счастья,
Когда увидел вольный стиг,
И рдела, вспрыгнув от печальи,
Былинка каждая в полях!

Как всех нас пташки привечали,
Как рдел восток, прожнив грозу...—
Замолкли струны.
Все молчали,
А музыкант смахнул слезу.

1946

ДЕБОРА ВААРАНДИ

ТКАЧПХА

Я помню, в цех война вступила,
Весь цех заполнила собою.
Казалось, труженицы тыла
Здесь лично встретились с войною.

И лампочки светили скупю,
И пар шел, если разжимали
Невесело ткачихи губы.
Мы ткали марлю, марлю ткали.

Не ткали мы цветных узоров,
Мы ткали жизнь мужьям и детям.
Мы знали кровь, какую скоро
В себя впитают метры эти.

Стопало сердце, но на пряжу
Я ни слезинки не роняла,
Глаза сухими были, даже
Когда всех близких потеряла.

Их никогда не будет дома.
Грущу вечернею порою.
Но вот мальчонка незнакомый,
Рубашка, выткавшая мною.

Вновь руки припаялись за дело,
Глаза от горя не померкли.
Теперь бы всех оспротелых
Одеть по материнской мерке!

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

АЛЕША

Белест ли в поле пороша,
Иль гулкне ливни шумит,
Стоит под горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною попей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девушкам, —
Они ему дарят цветы.

Привычек, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда, —
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белест ли в поле пороша,
Иль гулкне ливни шумят,
Стоит пад горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

1967

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

Повеет войною
От мирно сверкающих вод,
И пад глубиною
Машины застопорят ход.

У Крыма под боком
Здесь гибли в волнах моряки.
В молчанье глубоком
За борт опускают венки.

В лучах этих летних
Венки припимает волна.
Мерцают на лептах
Былых кораблей имена.

...Вот так же крепчала
Волна четверть века назад.
Вот так же качала
Она бескозырки ребят.

1969

ОЯР ВАЦИЕТИС

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Товарищ врач!
Незаконно.
Нагло.

Но, очевидно, последний день
в моей груди сидит осколок.

Я в летах.
И не берусь утверждать,
что снаряд сделал фашист,—
может быть.
А может, немецкий рабочий
или пленный, мой однополчанин,
косясь па дуло парабеллума.

Осколок пошу я с той дымящейся груды развалин,
что звалась
Варшавой.
И с тех пор
на три грамма
врут все весы.

Жалоб особых нет.
Осколок вел себя прилично,
всего два раза о себе напомнил
так, что дух захватило.
Первый —
когда, вернувшись домой,

я забыл, целуясь,
сколько мне лет.

Второй —

когда падало бревно с машины
и я думал
удержать его.

Товарищ врач!

После операции пропугу
вернуть мне этот осколок.

Он жил по соседству с сердцем,
стенка была тоньше паширосной бумаги,
и он все подслушал.

А самое главное —

нельзя отпускать па свободу осколки,
которые побывали в груди человека
и знают туда дорогу.

1959

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ

Я помню: мы вышли из боя
в разгар певеселой поры,
когда переспевшие, стоя,
ломались хлеба от жары.

Ни облака в небе, ни тучи...
Не чая попасть па гумно,
слезой из-под брови колючей
стекало на землю зерно.

Солома сгибала колени,
как странник, уставший в пути...
В Ивановке — местном селенье —
Иванов — шаром покати!

Авдотья кругом да Орины,
короче — солдаты одни.
И видим: еще половинны
хлебов не убрали они.

Уставшие — шли не с парада, —
не спавшие целую ночь,
мы все же решили, что надо
хоть чуточку бабам помочь.

И тут же, по форме солдаты,
душой же все те ж мужики,
мы сбросили пыльные скатки,
составили в козла штыки.

И в рост — во весь рост! —
пошли, — нетерпением горя,
пошли со снопами брататься,
в объятья их по три беря.

**Мы вверх их вздымали, упрямы.
И запах соломы ржапой
вдыхали, хмелся, поздрями
на поле, бок о бок с войпой.**

И диву давались:
когда-то,
еще не пачав воевать,
от этакой вот благодати
мы даже могли уставать...

Сейчас же все болс да боле
просила работы душа.
И мы продвигались по полю,
суслонам чубы вороша.

Мы пели б — паверпое, пели б, —
работу беря на «ура»,
когда бы ребят не жалели,
схороненных нами вчера.

**Им было бы так же вот любо,
как нам, наработаться вельась,
и сбросить пилотки, и чубом
к снопам золотистым припасть.**

Вдохнуть неостывшего зноя
и вспомнить па миг в тишине
родимое поле ржаное
и, может, забыть о войне.

Забыть, что фашист заседает,
забыть, что у края жпивья
выптовка тебя ожидает,
а вовсе не женка твоя.

Но было забыть невозможно.
Платки приспустивши до глаз,
тоскливо, печально, тревожно
глядели солдаты на нас.

Им виделась жатва пная...
Они из-под пыльных платков
глядели на нас, вспоминая,
конечно, своих мужиков.

Глядели, участью не рады,
глядели, на речи скупы...
И мы ощущали их взгляды,
такая в охапках снопы.

Ломили упрямо работу,
носились, не чувствуя ног,
седьмым умывались потом,
быть может, в остатный разок.

И слепли от этого пота...
И очень боялись — вот-вот
раздастся суровое:
«Рота-а!» —
и все, словно сон, оборвет...

1964

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сереека с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

ЮРИЙ ВОРОНОВ

ИЗ ПИСЕМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Наш город в снег
До пояса закопан.
И если с крыш
На город посмотреть,
То улицы
Похожи на окопы,
В которых побывать успела
Смерть.

Вагоны
У пустых вокзалов стынут,
И паровозы мертвые молчат,—
Ведь семафоры
Рук своих не вскинут
На всех путях,
Ведущих в Ленинград.

Лупа
Скользит по небу одиноко,
Как по щеке
Холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш,—
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.

Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью
 смерть
 поправ».

Мы знаем:
Клятвы говорить не просто.
И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем
 последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг!

1943—1967

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

ЖУРАВЛИ

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клип усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

1967

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

СОЛДАТЫ ВОЛХОВА

Мы не верим, что горы на свете есть,
Мы не верим, что есть холмы.
Может, с Марса о них долетела весть
И ее услышали мы.
Только сосны да мхи окружают нас,
Да болото — куда ни глянь.
Ты заврался, друг, что видал Кавказ,
Вру и я, что видал Тянь-Шань.

Мы забыли, что улицы в мире есть,
Городских домов этажи, —
Только низкий блиндаж, где ни стоять,
ни сесть,
Как смелся с поста — лежи.
А пойдешь на пост, да, не ровен час,
Соскользнул в темпоте с мостков —
Значит, снова по пояс в грязи увяз,
Вот у нас тротуар каков.

Мы не верим, что где-то на свете есть
Целест платья и женский смех, —
Может, в книжке про то довелось прочесть,
Да и вспомнилось, как на грех.
В мертвом свете ракеты нам снится сон.
Снится лампы домашний свет,
И у края земли освещает он
Все, чего уже больше нет.

Мы забыли, что отдых на свете есть,
Тишина и тенистый сад,
И не дятел стучит на рассвете здесь —
Пулеметы во мгле стучат.
А дождешься, что в полк привезут кино,—
Несохота глядеть глазам,
Потому что пальбы и огня давно
Без кино тут хватает нам.

Но мы знаем, что мужество в мире есть,
Что ведет нас оно из тьмы.
И не дрогнет солдатская наша честь,
Хоть о ней не болтаем мы.
Не болтаем, а терпим, в грязи скользя
И не веря ни в ад, ни в рай,
Потому что мы — Волховский фронт, друзья,
Не тылы — а передний край.

Июнь 1943 г.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почерпел от пыли минной.

Разрыв —

и умирает друг.

И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.

За мной одним

идет охота.

Будь проклят

сорок первый год —

ты, вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,

что я притягиваю мины.

Разрыв —

и лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведет через трапшен

окопневная вражда,

штыком дырявящая шеп.

А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

* * *

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

1946

Д Ж А М Б У Л Д Ж А Б А Е В

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!¹

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невиской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну,—
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рон,
Золоченых крыш острья...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чутый смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,

¹ Печатается с сокращениями.

Вот зачем Неву берегут
Ваших пабережных края,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтобы пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже посевев,
Грозный ход балтийской волпы,
Где бурлил всепародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И рук его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет,
И подарком своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе оспов,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,—
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи

Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

.
Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он врагов отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наша села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет паравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких, как мед,—
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь 1941 г.

МУСА ДЖАЛИЛЬ

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он, Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом?!

20 ноября 1943 г.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли. 24
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

1941

ЮЛИЯ ДРУНИНА

ЗИПКА

1

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

С каждым днем становилось горше.
 Шли без митингов и знамен.
 В окружение попал под Оршей
 Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
 Мы пробились по черной ржи,
 По воронкам и буеракам
 Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,—
 Мы хотели со славой жить.
 Почему же в бинтах кровавых
 Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
 Укрывала я, зубы сжав.
 Белорусские ветры пели
 О рязанских глухих садах.

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
 Но сегодня она — не в счет.
 Дома, в яблочном захолустье,
 Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
 У нас ты была одна.
 Пахнет в хате квашней и дымом,
 За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
 У иконы свечу зажгла.
 Я не знаю, как написать ей,
 Чтоб тебя она не ждала?!

МИХАИЛ ДУДИН

СОЛОВЬИ

О мертвецах поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Облетрепные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет на листьях не дрожал
И для остротки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал,
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не пуждался в помощи пичьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменило.

Пу, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запрп все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал,

Потом сильпей, входя в горячий пыл,
Как будто пастежь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь, рядом с нами, возникал другой
В каком-то повом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще мипута. Задымлт сирень
Клубами фиолетового дыма.
Опа пришла обескуражить день.
Опа везде. Опа непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на мипном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитап воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим спарядом.

А мир гремпт па сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,

Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу капнул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дождал, не долюбил, не дождал,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так! Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты согласишься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвецах поговорим потом.

1942

* * *

М. Бернесу

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
что под березами лежат,
и вам ответят их сыны,
хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сыны,
хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

1961

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

ЯКОВУ ШВЕДОВУ

Я городов не помню, мне едва
одну дорогу описать пока,
где по кюветам черная трава
да лошадей раздутые бока,

где ветер смерти бьет в глаза и где
одни воропки, рвы да пустыри,
а у обочины в дождевой воде
спят вечным сном стрелки и пушкарн...

Там не пройти без боя и версты.
Товарищ мой! Закрою лишь глаза —
и вот они, разбитые мосты,
и вот они, горелые леса.

Но если спросишь ты сейчас меня:
такой-то город брал я или нет? —
припомнив вихрь железа и огня,
я промолчу, наверное, в ответ.

Но если скажешь ты, что там трава
была темна от крови и мертва,
что день и ночь без устали вокруг
за каждый камень бились и чердак, —
я не солгу, когда отвечу так:
— Пожалуй, брал я этот город, друг.

Но если ты попросишь рассказать
про наш плацдарм на тисском берегу,

я промолчу, наверное, опять
и показать на карте не смогу.

Но если сам ты помнишь город Чоп,
изломы дамбы в пламени, в дыму,
так ты меня не спросишь ни о чем,
и, значит, карта будет ни к чему.

Я не писал на фронте дневников,
я позабыл названия городов —
их слишком много было на пути,
пока в родной мне довелось войти.

1946

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилье,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем вметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельника?
Что ты смогла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,

Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоеет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,—
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

НА И Д Е Н Ы Ш

Пришел солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Через край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жепы!

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголек.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чья? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся: девочка лет трех.

«Ты что сидишь тут? Вылезай».
Молчит, глядит во все глаза,
Пугливее зверепышка,
Светлей кудельки волоса,
На васильках — роса — слеза.

«Как звать тебя?»

«Аленушка».

«А дочь ты чья?»

Молчит...

«Ничья.

Нашла маманька у ручья
За дальнею полосопькой,
Под белою березопькой».
«А мамка где?»

«Укрылась в рожь.

Боятся, что ты нас убьешь...»

Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжел.
Молчит солдат, в окно глядит
Туда, где тропка вьется вдаль.
Найденыш рядом с ним сидит,
Над сердцем тербит медаль.
Как быть?

В тумане голова.
Проходит час, а может, два.
Солдат глядит в окно и ждет:
Придет жена или не придет?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешевым блеклым ситчиком...

Взглянул:

у притолоки жена
Стоит, потупившись, бледна...
«Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны.
Былое порастет быльем,
Как дальняя сторонущка.
По-новому мы заживем,
Вот наша дочь — Аленушка!»

1945—1955

ВЕРА ИНБЕР

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружье кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса паган,
Высокий, бородатый —
Похоже, партизан,
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,

В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек,
Грудной ребенок в байке —
Откинут уголок —
Глядит (ему все пово).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого, —
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновление мира,
За будущность твою.

*Поябрь 1941 г.
Ленинград*

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берез, неслышп, певесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыт,г,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс веселым днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтном,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,

И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, припала пора,—
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем:

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ...

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,

И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одпой тебе — волей-неволей,
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страшною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же все перечтешь?
А в письмах па фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.

Бойцы твои письма читали, .
И там, па переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945

В РАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — п словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,

И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа.
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покори...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

МУСТАЙ КАРИМ

ЦВЕТЫ НА КАМНЕ

Ты пишешь мне в печали и тревоге,
Что расстоянья очень далеки,
Что стали слишком коротки и строги
Исписанные наскоро листки.

Что дни пусты, а ночи очень глухи
И по ночам раздумью нет конца,
Что, вероятно, в камень от разлуки
Мужские превращаются сердца.

Любимая, ты помнишь об Урале,
О синих далях, о веселых днях,
О том, как мы однажды любовались
Цветами, выросшими на камнях?

У них от зноя огрубели стебли,
Перевились в колючие жгуты,
Но, венчики пахучие колебля,
Цвели все лето нежные цветы.

Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.

1945

ДМИТРИЙ КЕДРИН

* * *

Весь край этот, мпый павеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю почь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непчатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрелчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пепник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глаза,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осиннок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни: все это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

АЛИМ КЕШОКОВ

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал,—
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Кто хотел послать портрет певесте,
Кто родных порадовать спешил:
— Нарисуй меня, но, честь по чести,
Безбородым, как до фронта был.

И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.

Ранят или убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

Депь пастал — погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных...
Нет бойца, а вот рисунок цел.

Он хранился в небольшой тетради.
Это память друга моего...
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

1945

ПЕТР КОМАРОВ

СУНГАРИЙСКИЕ БОЛОТА

Ты вниз поглядел из окна самолета —
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдаль.

Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота, —
А как же пехота все это прошла?..

1945

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шел отец, шел отец невредим
Через мирное поле,
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли идет,
Одинокий и страшный.

1972

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

НА МИНСКОМ ШОССЕ

Идти устали маленькие ноги,
Но он послушно продолжает путь.
Еще вчера хотелось близ дороги
Ему в ромашках полевых уснуть.

И мать несла его, теряя силы,
В пути минуты длились, словно дни,
Все время сыну непопятно было,
Зачем свой дом покинули они.

Что значат взрывы, плач, дорога эта?
И чем он хуже остальных ребят,
Что на траве зеленой у кювета,
Раскинув руки, рядом с мамой спят?

Как тяжело выслушивать вопросы...
Могла ли малышу ответить мать,
Что этим детям, спящим у березы,
Что этим мамам никогда не встать?

Но сын вопросы задавал упрямо,
И кто-то объяснил ему в пути,
Что это спали неживые мамы,
От бомбы не успевшие уйти.

И он задумался под лязг машин железных,
Как будто горе взрослых понял вдруг,—
В его глазах, недавно безмятежных,
Уже блуждал осознанный испуг.

Так детство кончилось. Он прежним больше не был.
Он шел и шел. И, чтобы мать спасти,
Следил ревниво за июньским небом
Малыш, седой от пыли, лет шести.

1911

МАТЬ

(Народная баллада)

Мать сына родного на битву с врагом проводила,
И зерпа на счастье посеяла мать, посадила.
И думала: если проглянут веселые всходы,—
Сын скоро вернется,
Со славой придет из похода.

Напрасно вздыхала,
Ждала-ожидала
И счастья и доли:
Попали те зерпа
На камень на черпый
Средь чистого поля.

Напрасно с водою холодною
Ведро таскала,
Тот камень бесплодный
Слезой и водой поливала.

Щербатый, перовный,
Все выпил он — слезы и воду.
Кипели на нем они, как на жаровне,
Три года.

Мать на землю пала
В печали, в тревоге,
Взывать она стала
К знакомой дороге:

— Услышь мое слово,
Смягчи этот камень суровый.

Я вербой густою
За это взошла б над тобою.
Твоих пешеходов
От солнца в тени укрывала б,
А в час непогоды
От бури я их заслоняла б.
Своими руками
Тебя подметать бы могла я.
Смягчи же свой камень,
Дорога моя полевая!

Дорога сказала:
— Напрасно ты просишь, вздыхая:
Коль семя на камень упало,
Не жди урожая.
Не первая ты возле камня томишься в печали,
Не раз на нем сеяли, только ни разу не жали.
На скорбные нивы
Пришельцы его прикатили,
Лежит он чужой, молчаливый,
Седея от пыли.
Его прикатили с чужбины
И бросили в поле,
Чтоб мать непамятного сына
Не видела боле.
И всходов не даст он ни в осень, ни теплой весною,
Пока он, заклятый тобою,
Не станет землею.

И старая встала
И шепотом камню сказала:
— Воды тебе мало
И слез моих мало.
Я кровью своею живою
Тебя заклинаю:
Ты стапешь землею,
Сырою землею,
А камнем
Стапу сама я.

И трижды
Заклятье такое
Над камнем она прошептала.

Стал камень землею,
А камнем сама она стала.
И вот поднялись у дороги зеленые всходы,
Со славой домой возвращается сын из похода.

1943

*** * ***

Война велика, бесконечны поля,
Дороги, как старые песни, длинны,
И ходит беда, и тоскует земля,
И воет волчицею ветер войны.

Быть может, по этим дорогам глухим
К тебе суждено мне вернуться, любя.
А если не мне, так хоть песням моим,
Я верю, придется дойти до тебя.

1941

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВЕ КУСКЕ

По безлюдным проспектам
Оглушительно-звонко
Громыхала
На дьявольской смеси
Трехтонка.
Леденистый брезент
Прикрывал ее кузов —
Драгоценные топы
Замечательных грузов.

Молчаливый водитель,
Примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
Хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло,
Вез консервы и водку,
И махорку он вез,
Проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант
Прятал нос в рукавицу.
Был он худ,
Был похож на голодную птицу.
И казалось ему,
Что водителя нету,
Что забрел грузовик
На другую планету.

Вдруг навстречу лучам —
Синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул,
Покорежеп пожаром.
А сквозь эти лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, —
Плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. —
Погодите, водитель.
Я, — сказал лейтенант, —
Здесьний все-таки житель. —
И шофер осадил
Перед домом машину,
И прощительный ветер
Ворвался в кабину.

И избежал лейтенант
По знакомым ступням.
И вошел...
И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки...
Бледные губки...
Старичок семилетний
В потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган?
Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант
Свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок
Дал он сыну: — Пожуй-ка. —
И шагнул он туда,
Где дымил буржуйка.

Там, поверх одеяла, —
Распухшие руки.
Там жену он увидел
После долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться,
Взял за бедные плечи

И в глаза заглянул,
Что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант
Семилетнего сына:
Был мальчишка в отца —
Настоящий мужчина!
И когда замигал
Догоревший огарок,
Маме в руку вложил он
Отцовский подарок.

А когда лейтенант
Вновь садился в трехтонку:
— Приезжай! —
Закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, —
Плавно,
 медленно,
 сыто...

Грузовик отмахал уже
Многие версты.
Освещали ракеты
Неба черного купол.
Тот же самый кусок —
Непадкушенный,
Черствый —
Лейтенант
В том же самом кармане
Нащупал.
Потому что жема
Не могла быть иною
И кусок этот снова
Ему подложила.
Потому что была
Настоящей жепой.
Потому что ждала,
Потому что любила.

1942
Ленинград

МИХАИЛ ЛУКОНИН

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
Нам не лавры пужны,
Не цветы под ногами,
Нам, пришедшим с войны,
Нет, не это.
Нам надо,
Чтобы ступила пога
На хлебные степи,
На цветные луга.

[illegible]

**Нам не отдыха надо
И не тишины.
Не ласкайте нас званием:
«Участник войны».**
Нам —
трудом обновить
ордена и почет!

Жажда трудной работы
нам ладони сечет.
Мы окопани землю пзрыли,
пора
Нам точить лемехи
И водить трактора,
Нам пора:
звон оружия —
на звон топора,
Посвист пуль —
на шипенье пилы
и пера.

Ты прости меня, милая,
Ты мне жить помоги.
Сам шинель я повешу,
Сам сниму сапоги.
Сам тебя поведу,
Где дома и гроза.
Пальцы в пальцы вплету
И глазами — в глаза.
Я вернулся к тебе,
Но кольцо твоих рук —
Не замок,
не венки,
не спасательный круг.

1945

СТАЛЛИНГРАДСКИЙ ТЕАТР

Здесь львы
стояли
у крыльца
Лет сто
Без перемел,
Как вдруг
кирпичная пыльца,
Отбитая дождем свинца,
Завьюжила у стен.

В фойе театра
шел бой.
Упал
левый
лев,
А правый
заслонил собой
Дверей высокий зев.
По ложам
лежа
немец бил
И слушал долгий звон;
Вмерзая в ледяной настил,
Лежать остался он.
На сцену —
за колосники,
Со сцены —
в первый ряд,
Прицеливаясь с руки,
Двинулся
наш
отряд.
К суфлерской будке
старшина
Припал
И бил во тьму.
И
история сама
Суфлировала ему.
Огнем поддерживая нас,
В боку зажимая боль,
Он без позы и без прикрас
Сыграл
великую
роль.
Я вспомнил об этом,
взглянув вчера
На театр в коробке лесов.
Фаперную дверь сего по вечерам
Сторож берет на засов.
Строители утром идут сюда,
Чтобы весной

АНДРЕЙ ЛУПАН

ЗВЕЗДА

За сельской дорогой прямою
есть холмик, поросший травой.

Степные цветы за оградкой
и дата под надписью краткой.

Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко...

Вон там, где трава закачалась,
дорога солдата копчалась.

Сюда и допес он когда-то
короткую юность солдата.

Настигнут осколком железным,
он пал никому не известным...

Пришли сюда грустные вдовы —
простые крестьянки Молдовы,

отрыли могилу солдату,
поставили скорбную дату

и, полные братской печали,
над свежей землей помолчали...

С тех пор за оградой резною
цветы вырастают весной.

Над краспой звездой обелиска
деревья склоняются низко.

Все туже лоза винограда,
все та же звезда и ограда...

К звезде этой нынче, живые,
придите, как будто впервые,

и землю плугами вспашите.
Спешите, живые, спешите!

У буков, за старой крипицей,
все поле засейте пшеницей —

чтоб рядом с солдатом качалась,
чтоб жизнь его вск не кончалась.

1958

* * *

Чтоб стать мужчиной — мало им родиться,
Как стать железом — мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Как трудно в сапогах шагать в июле.
Но ты — солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943

ГРИГОРИЙ ЛЮШНИН

СНЕГ

У зимы хороший мех —
Звездами искрится.
Это снег, белый снег
За окном темницы.

В нем веселья торжество
Находил когда-то,
На ладошь ловил его
И сгребал лопатой.

Белый снег, мягкий снег,
Словно пух лебяжий,
Упади ты и на тех,
Кто сидит под стражей.

Хоть слегка прохладой тронь,
Загляни к нам в гости,
Вот тебе моя ладошь,
Не ладошь, а кости.

Так се измучил враг
В катакомках ада,
Но, когда сожму в кулак,
Берегитесь, гады!

1943

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

МЫ

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячий, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жеп!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папирсы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремешок сползал с покатоного плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зносом выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

* * *

Мой друг, придем когда-нибудь домой —
Нам не забыть тех мирных комнат милых!..
Какие сны в сожженной ржи томили,
Как пели мы в час грозный, буревой!

Солдатский труднесли мы на плечах,
Какие вьюги нас в пути слепили,
Какие годы нас посеребрили
И тенью в наших залегли глазах!

Все собери, как летопись, в одно
И поклонись годам и селам этим:
Так затихает буря на рассвете,
Посеяв в землю доброе зерно!

1946

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

Мой друг сердечный Александр Фадеев
Однажды мне в беседе рассказал,
Как был в Норвегии и меж фюрдов
Нашел могилу нашего бойца,
Обсаженную розами и маком.

Их старая норвежка посадила
И осенью, собравши семена,

Передала их гостю, попросив,
Чтоб он нашел на Украине мать
Убитого и семена ей отдал:
«Здесь — сердце сына и его глаза,
Они весною каждой воскресают...»

Он мать нашел.

И мать на Украине
Под окнами вырастила семена,
Что выросли из сердца ее сына,
Из глаз его зеленых.

На заре
Мать говорит с цветами во дворе,
Сама прозрачной утренней порою
В сиянье светлом схожая с зарею.
Она в платке и в ватнике;

грустна,
Задумчива;

как ищей, сидиша
Из-под платочка.

— Хочешь есть, сыночек? —
Беззвучно спрашивает.

— Нет, я сыт,
Мне поле положило здесь кусочек
Ржаного хлеба...

Тополь шелестит,
И жаворонок песню вьет, как пить...
— А может быть, сынок, ты хочешь пить?
— Уже я пил — пролились облака,
Я дождик пил и пил росу с листка
И напоследок из твоей души
Пил, мама, грусть...

— А может, хочешь, милый,
Я причешу тебя?

— Нет, камыши
Меня чесали до самой могилы
Свинцом горячим...

— Я сорочку дам...
— Не надо, мама,

выдавали нам
Одежду, может быть, недорогую,
Но чистую...

Жаль только — не могу я

Ее вернуть...

— Так, может, дать вина?
— Зачем?

И так душа полным-полна
Слезами, мама... —

Свежий ветер веет,
Пылают розы,

маки розовеют,
И взгляд сыновний в лепестках горит,
А мать все говорит, все говорит...

1961

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

РАССТРЕЛ

Привел сынишку коммуниста.
Встал он рядом с матерью у рва.
А стрижи резвились в небе чистом,
И росла веселая трава.

Дал команду офицер немецкий.
Автоматы глянули в упор.
Вот взметнутся огненные всплески,
И окончен будет разговор.

Но иначе думает курносый,
И улыбка на его лице:
Не докурит немец папирасы,
Все не так получится в конце!

Из-за леса вылетит тачанка,
И враги рванутся наутек.
Пулеметом прострочит их Апка.
Слышишь, конский топот педалек!

Или красных партизан засада
Пленников избавит все равно,
Или Павка налетит с отрядом...
Словом, так, как видел он в кино.

И упал мальчишка навзничь с верой,
С ожидаемым радостным в глазах,
Что покопчат с этим офицером
Красные, примчавшись на рысях!

1943

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте, —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем.
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Мне часто спят все ребята —
Друзья моих военных дней,

Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

1963

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

У переднего края,
У разбитого пня,
Шлем вода ключевая
Омывает, звеня.

В двух шагах от гремящих,
От военных дорог
Пролетает блестящий
Голубой мотылек.

Жук в траве копошится,
Возвращаясь назад,
Перелетные птицы
О домашнем кричат.

В опрокинутом шлеме
Прорастает трава...
Ты погладь эту землю,
Что под пеплом жива.

1959

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Я давно почитаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не пашел
Все равно.

Год двадцатый.
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Иптервентская пуля, летящая в лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,—
Но стучит над шинельным сукном пулемет,

И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем,
Получившим оружие,
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове или на Днестре.
И пошли головные бригады
К дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«...Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно
сказал
молодой инженер:

— Коммунисты, вперед!.. Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в силову,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни «КВ»
Высыхали тяжелые капли дождя.
И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно
сказал
командир:
— Коммунисты, вперед!.. Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами —
Ветер и снег,
Но железом нестынувшим пахнет земля.

Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпроворот,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

1947

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка
во всем,
Всем и для всех —
не по рапжпру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам головы кружа,
Трехрядка
под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
струна
Натянутая трепетала,

Когда проклятая война
И души и тела топтала.
Стенали яростно,
 навзрыд,
Одпой-единой страсти ради
На полустапке — ипвалнд
И Шостакович — в Ленинграде.

1964

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрестке битых три часа
Я стоял, ошеломленный, вовсе проглядев
Все выдавшие на свете синие глаза.

Вел колонну итальянцев однорукий серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивильные поляки — пестрая толпа!
Шел француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шел старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.

— Где батрачил ты? — спросил я. — Где свой ищешь дом?

— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.

Шла девочка. Платье — в клочья, косы — как
кудель...

«Вот, — подумал я, — красотка с городского дна».

— Как вы хлеб свой добывали, о мадемуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диковинных отрепьях, спошенных вконец,
Черномазенький мальчишка — что за страшный

взгляд?
— Где ж ты родичей оставил, расскажи, малец?

— Их повесили в Софии год тому назад.
Так и шли людские толпы... Что там толпы —
тмы! —
Всех языков и паретий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

1945

СОЛДАТЫ СВОБОДЫ

Полопнут небывалые ветра
Наш гордый флаг над старым магистратом.
И город взят. И отдыхать пора,
Раз замолчать приказано грапатам.

А жителей как вымела метла,
В безлюдном затеряешься просторе...
Как вдруг наперерез из-за угла
Метнулось чье-то платишко простое.

Под ситцевым изодрапным платком
Иззябнувшие вздрагивают плеч...
По мартовскому снегу босиком
Ко мне бежала девушка навстречу.

И, прежде чем я понял что-нибудь,
Меня заполонили гнев и жалость,
Когда, с разбегу бросившись на грудь,
Она ко мне, несчастная, прижалась.

Какая боль на дне бессонных глаз,
Какую сердце выпесло невзгоду...
Так вот кого от гибели я спас!
Так вот кому я возвратил свободу!

Далекие и грустные края,
Свободы незатоптанные тропы...
— Как звать тебя, печальница моя?
— Европа!

Германия, март 1945 г.

О ГЛАВНОМ

Не будет ничего тошнее,—
Живи еще хоть сотню лет,—
Чем эта мокрая трапшея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в памокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая всласть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь,—
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдешь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда — то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая трапшея,
Чем этот серенький рассвет.

1970

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кншжальпый, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Трояпов Вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!

1941

ПОММА НУРБЕРДЫЕВ

ПУТЬ МОИХ САПОГ

Стоит только на подметки мне взглянуть,
Я припомню каждый шаг и каждый день.
Сапоги мои прошли немалый путь
Через сотни городов и деревень.

На Кавказе добрый мастер вас подбил —
Вы до Киева дошли через Донбасс.
Вас ни холод, ни мороз не устрасил,
Ни пенастья, ни дожди не брали вас.

Белорус зимой поставил латки вам —
И на Одер через Польшу вы пошли.
Не страшна была зима моим ногам —
Вы согрели их теплом родной земли.

Врассыпную разбегались враги —
Так, что ноги оставляли в сапогах...
А мои вперед стремились сапоги —
И взвился над вражьем станом алый флаг!

Возвратился я с победой в дом родной.
Пыль походную стряхнул с моих сапог,
Снял, почистил их заботливой рукой
И поставил осторожно в уголок.

1946

БУЛАТ ОКУДЖАВА

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ

Ах, войпа,
что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли,
за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы,
будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите —
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, войпа,
что ж ты, подлая, сделала;
вместо свадеб —
разлуки и дым,
наши девочки платочки белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги —
пу куда от них депешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников,
девочки.

Мы сведем с ними счета потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной
наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

1957

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Июнь 1944 г.

* * *

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастёрке, —
Бомбежке, на снегу кострам,

Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирпичном храня
Настроенную музыкой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все поверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмст пемытой пятершей
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру пемой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбочивые щурит?..

1968

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белопогих берез
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слез.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы straps.
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что́ было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

1975

ЛЕВ ОШАНИН

ДОРОГИ

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

Вьется пыль под сапогами —

степями, полями,—

А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Вороп кружит —
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...

А дорога дальше мчится,

пылится,

клубится.

А кругом земля дымится —
Чужая земля!

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.

Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями — степям, полями, —
Всё глядят вослед за нами
Родные глаза.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

1945

БОРИС ПАСТЕРНАК

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполпа зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

1941

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

ЗЕМЛЯ

Осенний путь... Осенний ржавый шлях!
Как мертвецы, снопы лежат в полях,
Продрогший куст под ветром облетает.
Столбы высоки, облака низки,
И холодок тревоги и тоски
В моем притихшем сердце нарастает.
О, как дрожат под ветром провода,
Как дребезжат прерывисто и длинно,
Как солнце падает, как будто навсегда,
За черный горизонт твой, Украина!

Грузовики гремят не в первый раз,
Не в первый раз проходит мгла у глаз.
Не в первый раз доносит запах дыма
Недальнего пожара... Не впервой
Летает смерть над нашей головой
И, не найдя нас, пролетает мимо.
Но сердце пикогда в груди моей
Так не дрожало... Нас везет машина
Последнюю дорогою твоей,
Твоей землей последней, Украина!

Я знал тебя с младенческих годов.
Я отдыхал в тени твоих садов,
Любил с тобой встречаться на рассвете.
Тропинка шла хлебами напрямк,
Туда, где трепетал степной родник,
Попавший рыбкой в солнечные сети.
В предутреннем сиянии над ним
Склонялась многолетняя калина,

И в небе тихо подымался дым
Твоих селений мирных, Украина!

Далекие безоблачные дни!
Мне вдруг так ясно вспомнились они
Под рев грузовика, буксующего в луже,
И виделся любимый образ мне,
Неуловимый, зыбкий, как во сне,
Наперекор ветрам и едкой стуже.
Я вылез и на борт налег плечом.
Пристали к борту чернозем и глина.
Ревел мотор. Так в поле под дождем
Прощался я с тобою, Украина!

Машины грузно двинулись, пошли.
Нагнувшись, я поднял комок земли,
Исхлестанный осенними дождями.
Он тяжело холодел в моей руке,
Как сердце без кровинки... Вдалеке
Пожар высокий задрожал за нами.
И вздрогнул я, услышавши гудок,
И побежал — меня ждала машина, —
Но я не бросил наземь тот комок
Твоей земли озябшей, Украина!

В нем все, что остается мне от дней
Степной и вольной юности моей;
В нем память про цветенье молодое,
Про степи, розовые поутру,
Про старый куст, шумящий на ветру,
Склонившийся над светлою водою
Минувшего... Земли сырой комок!
Пусть же в нем сольются воедино,
В один живой, неистовый поток,
Моя печаль и гнев мой, Украина!

Я пронесу его сквозь все бои.
Как... кровь свою, как помыслы свои.
Моя душа сольется с ним навеки.
Теперь он всю мою судьбу хранит,
Как пепел Клааса, в сердце мне стучит
И в снах бурлит, как в половодье реки.
Он поведет меня в моей борьбе,

Пройдет в походах трудная година,
Настает день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

А если я в сражение упаду
На мерзлую седую борозду,
Раскинув руки, точно для объятья,
И если меж холмов земли пемой
Мой миг последний встретится со мной
И не смогу ни мыслить, ни дышать я,
Пусть родина тогда, склоясь ко мне,
Сорвав ремни, пайдет на сердце сына
Твой не сгоревший ни в каком огне
Комок земли горячей, Украина!

1941

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

* * *

Я думала, что ненависть — огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками...
Но ненависть — пустыня. В душной, в ней
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, по столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая...

1943

ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН

ЭПИЛОГ

— Вернешься — ты будешь героем,
ты будешь бессмертен, иди! —
И стало тревожно, не скрою,
и что-то кольнуло в груди,
и рухнул весь мир за плечами:
полшага вперед — и в века...
Как это не просто — в молчанье
коснуться рукой козырька,
расправить шинельные складки,
прислушаться к дальней пальбе,
взять светлую сумку взрывчатки
и тут же забыть о себе...
А почестей мы не просили,
не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
солдатской наградой была.
Да много ли надо солдату,
что знал и печаль и успех:
по трудному счастью — на брата
да красное знамя — на всех.

1948

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

* * *

Есть что вспомнить всем нам,—
будем живы,
За беседой вспомним тихим днем
Все пути-дороги, все обрывы,
До небес забытые огнем!
Все пути широкие на марше,
Их пройти нам было нелегко.
Что с того, что стали на год старше,
Нам до смерти — ой как далеко!
Так держать!

И мы стоим в дозоре,
В дотах мы, и мы из-под земли
Видим небо, наше небо в зорях,
Видим — за полями битв, вдали,
Сотней радуг горизонт окрашен,
Тысячами солнц земля горит.
«Наше,— говорим мы,— это наше!»
«Ваше!» — все вокруг нас говорит,—
Реки все, моря и океаны,
Вся земля, ломающая гнет...
В тучах богатырские курганы,
Но оттуда солнце и сверкнет!

1942

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

От рощи к холму, с перелеска до лога
Далеко бежит фронтовая дорога.

Она день и ночь вдаль идет неумолчно.
Досадует враг, огрызаясь по-волчьи.

Глубокие слева и справа воронки,
Но «эмки» бегут и грохочут трехтонки

По ней, по избитой, тревожной, неровной,
По гатям разбитым, по щебню, по бревнам!

Трясет, но везет!

И недаром когда-то
Ее «малярией» прозвали солдаты!

Бои отгремят, засверкает победа,
По новым дорогам солдаты проедут.

Гудрон им под ноги!

Но в память бывшего
Хвала им, хвала им за меткое слово.

Проедут и вспомнят, как жили-служили,
Как сами дорогу свою проложили,

Как сами мостили, где низко, где круто,
Как немцы ее ненавидели люто.

Живи! До победы осталось немного,
Ты, в общем, совсем неплохая, дорога!

1943

СВЕЧА

Поздний час. Прифронтная полоса.
Ночь глядит в мое окно во все глаза.
Хочет в комнату проникнуть, не стуча,
да закрыла ход зажженная свеча;
темной ночи не дает вломиться в дом,
светлым облачком пылает над столом.
Тихо тает, оплывает тонкий ствол,
слезы падают на мой рабочий стол.
Это слезы не печали, не стыда,
свечка белая судьбой своей горда:
ведь ее трудолюбивый огонек
темной ночью потрудиться мне помог.
Он горел, горел, покуда не погас,
и за этот срок мне песня удалась.
Ночь копчается... Светлеет между строк.
Первый луч зари как сизый голубок...
В повой песне, что я складывал в ночи,
узнаю тебя, огонь моей свечи.
В каждой строчке теплота твоя и свет...
Может, песне жить на свете много лет
и всегда будить в душе моей живой
огонек свечи в избе прифронтной...
Ты гори, гори, нетленный огонек,
что от мрака мою песню уберег,
отогрел своим заботливым огнем,
чтобы пели ее люди мирным днем.

1942

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

Фронт приближался к Москве. В ту пору
Наш батальон стоял под Можайском.
И каждое утро все ближе, ближе
Мы слышали пушечную канонаду.

А сводки газетные были скупы,
А письма друзей доходили редко,
И мы не знали, где наши семьи,
Бежавшие из городов сожженных.

Мы видели только: по всем дорогам,
По всем колеям осенним, размытым
Тянулись подводы с утра до ночи,
Груженные разным домашним скарбом.

На их перепутьях смолкали ветры,
Березы склонялись у перекрестков.
И журавлей прощальные трубы
Гремели над ними в пустынном небе.

Но сухи были глаза у женщин:
Они за войну разучились плакать.
Им опалило ресницы горе,
Бледные губы сомкнуло плотно.

Я пристально вглядывался в их лица,
И сердце сжималось мое тревожно:
Может быть, встречу своих знакомых,
Может быть, близких своих увижу.

Мне в каждой девочке десятилетней
Виделась дочка моя Наташа.
Мне в каждой девочке пятилетней
Виделась дочка моя Ирина.

Но ни с Наташей моей, ни с Ириной
Не привелось мне тогда повстречаться:
Горькой рябиной, тоской журавлиной,
Казалось мне, в сердце они стучатся.

Казалось мне, я, как солдат, в ответе
За все, что вынесут наши дети,
Лишенные крова, лишённые детства,
Бежавшие, еле успев одеться.

А рядом уверенно и деловито
Бойцы — белорусы и украинцы —
Противотанковые рвы копали,
Как погребя у себя в деревне.

Я видел: привыкшие к созиданью,
Люди за землю держатся крепко...
И снова мои расправлялись плечи,
И на душе становилось легче.

1941—1942

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Наступает тихий вечер,
Зажигает в небе свечи,
По земле разлит покой...
Спи, сынок мой дорогой!

Там, в далеком темном поле,
Твой отец за нашу долю
Бьется с яростным врагом...
Спи, малютка, крепким сном!

Ранним утром я вставала,
Золотое жито жала
На пригорке, у горы...
Спи, малютка, до поры!

Той высокою горою
Твой отец вернется с боя,
Долгой ночи сгинет тень...
Спи, котенок, скоро день!

Как над нашими полками
Знамя вышито шелками,
Сила наша — внешний цвет...
Спи, дитя, придет рассвет!

Туча черная растает,
Светел, весел день настанет,
Мир лучами золотя...
Спи, сыночек, спи, дитя!

1941

ДАВИД САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И переступки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замуранной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца,—
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грешил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?

Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

РОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Любопытный, как все наши дети,
Удивленный мальчишка спросил:
— Много братских могил есть на свете,
Почему нет сестринских могил?

Взрослых снов мне несколько не надо,
Но все кажется мне до утра —
Под прямым попаданием снаряда
Медицинская гибнет сестра...

В чем же цель наших общих стараний?
Продолжая общественный путь,
Расходясь после общих собраний.
На отдельное горе взглянуть.

Вот рязанской вечерней порою
В спящем скверике, в центре села,
К бюсту Ванечки — дважды Героя —
Изможденная мать подошла:

— Я у мира всего на виду
От него никогда не уйду,
В гипсе, в мраморе или в граните
Вместе с сыном меня сохраните!

И заснула, бедняга, тотчас —
Много маялась и извелась...

Пусть в раскатах грядущих событий
От науки отстал динамит, —
Будьте тихи, друзья, не шумите —
Рядом русская женщина спит.

1958

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике, па море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя...
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.
— Тонко сработано!
Кто ж это тут?

«ЛЕНИН».

Ах, вот оно?

Аб!

— Гут!

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Коня хвостатые
Взяли в карьер.
Нет

статуи,

Гол

сквер.

Кончено! Свержено!
Далее — в круг
Введен задержанный
Политрук.
Был он молоденький,
Двадцать всего,
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали...
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе,
Подле шеста;
Вот ему на плечи
Брошен канат.
Мыльные капли
Землю кропят...

— Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде,
Всплачется, взмолится
Хоть на момент,
Здесь у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,

Поняли. Видели.
Ауф!
— Гут!

Желтым до зелени
Стал политрук.
Смотрит...
О Лешине вспомнил...
И вдруг
Он над оравую
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —
И над оковами,
Бронзе вослед,
Вырос
 кованный
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник...

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,
Глядя на улицу
Из ворот.
Мигом у цоколя
Наски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись...

Все же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Назло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

Керчь

1942

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе появив своим бабьим чутьем,
Ты помпишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, почамн мне кажется,
Что следом за мпой их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что па пей умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская жепщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

БОРИС СЛУЦКИЙ

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим,

 безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
 в Кёльской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день

 на площадь
 выводят лошадь,
Живую
 сталкивают с обрыва.

Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли
 неравно,
Пока по конине молотим зубами, —
О бюргеры Кёльна,
 да будет вам срамно!

О граждане Кёльна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медвый пятак,
Мы в Кёльской яме
 с голоду выпл?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой —
Письмо

солдату страны Советской.

«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за родину в Кёльнской яме!»

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу...»

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

Землю роем,
скребем ногтями,
Стоном стонем
в Кёльнской яме,
Но все остается, — как было, как было! —
Каша с вами, а душа с нами.

1944

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

СУДЬЯ

Упал на пашне у высотки
суровый мальчик из Москвы;
и тихо сдвинулась пилотка
с пробитой пулей головы.

Не глядя на беззвездный купол
и чуя веянье конца,
он пашню бережно занял
руками быстрыми слепца.

И, уходя в страну ясную
от мест родных невдалеке,
он землю теплую, сырую
зажал в коснеющей руке.

Горсть отвоеванной России
он захотел на память взять,
и не сумели мы, живые,
те пальцы мертвые разжать.

Мы так его похоронили —
в его военной красоте —
в большой торжественной могиле
на взятой утром высоте.

И если правда будет время,
когда людей на Страшный суд
из всех земель, с грехами всеми
трехкратно трубы призовут,—

предстанет за столом судейским
не бог с туманной бородой,
а паренек красноармейский
пред потрясенною толпой,

держа в своей ладони правой,
помятой немцами в бою,
не символы небесной славы,
а землю русскую свою.

Он все увидит, этот мальчик,
и ни йоты не простит,
но лезть — от правды, боль — от фальши
и гнев — от злобы отличит.

Он все узнает оком зорким,
с пятном кровавым на груди —
судья в истлевшей гимнастерке,
сидящий молча впереди.

И будет самой высшей мерой,
какою мерить нас могли,
в ладони юношеской серой
та горсть тяжелая земли.

1945

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась, мама,
и глаза твои, полные слез,
и знакомая с детства панاما
на венке поредевших волос.

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они все равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
опаленные пальцы войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волненья дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дороге к окопам своим,—

как скульптуры из ветра и стали
на откосах железных путей,
днем и ночью бессменно стояли
толпы наших седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весах родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки;
и держу я в ладони своей
эти сильные милые руки,
словно руки России моей.

1945

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Гремит железо третьи сутки.
Вагоны ходят ходуном.
И вдруг
 смолкают смех и шутки:
Друзья,
Россия за окном!

Полей величье немое.
Река. Село на берегу...
Не здесь ли
 памятной зимою
Мы жили в дымчатом снегу!

...Нам старшина
 поднес по чарке.
Бутылъ пуста в его руке.
Поет гармонь трофейной марки
О Волге матушке-реке.

И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли.
И нет земле конца и края...
А мы
 ее
 пешком прошли!

1945

МАРК СОБОЛЬ

ЗИМОЙ СОРОК ПЕРВОГО

Состоялась атака
и была коротка...
Нас осталось, однако,
два активных штыка.
И, видать, до салюта
не дожить нам двоим.
Мы к виптовкам примкнуты —
к трехлинейкам своим.
Наши души потрогать —
словно сталь, холодны...

Ночь густая, как деготь,
над безмолвьем войны.
Без огня, без ночлега
нам ее коротать.
Даже белого снега —
и того не видать.
Ни ракеты, ни птпцы
в этой стыпущей мгле...

Я родился в столице,
он родился в селе.
У него — па берсэке
снегири в полусне.
У меня — Маяковский
над столом на стене.

Друг от друга далеко
где-то спят чудеса —

светлый маленький локоп,
золотая коса...

Но единой указкой
нам оружие дано.
Ходит время на Спасской
для обоих одно.
Свет звезды негасимой
провозвестником дня...
И — Россия, Россия
у него, у меня!

Нет, мы встали недаром
на бугре у леска —
два огня, два удара,
два

активных

штыка!

И залогом расплаты
на черте межевой —
мы, живые солдаты,
в этой мгле неживой.

1975

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

НАЧАЛО

Четвертый класс мы кончили в предгрозе.
Но мы о том не думали в тот год,
И детских сапок легкне полозья
Неслись навстречу буре — без забот.

Ты помнишь? Возле краспозвездных вышек...
Ты помнишь! В Александровском саду
Летели дни на сапках и на лыжах,
И Кремль от детства отводил беду.

Но все тревожней были передачи,
Все шире круг забот МПВО.
Горел Париж. И так или иначе —
На нас ложились отсветы его.

Я помню день, когда забросил сразу
Я все свои обычные дела.
В тот вечер мама два противогаза —
Себе и мне — с работы принесла.

Я и не понял: для чего, откуда,
Но, на игру сзывая ребятню,
Таскал с собой резиновое чудо
И примерял по десять раз на дню.

Откуда-то их был десяток добыт.
И вот, пока сражение текло,
Любой из нас, растягивая хобот,
Глазел на мир сквозь потное стекло.

А на спинну поваленные стулья
Строчили беспощадно по врагу,
И в светлых комнатах шальная пуля
Подстерегала на любом шагу.

И падал павзничь Петька пли Сашка
Не на ковры, навстречу синяку,
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

Но в коридоре, становясь под знамя,
Мы верим ложной гибели сполна
И не догадываемся, что с нами
Играет настоящая война!

А уж случилось — свет надолго гаснул
Вслед за тревожно стопущим свистком,
А уж в парадные не попапраспу
Затаскивали ящики с песком.

Там на дома песлись фугасок гроздь,
На океанах шли суда ко дну.
Четвертый класс мы кончили в предгрозье,
Из пятого мы перешли в войну.

Двенадцать лет — огромный, взрослый возраст.
Но разве пезжным мамам объяснишь,
Что наше место там, где крики «воздух»
И ширь ничем не защищенных крыш.

Мы замерли...

И ноги вдруг — как вата,
Но, несмотря на то, что бел, как мел,
Наш командир сказал: — За мной, ребята! —
И по железу первым загремел.

Навстречу две дежурных комсомолки
Уже спешили, нас назад гоня.
И, как сосульки, падали осколки,
И рос напор зенитного огня.

Чердак опять. А бой ревет над крышей,
Несовершенным подвыгом маяя.

И вдруг внесли его, плащом укрывши,
Как, может быть, внесли бы и меня.

Он так лежал, как в этой же рубашке
Лежал однажды на своем веку
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

Он так лежал, как будто притворялся.
И мать бежала. — Петя, подымись! —
А он молчал. Не встал. Не рассмеялся.
Игра кончалась. Начиналась жизнь.

Так дни идут, как будто нет им края.
Но этот первый воинский урок
Я в сотый раз на память повторяю
И настоящий трогаю курок!

1949

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за низкий ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,

Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто па медп его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

1942

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Солдаты мы.
И это наша слава,
Погибших и верпувшихся назад.
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.

О том, что было, — откровенно, честно...
А вот один литературный туз
Твердит, что совершенно неуместно
В стихах моих проскальзывает грусть.

Он это говорит и пальцем тычет,
И, хлопая, как друга, по плечу,
Меня он обвиняет в безразличье
К делам моей страны...
А я молчу.

Нотацни и чтеппе морали
Я сам люблю.
Мели себе, мели...
А пам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.

1945

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

ЭПИЛОГ

Курганы щебня, горы кирпича,
Архивов важных — драная бумага.
Горит пятно простого кумача
Над обнаженным куполом рейхстага.

В пыли дорог и золоте наград
Мы у своей расхаживали цели.
Фамилиями нашими пестрят
Продыmlенные стены цитадели.

А первый, озаренный флагом тем,
Сумел остаться неизвестным свету,
Как мужество, что мы явили всем,—
Ему еще названья тоже нету.

1946

* * *

Еще утрамп черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще почками белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выйдем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей...

1944

ОМОР СУЛТАНОВ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О, Девятое мая сорок пятого года!
Я был тогда еще очень мал
и, радуясь вместе с толпой народа,
еще не все до конца понимал.
По Иссык-Кулю волны летели,
к берегу мчались, плечо к плечу,—
как будто все заслужить хотели
приз за добрую весть —
суюнчу.
Народ шумел, будто лес под ветром,
и лес, как народ, шумел, гомонил,
и дождик — он был коротким, но щедрым —
землю весеннюю наполнил.
Но люди дождя почти не заметили,
в слезах, счастливых и горьких, стоя.
Не все своих долгожданных встретили,
ушедших в огонь великого боя!
Помню: мужчина ко мне нагнулся,
и ласку в глазах его я прочел...
А мой отец с войны не вернулся,
вместо него День Победы пришел.
Я отца никогда не видел,
я не помню его лица,
но прекрасным, как День Победы,
светлым, ясным, как День Победы,
неомрачимым, как День Победы,
я вижу лицо моего отца!

1962

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

Софье Кресс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

ЖИЗНЬ И МЕЧТА

Умолкнет гром, пройдут года,
Мы постареем вдвое, втрое,
И будет сложена тогда
Легенда-сказка о герое.

Как шел он, не жалея сил,
Против жестокого течения
И в смертный час произносил
Высокопарные речения,

Как предавался он мечте
В ночи, перед кровавой сшибкой...
Мы будем слушать сказки те
С веселой старческой улыбкой.

Ведь мы к героям тех годов
В землянки запросто входили,
И ели с ними хлеб один,
И из одной баклажки пили.

Без пимба светлого па лбу,
Глотая пыль, топча порошу,
Они несли свою судьбу,
Как кирпичей тяжелых ношу.

Таскали сумки на горбах,
Со смертью в прятки не играли
И с грубым словом на губах,
Когда случалось, умирали.

Их явь и их ночные сны
Цвели цитатами едва ли.
А вот судьбу своей страны
Они в обиду не давали.

Пусть их прикрасят — не беда.
Воображение любит мощи.
Ведь человечья жизнь всегда
Была грязней, святей и проще.

Харьков, 1948

* * *

Частоколы, колючки, траншеи, рвы.
От пожарниц в глазах черно.
А вокруг погляди — по полям Литвы
Наливное зреет зерно.

Нынче жито в полях в человеческий рост,
Лен высок, и усат ячмень.
На горе село, за селом погост,
На погосте прохлада, тень.

Под крестами погоста пехотный взвод
В летний полдень встал на привал.
Он пылит по дорогам четвертый год,
Он и Волгу и Дон знавал.

Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упрям человек!
Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.

Взвод шагал три года сквозь дым и тьму,
Позабыл и сон и покой.
И сказали вчера, что теперь ему
До границы подать рукой.

Он сегодня в поход поднялся чуть свет.
Он идет, не жалея сил.
И на свете такого заслона нет,
Чтобы смелых остановил.

Он равняет шаг, суров, как судьба,
Этот, все испытавший, взвод.
Вдоль дорог Литвы поднялись хлеба
И торопят его вперед.

1-й Прибалтийский фронт. 1944.

МАКСИМ ТАНК

ВАРШАВА В ДЕНЬ ПОМНОВЕНИЯ

«Расстрелянный фашистамп...»

«Расстрелянный...»

Их больше, чем мемориальных досок
На улицах твоих, Варшава,
Чем листьев, шелестящих в парках
И на твоих аллеях,
Чем звезд, глядящих в траурное зеркало
Бессонной Вислы.

О польская всевидящая маты!
Ты зорко вглядываешься опять
В булыжник с пулевой щербиной,
В израненный осколками асфальт,
Затеpliant свечечку в руке дрожащей.

Прошли по этим уличным камням
Парады,
Будничные толпы,
Карнавалы,
Миллионы пог —
Усталых, стариковских,
И молодых, упругих.
И много раз омыты тротуары
Дождями, снегом, песнями, росой.
Неужто и доселе проступают
Сквозь плиты и старинную брусчатку

Твоих детей казненных
тени?

Позволь и мне от свечечки твоей
Зажечь светильник.

Может, я увижу
Тех, с кем я нынче встретиться бы мог?

1966

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушинный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на помники
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли пашни
Там, на среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину паля,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не поспеть ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дапо,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыл без могилы.
Всем, что было потом
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была несомненно
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То, шагнувшую вспять,
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На юном рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой!
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,—

О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слюкавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, вонны, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах или в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое,—
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далеской стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревуших сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищам берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Он рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимой сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел,—
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, сложенных, как велит приказ,—
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войны шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были,—

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчужд?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, паравпе с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немymi.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

НОЧНОЙ СПЛИТ

Все вихри приплялсь толочь
Холмов окрестных плечи,
Я Сплит увидел в бурю, в ночь,—
В домах горели свечи,
Оборванные провода,
Звон стекол, стоны сада,
Как будто я привез сюда
Твой черный мир, блокада!

Еще я слова не сказал,
С молчаньем зала споря,
Врывался в полутемный зал
Рыдания гор и моря.
Как будто выла вся земля
О всех сынах убитых,
И моря пенные поля
Несли цветы на плиты.
Как будто, воскресив войну,
В горах бои гремели,
Шли в море корабли ко дну
Под белый лязг метели.

Горели свечи все ясней,
Я в сумраке размытом
Увидел лица, как во сне,
Мужчин и женщин Сплита.

Увидел губы, щек бледней,
Глаза, как небылицы,
И чем-то близки были мне
Родные эти лица.

Увидел, как горят глаза,
По лицам тепи кружат...
— В такую почь о чем сказать?
— О Ленинграде, друже.

И ожил в Сплите город мой,
Не стало расстояний,
Как будто я пришел домой
Из боевых скитаний.
И должен правду всю сказать
Перед семьей родною,
Как свет свечи, торжествовать
Над бурей за степною.

Я видел бурю братских глаз,
Подернутых туманом,
Я счастлив был, что мой рассказ
Рассказан над Ядром.

1946

МОГИЛА КРАСПОАРМЕЙЦЕВ НА ПЛОЩАДИ В БЕЛГРАДЕ

Им, помпившим Дпспр и Ингулек,
Так страшно — как будто все снится —
Лежать между радостных улиц
В земле придунайской столицы.

Смешались в их памяти даты
С делами, навек золотыми;
Не в форме советской солдаты,
Как братья, стояли над ними.

И жешпины в черпом поспешно
Цветами гробы их обвили,
И плакали так безутешно,
Как будто сынов хоронили.

И юные вдовы Белграда
Над нимп, рыдая, стояли,
Как будто бы сердца отраду —
Погибших мужей провожали.

Страна приходила склоняться
Над их всенародной могилой —
И — спящим — им стало казаться,
Что сон их на родине милой,

Что снова в десантном отряде,
Проснутся и в бой окунутся,
Что снится им сон о Белграде
И трудно из сна им вернуться.

1946

* * *

Когда все то, что мы любили
И что святым для сердца было,
Затмилось в тучах черной пыли,
В огне и грохоте тротила.

Когда дома валились просто,
И город стал душой без тела,
И всюду с треском, как береста,
Свиваясь, прошлое горело.

И ум отказывался верить,
Что улица другою стала,
Чтоб тут же за открытой дверью
У дома Смерть подстерегала.

И стало темным, диким, нищим,
Морозом сковывая пальцы,
Давно знакомое жилище —
Пещерою неандертальца.

И в этом хаосе разлуки,
Потерь и черного мученья
Твои поддерживали руки
Живой огонь сопротивления.

Каким теплом светились очи!
Была ты мужества примером,
Всех лучших мыслей средоточьем,
Последней прелестью и верой.

И на блокадных грозных кручах
Делилась всей души богатством,
Когда ты — лучшая из лучших —
Крепила боевое братство.

То не подсказывает разум,
То было в сердце все хранимо,
Всей жизнью я тебе обязан,
И это — неопровержимо!

1968

Моя любимая, приходи, — как день, прекрасна
и светла,
К тебе вернулся друг, смотри: вокруг исчезла
мгла, — целуй!
Дорога длинная бойца к невесте привела, — целуй!
Ты сына, мать, встречай — его твоя любовь
спасла, — целуй!
Исполнив свой священный долг, сын возвращается
к тебе!

1945

УЙГУН

ДОРОГА СОЛНЦА

Я иду на запад. Я тобою
Назвав солнцем! Так зачем рыдать?
Словно солнце, утренней порою
На восток я возвращусь опять.

Я к тебе, мой друг, поспею к сроку,—
Мною наш восток не позабыт,
Но дорога к милому востоку
Через запад для меня лежит.

Понапраспу сердце лишь тревожа,
Не горюй: час утра недалек.
К западу уходит солнце тоже,
Чтобы возвратиться на восток!

1943

ИОСИФ УТКИН

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг,
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой,
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но, с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь оружийного гнева
Гудит у России в груди!

1943

НИКОЛАЙ УШАКОВ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ОБОРОНЫ

Ни куста,
ни стога,
ни вороны.
Черный камень,
серая зола...

На переднем крае обороны
тапк советский бомба обожгла.
Он железной печкою пылает,
он продут огнем,
и потому
лейтенант советский посылает
радио
майору своему.

По переднему несется краю,
слышит фронт
и вся родная Русь:
— Я горю,
 горю,
 но не сгораю!
Я горю,
 горю,
 но не сдаюсь!

1942

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам па фронт весна,
Солдатам стало не до сна,—
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют.
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так папачено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших шв.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..
Немного пусть поспят...

1942

МОСТ

Порой стары до огорченья,
Непритязательно просты,
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

Они дороги наши сводят
На бревна, павшие в накат,
По ним всегда вперед уходят,
Но не всегда идут назад.

Мост старили
Дожди и ветры,
Но я нашел и оглядел
Давно оставленные меты,
А свежих не было нигде.

Как в летопись,
По старым пятнам
Вписал я всем чертям назло:
«Домой вернулся в 45-м...»
А пиже — месяц и число.

В раздумье
Я сидел на слеге.
Мне слышался издалика
Неторопливый скрип телеги
И стук пустого котелка.

Мне слышалось воды течение,
Заворожившее кусты.
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

1946

ВАДИМ ШЕФНЕР

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена
И в облаках морозного тумана
Обугленная висит стена.

Еще обои порванные помпят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось,
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыхания и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась
И по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет.
И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

Не зря в стекле тускнеющем и зыбком
Таится жизнь.
Не зря висит оно:
Еще цветам и радостным улыбкам
Не раз в нем отразиться суждено!

1942

ПАВЕЛ ШУБИН

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седни,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только
До той вои канавы
Полмига,
Полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только
Вот эту грапату,
Злорадно поставив на взвод...
Всадить ее,
Врезать, как падо,
В чстырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

1943

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку прыпник,
И пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
Что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не шел бы ни о чем,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубачом
Я эти пять минут трубил тревогу.

1943

ГЕВОРГ ЭМИН

ПЕРВЫЙ БОЙ

Боевое крещение
накрепко мы запомнили —
Не позабудутся
место, часы и дата...
В плотном тумане
паши полки заполнили
Окопы
у древней крепости Митридата.
Мы сидели на корточках,
попыхивая сигарками,
И сигарки, вспыхивая,
мерцали между ладоней,
И казались сигарки звездочками неяркими
Со своею долей,
своей неизвестной долей.
За пылевой землею
скалы темнели голые.
Над колючей проволокой
ракета, шипя, взлетала.
Почти что перед рассветом
на наши головы
Немцы обрушили
яростный шквал металла.
И осколки шлепали
в мокрый настил дощатый.
Черный песок
оседал под упавшей миной.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

9 МАЯ 1945

1

О них когда-то горевал поэт:
Они друг друга долго ожидали,
А встретившись, друг друга не узнали
На небесах, где горя больше нет.
Но не в раю, на том земном просторе,
Где шаг ступи — и горе, горе, горе,
Я ждал ее, как можно ждать любя,
Я знал ее, как можно знать себя,
Я звал ее в крови, в грязи, в печали.
И час настал — закончилась война.
Я шел домой. Навстречу шла она.
И мы друг друга не узнали.

2

Она была в линялой гимнастерке,
И ноги были до крови натерты.
Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать. Был стол накрыт к обеду.
«Твой сын служил со мной в полку одном,
И я пришла. Меня зовут Победа».
Был черный хлеб белее белых дней,
И слезы были соли солопей.
Все сто столиц кричали вдалеке,
В ладоши хлопали и танцевали.
И только в тихом русском городке
Две женщины, как мертвые, молчали.

Прошу не для себя, для тех,
Кто жил в кровп, кто дольше всех
Не слышал ни любви, ни скрипок,
Ни роз не видел, ни зеркал,
Под кем п пол в сепях не скрипнул,
Кого и сон не окликал,—
Прошу для тех — и цвет, и щебет,
Чтоб было звонко и пестро,
Чтоб, умирая, день, как лебедь,
Ронял из горла серебро,—
Прошу до слез, до безрассудства,
Дойдя, войдя п перейдя,
Немного смутного искусства
За легким пологом дождя.

1945

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ПОЛЕ

О, поле, поле!..

Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, слоппв стволы, стоялп,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые виштовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Полиная потом грудь земли.
Уцелел радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

ЛЕНИНГРАД, 1942 ГОД

(Из фронтовых тетрадей)

Вхожу в родную квартиру
По лестнице ледяной.
В прихожей, где шубы висели,
Теперь сарай дровяной,
А в дровяном сарае —
Полешницей... не дрова...
Но я не могу об этом
Укладывать в рифму слова.

В гостиной, где раньше пахло
Теплом, табаком, едой,
Где Клара училась гладить,
Опрыскав платки водой,
И вышивала на шелке
Нелепые лопухи,
Где вечерами, зная,
Читались мои стихи,—

Лежат только щепки от стула
(А были буфет и комод),
И лезет из горла графина
Прозрачную свечкой лед;
Ненужный электрочайник,
Совсем промерзшая печь,
Семейные фотографии,
Которые жалко жечь;
И словно дракон в полете —
Чешуйчатые бока,—
Кривая труба времянки
У самого потолка,
Еще — железная койка
В углу, где совсем темно,—
Была бы она деревянной,
Сожгли б и ее давно.

На этой железной койке,
Свернувшись, лежит отец.
Он маленьким стал, как подросток, —
Жилец или не жилец?
Недвижный, худой и черный,
У черной сырой стены,
Как мумия, в одеялах, —
Усы да глаза видны.
Глядит он недоуменно,
Он спрашивает без слов:
Откуда взялась сосулька
На маятнике часов?

В погах его только Ольга —
Сестра милосердия, дочь,
Одна она в целом доме,
И чем она может помочь?
Где Клара, где Гриша, где Аня?
Война разнесла семью —
Мое неокрепшее счастье,
Быть может, судьбу мою.

Стою у отцовской кровати.
А что я сделать могу?
Сказать ли ему, что город
Мы не сдадим врагу?
Он сам это знает не хуже,
Он сам из последних сил
Все делал, что было нужно,
Покуда ходил и жил.
Сказать — чтобы он мужался,
Что близок победы час,
Что мы его не оставим?
Он сам не оставил нас.

Или пожелать здоровья?
Как можно о том сказать?
Мои запоздалые слезы
Не смогут отца поднять...

Стою у холодной кровати.
Такая вокруг тишина,
Что даже разрывов не слышно...
Не кончилась ли война?

**ПОЭТЫ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

ЛАЦО НОВОМЕСКИЙ

* * *

Когда людей признаешь в людях,
стих будет на устах у всех,
и снова смост половодье
весенний лед, осенний снег.

О, как убог — себе мы скажем —
был век войны, заклятый век:
когда поэт не нужен людям,
чужд человеку человек.

СТАНИСЛАВ КОСТКА НЕЙМАН

НЕ ИЗМЕНИ

Лишь о тебе, народ, все помыслы мои,
лишь о тебе, народ,
не измени!
На край паш тьма ползет,
изменишь ли своей отчизне,
спянию правды, детям, жизни?
Не измени!

Мрак — лишь игрушка времени, пойми,
мрак — только эпизод,
не измени!
Ведь существует солнечный восход,
пробьются всходы, будет урожай,
сердца миллионов встретят май,
не измени!

Цветы увяли, свет померк в тени,
как призрачные сны,
не измени!
Не заглянул ты в закрома весны,
но ты как дерево. Когда зима пройдет,
зазеленеешь снова, мой народ.
Надейся, верь, не измени!

Осень 1938 г.

ФРАНЕ КРАЛЬ

ПАМЯТНАЯ ОСЕНЬ (1938)

Я бы хотел назвать
все краски,
из которых сад свыл в горах
траурный венок.

Дерево как горсть спелых ягод.
Дерево как стайка гусят.
Дерево как кучка золотых монет.
Дерево как лужа человеческой крови.

Сколько наших сердец
кровоточит при виде траурных венков,
что увиди
наш дом.

Сколько наших сердец
кровоточит вместе с дубравами,
что украшают
нашу родину.

Я бы хотел назвать
все краски,
которые моему сердцу
милы.

Дерево как клочок вырванных листков
из пожелтевшего дневника
с воспоминаниями
о лучших временах.

Дерево как факел на марше
под хмурым небом,
гонимый
резким ветром.

Но куда же идет народ,
который предали,
куда он идет с болью в душе
и с горем?

Куда же направился
разгневанный народ
с осенней песней умирания
на устах?

Я бы хотел назвать
все краски красоты,
но все они выражаются
одним словом — боль.

ЯН ПИЛАРЖ

17 НОЯБРЯ 1939 ГОДА

Столько у меня воспоминаний,
столько спов — плодов на ветках сада.
Трудно дозревать им в десть морозный,
среди нещадной стужи.

Ночь срывает роскошь звездной ткапи.
Грудь ее открыта жадным взорам.
Каплет кровь — и темный, первородный
грех в сознание кружит.

Ночью слышу вопль — уходит скрипка.
Голосок был жалостным и резким.
Четки дней — мой груз проклятый, грозный.
Нежат глаз далекие предметы.

Решетом просеял слишком редким
будущие дни. Сажал садовник
дружбу — а нашел одни обломки.
Как слепой, гляжу на ложь и склоки.

Кому награда — чистота, кому — парша и грязь.

Столько у меня воспоминаний!
Сны дозрели — срок прошел немалый.
Заиграл мне ветер на органе
свои хоралы.

ФРАНТИШЕК ГАЛАС

ПРАГЕ

Маловерные! Время безмерное
не испортит красу пражской земли
Стоны полей раздаются вдали
аккомпанируя строкам особняков
Так во веки веков
маловерные
так во веки веков

За просторами рек
загремели копыта
За просторами рек
копытами взрыты
тропы
Страшных призрачных всадников
слышеш топот

Легок венец из лавра
Павших тень тяжела
Я знаю Я знаю Я знаю
Только не страх Забудьте страх
Фуги такой не создавал сам Себастьян Бах
какую сыграем
когда наступит час когда наступит час

Сегодня бронзовый Вацлав
в полночь копьем потряс
и конь его на дыбы вставал
Слушайте хорал
маловерные
слушайте хорал!

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ

ПОСЛЕМЮНХЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти Ивана Секанины¹

Куранты мирозданья бить взялись —
гудит вся даль, гудит вся высь,
вал механической вселенской ппанофы
зубами крошечными шлягер свой веселый
рвет, словно мясо, и терзает слух,
и в распрях — звезды, рой свирепых мух,
и в распрях — что там «Илиада», — боги! —
как сфинкс, паш век стоит на их дороге.

На Староместской площади — кураптов скорбный бой,
а ветер бедствия, как сыч, все кружит над тобой,
знамена мочит дождь из слез, кругом — игра, азарт,
в руках у лордов стопки битых карт,
и машет топором судьба слепая,
твое отечество на части расчленяя.

Легко ль прочитывать позорнейшие главы?

Мчись, поезд, мимо станции Свитапы,

она теперь — Цвиттау!.. Пусть слеза

от этих зрелищ оградит глаза

хотя б тоской по женщине: пришлось ведь ей

смириться

с постылым тем замужеством. А ты? «Не плачь,

сестрица...»

¹ Иван Секанин (1900—1940) — адвокат-коммунист, погиб в фашистском концлагере.

И вот во тьме тоннелей плачешь сам.
Ах, как соскучилась земля по василькам!..

И весть опустится, как мгла, на города и веси,
тебя разбудит, бросит в дрожь — и сумраком завесит
тот час гнилой, тот слякотный рассвет,
и, плача, снимешь со стены ты Лепина портрет.
Идет паемников орда, и в дом стучится каждый,
и, запираясь, ключ в дверях ты поворачиваешь

дважды

но слышишь ли ты лязг? — есть тяжелей ключи:
есть камеры, есть пытки, палачи.

Твои шаги уж не тебе принадлежат;
Иван, ответь мне: в чем ты виноват?
Я знаю, было у тебя преступное желанье —
чтоб люди жили на земле без злобы, без страданья,
чтоб распадающийся мир стал братством прочно
спаян,
чтоб трудовой народ вовек был сам себе хозяин.

На улицах почных застыла тьма.
Безлюдно, будто в городе — чума.
Лишь патрулей шаги не тихнут, в темь вращая.
Ночь беспросветная, тоскливая, пустая...

Куранты мирозданья бить взялись —
заполпена вся даль, вся высь
их звоном богохульствующим. Проклят мертвый
город.

Ночь и чума. Рассвет еще не скоро.

* * *

Ты наточил кипжал и будь навеки проклят
Ты распалил огонь и волны разъярил
Исхлестан злобой май и слышен клекот клекот
Сражен бессильем лист с небес к земле поплыл

Пылая черный лавр возлюбленных венчает
Кружатся и горят чадя лучины звезд
Любовь любовь мертва она листву роняет
И тяжелей беды обломки пестрых гнезд

Повозки по земле оковапные кружат
Потеряп сам в себе стоит над миром ужас
Как в горле сгусток слов

Что ищите глаза в цветах пропахших мўкой
Меч вычертил узор на бересте упругой
И простушила кровь

ФРАНТИШЕК ГРУБИН

КОЛОКОЛА

Когда ночная боль услышит
те имена — Волга, Дон,

как будто глубь земли колышет
набатный звон.

Волга, Дон,
Волга, Дон,
Волга, Дон...

Еврейских женщин доля жалкая
и лидицких тяжелый крест,
и ржавчина, сплошная ржавчина,
всю эту зиму душу ест.

Волга, Дон,
Волга, Дон,
Волга, Дон...

Скрипя зубами, отворачиваемся
мы по ночам от жен своих,
стыдясь, что нынче околачиваемся
и завтра будем возле них.

Волга, Дон,

Волга, Дон,
Волга, Дон...

Обыденней рубахи будничной
страх не идет из головы,
а вы — замерзшие, обугленные,
мертвее мертвого мертвы.

Волга, Дон,
Волга, Дон,
Волга, Дон...

Идет бедняк, шаги я слышу,
вставайте, это он —
педаром глубь земли колышет
набатный звон.

Волга, Дон,
Волга, Дон,
Волга, Дон...

ЯНКО ЕСЕНСКИЙ

КОНЦЛАГЕРЬ

Смеясь, взглянул я на гардистский знак¹.
«Тебе смешно?! В концлагерь марш! Вот так!»

Я посерьезнел. Прочь направил шаг.
«Ты с нами врозь?! В концлагерь марш! Вот так!»

От гнева покраснев, я сжал кулак.
«Что?! Угрожать?! В концлагерь марш! Вот так!»

Заплакал я. В душе — тоска и мрак.
«Жаль прошлого?! В концлагерь марш! Вот так!»

Мне стало все равно. Я спик, обмяк.
«Ах, ты не рад?! В концлагерь марш! Вот так!»

— На страж!² — ору средь бешепых собак.
«Ах, лицемер!.. В концлагерь марш! Вот так!»

Мне б умереть... Смирился я, иссяк...
«Спасенья ждешь?! В концлагерь! Только так!»

В Братиславе, 13 декабря 1938 г.

¹ Гардисты — словацкие фашисты.

² «На страж!» — гардистское приветствие.

* * *

[illegible]

**Заморённые страдальцы. Всем чужие, восковые.
Кости, стянутые кожей. Уж не люди и не вещи.
Что же, что же в них такое? Что застыли мы, живые?
Что так страшно их меняет? Отчего оскал зловещий?
Безмолвна смерть, блестит оскал, застыл нагой
кошмар.**

В этих трупах затверделых тоже страсти бушевали, в этих членах онемелых пела кровь, любовь горела. Знали сладость нашей жизни, и заботы, и печали. Отворачивались в страхе от провала без предела, где лик Пустоты — беда из бед — и ледяной кошмар.

Все они любили что-то. Свой удел, свою работу, жен, детей, уют домашнего, пегу сна и зелень сада, слово доброе, улыбку, мир, блаженную свободу... Только где все это в мертвых? Все исчезло без возврата. Лишь тяжесть грозная. Ничто, немая смерть, кошмар.

ПЕТЕР ИЛЕМНИЦКИЙ

ГНЕЙС ГРАНИТ СЛЮДА

Чем пахнет ветер на восходе солнца
что это — порошок рута или мята?
И только пыль клубится и песется
по всей дороге каменной когда-то

А клали камни прочные
когда — подумать сладко! —
младенцы непорочные
лежали мы в кроватках

Ужасны горы без лесов — не скрою
а наши горы все в ультрамарины
как в сказках Блапицкие спят герои¹
в хрустальных глыбах в горной сердцевины

Дробя гранит вели дорогу спору
Сражаясь с поршнем пар взлетал со свистом
Ах горы мои Орлицкие горы
что с вами что с лиловым аметистом

Один Христос наверное
запомнил наши раны
кристаллики заветные
дырявые карманы

¹ Блапицкие герои. — Блапик — гора в Чехии, в глубине которой, по преданию, дремлют рыцари, готовые встать на защиту родины.

У сланца слюдяного — жребий тяжкий
Мы древнюю породу не забыли
Бегут волю — господские упряжки —
и слапец за год стапет слоем пыли

А твердый гнейс — дорогам королевским
сюда песчаник класть себе дорожке
Печальный панцирь под папором резким
всех рыцарей достойнее и тверже

Но рейтары но конницы копыта
дробят гранит и это всем известно
Нет Лягидских холмов они изрыты
Неправда брат Их помнят повсеместно

Кремень слюду и шпат
в одно связал гранит
Когда вас заточат
вас кто-то сторожит
он страшно одинок

ЭМИЛЬ БОЛЕСЛАВ ЛУКАЧ

ARS POETICA¹

Слов расфуфыренных, надушенных,
аристократически худосочных и анемичных
требует от нас группка ханжей.

О, кипенье самой жизни, пульсирующее дарованье,
брызжащее всеми соками во всей протоплазме,
во всей необъятности космоса,
ответь им!

Лгут перевернутые цитаты из великих,
смехотворца и беспомощна болтовня ваша!
Карлик захотел заимствовать дантовскую любовь!
Страсть Данте вынесла ад!
Гете — этот титан — дорого заплатил
за свое равновесие между скал!
И Гвездослав² не кроткий агнец,
а пророк, громящий несправедливость!

Поэт, который достоин своего звания,
никогда не будет лизать вам пятки.
От него не дожидетесь ни лести,
ни лживой ласки.

¹ Поэтическое искусство (лат.).

² Гвездослав Павел Осаг (1849—1921) — крупнейший словацкий поэт, автор страстных патристических и гражданских стихов.

Он говорит, как бог велит его душе,
он кажет и водовороты и бездны.
Раны он залечит целительным бальзамом слов,
злобу выжжет калепым железом,
а насмешкой — лживость.

ЯН СМРЕК

ПРАГА, 1942

*Написано во время слушания музыки
(Отрывки)*

Та музыка, что всюду нам слышна,
порождена тобою, Прага.
А в этот час,
оглушена громами,
исхлестанная молниями, ты —
одна среди огня и праха.

И музыка твоя
нам говорит на древнем языке,
почти забытом среди наречий новых.
А ты могла бы говорить для всех,
но зарешечены твои уста
и все мелодии — в оковах.

Где Сметапа, волшебник незабвенный,
всесильные напевы, где они?
Живи он в наши дни,
из мрака он бы не извлек ни звука,
из Влтавы¹ сил не смог бы почерпнуть —
о боль ее скорей рассек бы грудь.

История ступает тяжело.
И людям некогда во время бедствий

¹ У Б. Сметапы есть известная симфоническая поэма «Влтава».

и говорить и слушать о страданье.
Почти не слышен в налетевшем урагане
неповторимый голос твой,
и проклинаящий и непокорный —
среди неумолимой бури черной.

Ты, Прага, подаянья не попросишь,
великомученица, ты претерпишь все,
за всех расплатишься, умолкнувших в испуге,
все на себя возьмешь — и тем избавишь мир
от крестной муки¹.

* * *

Ты, ныне залитая кровью²,
мужайся: схлынут горести твои,
обезобразившие ясное чело,
и станут гимном боли и любви, —
ты запоешь, и Стромовка³ услышит,
и в сумерках забьются соловьи,
все будет цвести, как и всегда цвело.

И юный день взойдет из-за Градчан⁴,
ты выступишь и возродишься, Прага, —
лишь только не поддайся палачам,
тем, по которым плачет плаха.

Твои проспекты — Пршхопы, Коронный —
услышат смех, увидят радость толп,
и зацветут, и забурлят весельем,
едва кровавый кончится потоп.

Уже мы видим, как усталый Ной
прекрасных голубей напутствует; и скоро
все строки обновятся до одной,

¹ Имеются в виду события 1938 г., когда Англия и Франция, якобы во избежание мирового конфликта, принудили Чехословакию отдать гитлеровской Германии Судетскую область.

² Террор фашистских оккупантов в Праге стал особенно жестоким после убийства чешскими патриотами фашистского наместника в Праге Гейдриха в мае 1942 г.

³ Стромовка — самый большой парк в Праге.

⁴ Градчань — квартал, где находится пражский кремль — Град.

напишет Незвал те стихи, которым
по красоте и силе равных нет,
в них дух, и бог, и светоизлиянье...

Не бойся, Прага, близится рассвет,—
о, ты увидишь на небе сиянье.

Сиянье это воскресить способен
всех гениев из давешних времен,—
и снова среди нас ходил бы Шальда¹,
поэзией крепчайшей опьянен,—

как малое дитя, Христос в двенадцать лет,
раскрыл бы людям не один секрет
и рассказал бы то, о чем беспечно
уже давным-давно не помнит свет.

Разрушены войною сотни башен,
но Прагу провидение хранит,
и пражским башням артомет не страшен,—
их божий дождь по-прежнему кропит.

Никто твою не преуменьшит славу,
ты новую, великую напишешь,
прекраснейшую из прекрасных саг
и снова будешь Прага, а не «Праг»,—
там, где ты есть и где была по праву.

¹ Шальда Ф.-Кс. (1867—1937) — известный чешский прогрессивный критик и литературовед.

ИОЗЕФ КАЙНАР

ПОЕЗД С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Оп там оп там бегите взглянуть
За пакгаузом сразу третий путь
А с меня хватит Прочь оттуда
Куда-нибудь Безразлично

Некоторых говорят узнали
Попробуйте тоже чем черт не шутит
Пятнадцать градусов сударь Морозпо
Попытайтесь пока еще можно узнать
А то будет поздно

На открытых платформах в сплошном железе
Пятнадцать градусов сударь не шутка
А они про воду кричат просят пить
Вот что жутко

Тянут головы из угольных ящичков
Лбы да глаза А глаза только смотрят
В глазах ничего кроме смерти
Кто ниже ростом становится на что-то
Известно на что
У них ведь есть и замерзшие

Эй а мы втера слушали
Не то что вы тут
Как русские пушки
Бьют бьют

С караульным сударь в хвосте состава
Можете поговорить открою секрет
Вам такая жеппина развеселая
Устроит это за пару сигарет
Оп-то как раз п убил прикладом
Одного который кричал и пел

Пел что он из Острaвы да-да из Острaвы
Что домой спешит
Что решил вот дома остаться
Что привет посылает родителям
Улица Рожак дом двадцать

Что оп вчера слушал
Не то что мы тут
Как русские пушки
Бьют бьют

Он в здоровом был уме Один из всех

А как его костерили ах
На четырех языках
Это смахивало на зимнее карканье
Ведь птицам сверху так много видно
Что каркать по-человечески
Им не стыдно

Он в здоровом был уме Из всех один

И вот лежит оп обнаженный
В конце перрона
Рельсы с двух сторон
Все время одипаковый
Но чуткий напряженный
И даже веки подпаял он

Вагоны двипулись
Пахнуло дымом паром
И пристальный он обращает взор
К тем старцам молодым
К тем детям старым
Как будто их не видел до сих пор

Хватая воздух машут руки
Еще живых
Чей пульс горяч
Смерть пробудилась в лязге в стуке
Мороз на рельсах
Как палач

Эй мы вчера слушали
Не то что вы тут
Как русские пушки
Бьют бьют

КОНСТАНТИН БИБЛ

ЮЛИУС ФУЧИК В ТЮРЬМЕ

I

Заключенный оглядел тюрьму
и не понял —
станет чем и как она ему.

Карцерные ночи — без конца,
и не видно
в них ни хлеба, ни лица.

II

Мучеником стал
человеком бывший.
Час придет — и мы к нему придем,
головы склонивши.

Зубы крепко
сжаты до конца.
А допрос окончится —
кровь сотрут с лица

Юлиуса Фучика,
гордого героя,
на тюремном полотенце
оттиснутого кровью.

III

Выдержи еще немного.
Ты привыкла к молниям, как тополь,
ты, душа, как тополь, прямая,
вспомни Севастополь.

Напролет всю ночь
флаг над мачтой вьется,
топущий корабль
все же не сдастся.

Чистая душа —
без примеси страха.
Даже если окружен,
если рядом — плаха.

Вот он, окровавленный
образ века:
прекрасное лицо
коммуниста, человека.

ЛАЦО НОВОМЕСКИЙ

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Танцовщицы взрывов на сцене драчливого мира
отплясывают
вверх тормашками,
и рушатся юбки кошмарным обвалом...

Багровые розы на чахлой груди
старухи Европы!
Фонтаны, которые
огонь породил и мороз остудил
в могилах, где «братья» не имут позора...

Безумная пляска зачахшей Европы!
Вся — кожа да кости! И все — вверх тормашкам!
Мечты — паизнапку, и мысли — навыворот,
и слово, и музыка — выверты вымарок...
И только — гримасы, и только — замашки...
И этот чудовищный пляс вверх тормашками!..

ЯН КОСТРА

* * *

Стоим одни на лютном холоду
С улыбкой что витает над цветами
Но нет цветов Мы стынем на посту
Погибнем мы — любовь погибнет с нами

И сердцем ощущаем мерзлоту
Под маской из морщин суровых самп
Улыбку прячем тишь и красоту
Погибнем мы — любовь погибнет с нами

ФРАНЯ ШРАМЕК

ЛИДИЦЕ

И в Лидице, поверь, мой друг,
Вернется смех и песни звук,
Опять сердца расшевели.
Могилы эти не забыть
И мертвецов не воскресить,
Но будь им легкой, словно пух,
Ты, чешская земля!

Мужчины шли по десять в ряд,
Не отводя от ружей взгляд,
И ружья грянули вдали.
И вот лежат не шевелясь,
Их кровь, что выпила земля,
Да, самой лучшею была,—
Она есть соль земли.

Убийца, плохо ты стрелял!
Не вырвал жалобы твой залп
Из плотно сжатых уст.
Чей рот при жизни был закрыт,
Тот после смерти говорит,
И голос огненный растет
Из гроба, словно куст.

И если к нам придет хоть раз
Украдкой кинуть взгляд на нас
Внук палачей, земли врагов,
Его нетрудно будет мне
Узнать по согнутой спине

И по тому, что он бежит,
Как тень, среди лугов.

Наступит летний день опять,
Венчаемый словом «благодать».
В домах, как в ульях, шумно вновь.
Да ведь сегодня и не грех,
Что розы на руках у всех,
Что с розами идем гулять,
Встречать свою любовь.

А луч по яблоне скользит...
Мужчина долго вдаль глядит,
Опершись о плетень.
Он вспомнил ряд лесных могил,
Где он друзей похоронил,
Встревожен он и омрачен —
Он видит в поле тень!

ИРЖИ ТАУФЕР

ЗАТМЕНИЕ

Так мне хочется жить!
Сжал руками виски И чему бы
этот бред или сон
Не успев насытиться новью
мир глотку полощет
словно бы марганцовкой саднящей губы
своей собственной кровью

И слова отечество честь
слова сыплют в кульки газет
О войне все время гремят площадным раскатом
и бессмертие заживо
воздвигает пресса опять
неизвестным солдатам

Пусть младенцы молчат
им рождаться пока еще рано
распороть животы матерей
снова ввергнуть детей во тьму
Вместо речи слышат они
как неустанно
рушатся бомбы укрепив небосвод

Словно не для могилы
для любви поспешили раздеть
эту женщину полную неги
и глядит глазами воронок
сладоострастно скалится смерть
осужденная нами навеки

Мне теперь моя память
угрюмой тюрьмой предстает
застилают во сне перелетные птицы белые
барельефы погибших
впечатанные в небосвод
на который с младенчества замирая глядел я

ВЛАДИМИР РАЙЗЕЛ

ОГОНЬ

Солнце всходит и заходит
А мертвецы не выражают недовольства

Падают страшные неопасные кометы
Они больше не восстанут
Чтоб проклинать день и ночь
Уже не возвратятся они
В теплые дома озаренные ужасом
Сейчас здесь идет дождь
Небольшие капли страданья
Сквозь крошечную тьму мерцает свет ненависти

Ты хотел бы услышать голос человека
А откликается смерть

Смерть в лепиле закона
Лицо уродца морда быка
Ты не выповел
Вместе со своей звездной впиткой
Загнанный в трапезу ты думаешь
Думаешь о тех что далеко
Сейчас они рыдают
Спускаются сумерки
Сумерки чудовищного будущего

Это судьба?
Счастье?
В отчаянной сломленной злобе
В пытке невидимых пуль

Кто еще в силах говорить о чести
Тут в трясине жизненных трагедий
Тут на поле людских очей
Заключенных в самих себя
И ожидающих искупленья
Кто встанет лицом к лицу против грозы
Видя плачущих детей

Они мечутся
Взывают
Погибают
На устах замирает напрасная мольба

Вы те что останетесь
Скажите там дома
Что ничто это начало и копец всего
Что нет места красоте в этом неостановимом
состязании в убийство

Что слеза
Ничего
Не произведет на свет
Только новую войну

Что надо возвещать
Голосом
Еще более определенным
Чем гонг
Сказать истину чистую как родник
Как утро в мирную эпоху

Скажите ее за нас
Скажите небесам землям и водам
О несправедливости и измехах
Об утерянном и так и не найденном счастье
Обо всем что трепещет

Солнце всходит и заходит
А мертвецы не выражают недовольства

Они спокойно лежат
Смотря в небеса
И пережевывают
Мир невидимый

ВИЛЕМ ЗАВАДА

ЧЕШСКАЯ ВЕСНА

На горизонте обезглавленные горы...

В лесу не ветви — голые обрубки,
там до локтей обломленные руки,
обломленные ноги до колен,
там бурый вереск, дым, и кровь, и тлен.

Восточный ветер облетел поля...
А тучи — как гонимые в неволю...
Могилами изъязвлена земля,
и тьма полна зловония и боли.

Здесь все заражено крошечной тьмой —
коричневой и черною чумой,
и тления не остановит холод:
нас истребят зараза, яд и голод.

И все-таки весна уже в пути.
И скоро станут снежные курганы,
и зарыдают над землей дожди.
И солнце бросится к земле стремглав —
потянет, обессиленную, к свету,
как тощую — за волосы трав.

Пришла весна — и вот
отточенными стрелами стеблей,
и залпами раскрывшихся тюльпанов,
и палицами молодых каштанов,
и прутьями березы —
бьет и бьет.

В аллеях дерева
во всеоружье напуганных бутонов
стреляют из всех своих стволов
по смерти, затаившейся до срока;
и в поле — наступление клеверов...

А в осажденной Праге, в смертной мгле,
деревья соки отдают земле.

Но ветер, взбудораживший моря,
сметает и крошит концлагеря,
выносит мертвых из рвов во степи,
с бессильных смертников срывает цепи,
волнуется и бьет в колокола,
вдыхает души в мертвые тела,
сердца сжигает яростью дотла...

В атаку перейдут потоки вод,
и горы, где леса и партизаны,
отправятся в поход.

А Прага на ветру стоит пагая,
от холода и зла изнемогая.
Но соки теплые уже пошли
в бескровный город из живой земли,
в колючие стволы гигантских башен.
На Летной и на Пётршике сады
весной полны сирени и прохлады,
но в ту весну, прекрасней, чем цветы,
повсюду распустились баррикады.

К ним страшен путь — и нет страшнее мест...
Мужчины вышли из щелей, убежищ
и, под обстрелом выбежав на берег,
из смертных вод приняли жизни крест.

И труден путь, и мрак непробиваем,
по неуклонно — от куста к кусту
и от моста к мосту —
весна стремится к центру от окраин.

Тут солнце разбомбило землю днем,
и все в округе поросло огнем,

и мы проходим, раздвигая пламя.
Земля гудит, и над землею звон
и радость, величая, как Дон,
вливается и наполняет сердце.

Отброшен и забыт кромешный страх —
на набережных и на площадях
цветут восторженные толпы.

Вон там — щебечут женщины и дети,
а там — влюбленные, одни на свете,
им не нужны слова: нужны цветы...
И ало-золотое
нисходит с неба
солнце молодое.

Ликует победительная сила,
и радостью напоены глаза:
весна завоевала небеса
и землю положила.

Я Н РАК

САД И ЛЛЮЗНИСТА

Вы хотите встать на защиту
Этого мира
Пораженного чумой?

Сами сорвите запавес черпых дней
 Сразу много новых солнц
 Разбегутся по всему небу
 Сразу прилетит весна в радужной расцветке
 То что нас гнетет это лишь мрачное настоящее
 И в одну прекрасную ночь это может вдруг
 рассеяться
 Потому что уже поднимется рассвет над островами
 на коралла
 Это утро абсолютной свободы
 Стрелка времени встанет в минуту последнего
 в мире убийства
 И не станет больше ни каннибалов ни подавителей
 свободы духа
 И тогда вмиг
 У всех людей в глазах все прояснится
 На улицах взорвутся гейзеры радости
 А с ними мощная песня как земля
 Это будет сигнал
 О том что навсегда
 Умерла война
 И ненависть
 Людей друг к другу

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА

I

Бомбовозы пещерили хмурый небосклон.
Ты пока что горд, германец, кривдой ослеплен,—
спесь твоя растает вскоре, как кошмарный сон.

Замолчат твои фапфары, сколь они пи громки,
города твои погибнут, превратясь в обломки.
Проклянут тебя живые. Проклянут потомки.

Ты посеял столько горя, что, взглянув вокруг,
на прицел возьмет тебя же твой вчерашний друг,
твою землю перепашет мщенья тяжкий плуг.

Не спасут тебя молитвы, как там ни коварствуй,
не поможет тебе лозунг «разделяй и властвуй»,
сгниешь, настырь крестоносный, сгниешь вместе
с паствой.

Есть кому с тобой сразиться, взяв хоругвь и меч,
есть кому поход возглавить, это зло пресечь,—
время в пропасть тебя сбросит, словно камень с плеч.

Да придет к нам рать с востока, да придут к нам
братья,
на земле своей мы рады им раскрыть объятья!
Ты же сам себе, побитый, будешь слать проклятья.

Серп и молот — вот оружие, всех крестов спльней.
Васильки на нашем поле впредь топтать не смей,
бог твой — смерть, так обнимайся с ней, с ней, с ней!

II

Бьются насмерть братья с юга. Подвиг их воспет.
Крылья кондоров над ними заслоняют свет,
волки воют, но в ответ им — нет, нет, нет!

Истекают братья кровью — их в горах так мало,
что сложить оружие время вроде бы настало...
Но — стоят! И враг страшится горного обвала.

А с востока двинул Маршал миллионный строй,
в небеса стальные осы мчат, за роем рой,
от равнин широких веет вешнею зарей.

Там броня броню сломила, отшвырнув оковы,
папести удар победный войны готовы,
и стервятники от солнца прочь летят, как совы.

Заведя в трясины бедствий собственный народ,
кесарь бешеный, безликий должен пасть вот-вот —
может статься, этим летом, может, через год...

Ленинград, как ты, голодный, звал к священной
мести!

Как во тьме, Москва, мы ждали от тебя известий!
Как болели вашей болью, как мы с вами вместе

знали, верили, что рухнет гробовщик слепой,
что сумеет ваш Верховный дать ответный бой,
что вернет нас к свету, к жизни ваш народ-герой!

ПАВОЛ ГОРОВ

ЗВУКИ ГОРНОВ

(Отрывок)

По старому Марсову полю
опять гремят окованные железом повозки
Над грустным Марсовым полем
Мертвая голова этот знак СС как бабочка злоецо
кружит
Ночь гудит как августовская почь
детонацией звездного неба
Куда опустятся ослабевшие крылья птиц
крылья утомленные долгим путем
Старый птицелов расставил сети
Невидимые как смерть

Где сложишь голову
грустная агава

Ради синего пламени трепетных оленей
ради горячих ладоней родной земли
ради золотого перстня что поблескивает в тумане
ради сладких плодов в тихих садах
ради жемчужницы на дне моря
ради прекрасной завтрашней победы
лучшей чем наше детство прошедшее в тени штыков
в чаще хвойной проклятых лесов
мой поэт выйди из глубины пирамиды
и препояшь чресла свои мечом
Снова как в годы тех растений что едят насекомых

пусть разбудит лира Орффея
тех влюбленных что брошены были в мертвые
волны
в безветрие страсти

Звуки металлических горнов тревожно замолчат
Вставай пограничная стража

МИЛОШ КРНО

КАВКАЗ

На карте в дыме сигарет Кавказ
лежит на том же уровне что степь
хотя окрашен темными тонами
На карте в дыме сигарет Кавказ
Капкан для глаз
Яд для непрошенных гостей
на русской карте перед нами

В тебя вонзает красную стрелу
мундир зеленый
А ты вершины устремил во мглу
среди гроз и молний
Кавказ ты цитадель Ты молодец
Ты встретишь эхом каждый артилет
и лавой будешь извергать отвагу
Кавказ ты цитадель Ты молодец
Безумец здесь найдет конец
Огонь здесь встретит лед
Флагштоком красному ты станешь флагу

Краснеются в венец победном розы
Сова убийцам предвещает крах
Там где разбились Лермонтова грезы
сломает голову безумный враг

17.IX.1942

ЯН БРОЦКО

ХЛЕБ ПАРТИЗАНСКИЙ НАСУЩНЫЙ

Славлю тебя
хлеб партизанский пасущный
твердый как камень
черный как уголь
вкусный
в клочьях голода холода мученья
в трепете вдохновенья
потом кровавым посоленный
прошлого
пахнувший розоватостью завтрашней

Наших насыть партизан
там высоко в горах
в лисьих и волчьих норах
в долах глухих
и в ущельях
силу рукам победы жаждущим дай
рвать и ломать
оковы
братьев сковавшие
Славою будь благословен
славлюю нашей историей венчанной
вздохом облегченья потомков
будь благословен

Славлю тебя
хлеб партизанский пасущный
лучший плод сердца

признак смерти прогнавший
жизнь народу дающий
рассвет возвещающий
соком надежды поишь
радуешь наши уста
жаждущие свободы

1944

ФРАНТИШЕК ГАЛАС

БА Р Р И К А Д А

И было тихо
под загаженным крестом

Пронзали до костей
неслышные укусы злых времен

Наконец

Из немоты пришли взъяренные слова
и заметались угрожающе и злобно

И тут выросли
в магнитном поле ненависти
на почве орошенной кровью
партизанские ростки

Взросли
Предметы выкатывались с жаждой служенья
Ночь промышляла оружие
залежалое заржавелое
но просящееся
которому отказывали
и воевать заказывали

Лающие стволы
из тайников земли ударили

Ноздри пушек учуяли кровь
хари эсэс и гестапо
заблевали страхом

Мпожились ужасы
В стене амуров крике карпатид
пробитых пулеметами куется город

Затем

красноармеец там па рубеже
докладывает командирам:

Был зов о помощи

Мечь разродилась и воздвиглась
баррикада

Разбрызгалась по стенам кровь
в укрытиях ненависть со скрежетом
точила нож о битое стекло
и заглушала посвист пуль

И возрастали повсеместно
невидимо и неодолимо
баррикады теней
и тени замученных расстрелянных казненных
смывали усталость бойцов
в постаревшую почву
Смерть засучивши рукава
приветствовала партизанский город

Воины

здесь рифмоплетство ни к чему
искусство молкнет и спотыкается витийство

Небывалые
незабвенные
достойные зависти воины...

Уже издыхают убийцы
поднимают

окровавленные ручищи
зад поджали от страха...

Взрывы славы Взрывы славы

А потом

красноармеец где-то
докладывает командирам:

Был зов о помощи

Пот ужаса на партизанском городе

Взрывы славы Взрывы славы
В них замирает всхлип последних выстрелов

Пусты обоймы
Дождь льет и льет в ружейные стволы

Смерть-пемка пемка-смерть
Воздев глаза горé копадут огнем орудий

Морана¹ лапа Морана наша
повелевает держаться до последнего держаться
близка победа

И внезапно
они пришли Они пришли
крик из глоток и клятвы посланцев

Восход пятиконечных звезд
в безумии приветствий
О красавицы!

И мертвецы бегут отбросив тело
бок о бок с танками

Взрывы славы Взрывы славы
Смеется пулеметчик

¹ М о р а н а — богиня смерти у древних славян.

Груз сдерживаемых стогов
и затаенных слез высвобождается из женских уст

Разбирайте баррикады

Лишь первенец мая
Прага-баррикада
извечно будет возвышаться
а над ней — ее мертвые
из лагерей и тюрем
расставят караулы
чтоб охранять грядущее

О восход пятиконечных звезд

АНДРЕЙ ПЛАВКА

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ

В путь зовут леса и поле,
брат мой ждет в бою лихом,
все полны единой волей —
за свободу в бой идем!

У парней глаза сверкают,
жар исходит от земли;
день и ночь костры пылают
там, где педруги прошли.

Силы, пот и жизни сами —
отдадим борьбе святой.
За горами, за долами
ждет свобода нас с тобой!

Час возмездья будет страшен.
Пусть же враг бежит, скуля.
Никогда не станет наша
черным кладбищем земля.

Дьяволов в людском обличье
пусть постигнут сталь и кнут,
мы развеем их величье,
наши черви их сожрут.

Мир багровым светом залит,
гром скатился из-за скал;

в пашу землю смерть вопзает
тысячи различных жал.

Стопешь ты, земля родная,
сыновьям любовь и боль
даришь, не оскудевая...
Дуйте, ветры!
Братья, в бой!

МАТЬ ВЕЛИТ

Плюющийся кровавою мокротой,
долины наши рвет когтями зверь.
«А вдруг еще живым остался кто-то», —
хрипит он, жадно внюхиваясь в дверь.

Могилы и руины за сипною.
Его следы — пожарница и тлен.
Жестокый, алчный, брызжущий слюною,
он дотацился и до наших стен.

К порогам нашим подползает ныне.
На лбу зверином свастики печать.
И станут пашни выжженной пустыней,
если убийце шею не сломать.

Стальной кулак пусть будет сердцу верен.
Вставай и бей. Он должен быть убит.
Очаг и детство защити от зверя.
Таков твой долг. Так мать тебе велит!

Банска Быстрица, 13 сентября 1944 г.

КОНСТАНТИН БИБЛ

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Иль попусту тоскуем мы порой
По скакунам горячим поровистым
С рельс паровозы черный рой
Не сгонят свистом

Отбросить саранчу пора настала
Мы знали Гейдриха так что нам ад что страх
Взметнись поэзия светло и ало
Как знамя партизан в горах

И дух той армии чей главный маршал Сталин
Да будет в революционном шаге строк
А месяц встал из-за развалин
Задумчивый как Блок

Май 1945 г.

МАРИЯ ПУЙМАНОВА

ВОССТАНИЕ

Я, пораженная, на ангела смотрела:
вздыхал он бронированный кулак.
И херувимы пушку для обстрела
готовили, снеша. Да, было так!

Да, небожители под рев орудий
на рапы с треском рвали полотно!..
Неврачпные, совсем простые люди
вдруг возвеличплнсь, объединплсь в одно.

Предельно натянулись первы, жилы —
и рухнул идол, страж зловенцей тьмы.
И воропье растерянно кружплло
над опустевплм зданнем тюрьмы.

Те люди в монумент слпллись! Когда же
восстанье протрубплло им отбой, —
вернуплись в будничность. И не поверплшь даже,
что вот они, герои, пред тобой.

ИВАН ТЕРЕН

МОСКОВСКИЙ ОРКЕСТР

В это время тревожное прекрасней всего куранты
Мерный бой кремлевский с объявленным концерта
Трехсот двадцати четырех музыкантов московских
Ежедневно играющих несколько тактов
Каждый гвоздь врагу в крышку гроба

Трехсот двадцатью четырьмя музыкантами Москва
твоими

Ужасает оркестр победы и расплаты
День за днем раздается хорал могучий
С которым сникает во тьму проходимец
Когда-то хвалившийся славой
Сейчас уже безымянный

Триста двадцать четыре московских музыканта
Неспешно доигрывают великоленную симфонию
День за днем раздаются ее аккорды
Поют стаккато в городах и деревнях наших
И этот огонь разжигает костры новой жизни

Да будет прославлен тот час двенадцатый
и первый

Когда последним тактом грянет *пал Берлин*
Музыканты перестроятся и пачнут радостный марш
Марш справедливых знаменующий
Что во всем мире владычат равенство и братство

ИВАН СКАЛА

ДУКЛА

Остались только скалы, только лес,
которые хранят воспоминанья,
о них вспоминают сны небес,
родник и земляника на поляне,
здесь только лес, отсутствуют ворота,
в которые стучат, пугая глушь,
по ним лупили кулаки «катион»,
земля, подобьем взорванного дзота,
была обнажена до камня, до костей,
и кровь стократно пролита на ней,
и ты хранишь о том воспоминанье.

Здесь каждый камень — жертвенный
алтарь,
и здесь они платили жуткой данью,
чтоб, вспоминая этот гром и гарь,
в глаза детей глядеть без колебанья,
тут лес, через который человек
идет к себе, здесь просек, где навек
легли те парни, как под топорами
стволы деревьев, с горными ветрами
над ними память пролетает вдаль,
и ты хранишь о том воспоминанье.

Земля моя, плакаты облаков,
мобилизованные для атаки,—
доныне к нам взывают их ватаги
и звать нас будут через сто годов;

над кропами, где нынче свиснет птица,
тогда свистала сталь, и этот лес
под головы убитых подстелиться
не мог и стружкой, ибо их в обрез;
вас поднял гнев вооруженной дланью,
и ты о том хранишь воспоминанья.

Там впереди — рубежная черта,
и перейти лишь это расстояние —
там города, родимые места,
что ждут тебя и ждать не в состоянии,
там даль лежит в тумане, а за ней
еще леса, и горы, и овраги,
там родина, там зов столицы — Прага,
одни руины бы остались в ней,
от Градчан, от всего, что любованья
достойно, был бы только холм камней
и никакого для стога и рыданья.

Как в гардеробной оставляешь ты
при входе уличное одеянье,
так в Дукле оставляют состояние
позрелости или неполноты,
все лишнее, все детские личины, —
на этот перевал взойдут мужчины;
взметишься ты, как буря, — и секи,
и возмужай в бою, иди в штыки,
Россия за тобой, ее мечтанья —
и ты хранишь о том воспоминанье.

Убитые — для них возврата нет,
живые — их вернуть не заставишь,
их лица, как стаккато жутких клавиш,
октябрьский дождь сечет, их много лет
на родину вернутья вел обет,
и вот стоят у перевала пыле,
а рядом с ними пареньки с Волини,
оставившие мирные двory,
и те, шинели чьи до сей поры
храпят донские запахи полыни, —
они сюда пришли сквозь испытанья,
и ты хранишь о них воспоминанье.

Красноармейцев вспоминаешь ты,
их мужество, вошедшее в преданье,—
веселых, разнолицых, как цветы
на тюбетейках, речи их звучанье,
вы навсегда запомните братанье
в бою, чтоб никогда нам не брести
в хвосте истории за колымагой,
чтобы делиться хлебом и отвагой,
чтобы навеки дружбу обрести;
вы партии одной, в одном вы стане,
вас закалили те же испытанья,
ты с благодарностью о том хранишь свои
вспоминанья.

МИЛАН КРАУС

СТИХИ МЕРТВЫМ ГЕРОЯМ

Уж так случается,
что свобода идет
по ковру, сотканному
из юных человеческих тел.

Как шахматист снимает фигуры
уверенной рукой,
так ряды живых
редеют от ударов кулака.

И вы легли,
тихо, торжественно
в широком поле
вы испустили дух.

О птицы света,
придержите крылья!
Грозен ястреб
по имени смерть!

И мы стоим
над вашими могилами,
в которых покоятся
тела юных, что были полны мечтой.

И ваши руки
мы пожимаем
со слезами
благодарности.

Да, да, тогда,
когда вас покрыл мрак смерти,
в наших долинах
забрезжил рассвет.

ВЛАДИМИР ГОЛАН

ТЕБЕ, КРАСНАЯ АРМИЯ!

Нет, не только за май сорок пятого года —
я за все Тебе благодарен, всегда восхищаюсь Тобою.
Душу Твою тем ясней постигаю,
чем глубже забвенье Твое о своих героических

жертвах.

Ты в страданиях не ахаеть, не взываешь к господу
богу.

Ты порою терпением своим истязал себя.
Ты трагический ход судьбы ощущаешь,
но Ты — былина, где побеждает смекалка.
Так просто величие Твое, что скажу Тебе просто:
«Я Тебя люблю!..» Пускай же стократно
славят Тебя и приветствуют. Ты отстраняешь
всепожирающий мрак, который долго постился,
сгущается вновь и на громадных пространствах
готов поглотить народы. Готов учтиво
открыть ворота пустому черному ветру,
чтоб этот ветер гулял по безлюдному миру.
Так пусть Тебя без конца величают и славят!
Для хитрецов Ты темна. Тьмою вопросов
они заслонились от света Твоих ответов.
Пускай без конца Тебя величают и славят.
Ты — огненный меч, охраняющий день грядущий,
защита жизни достойной и справедливой,
оплот грядущих самых дерзких походов
в страну чудес, где у сердца — право на жительство.
Ты на земле, с которой так страшно
Ты познакомилась. Жерла адских орудий

Ты завалила своими мертвыми. Ты на страже
стоишь, над Тобою в небе звездном
Твои хранители — летчики. Каждый с прекрасной
фамилией.
Каждый из них — *Облаков!*

ЯРМИЛА УРБАНКОВА

ПРАГЕ В МАЕ 1945

Красше никогда ты не была, —
пламя революции твои держали руки!
Полный материнского тепла,
голос твой, мне спившийся в разлуке,
встретил, обнял... Поезд был из Брно:
я стояла у вагонной двери,
широко раскрыв глаза — и все равно
им не веря.

Да, еще кровоточили раны всюду
и от пепелищ тянулся чад,
были свалены на перекрестке в груды
камни баррикад;
из волос бойцов еще не выветрился порох,
и не до конца покинул страх
женщин, у которых
лица были в радостных слезах;
с плит твоих дожди еще не смыли
след палаческий и пролитую кровь,
а уж ты, как сотни раз в былом, из черной пыли
поднималась вновь.

Но надеждою светилась вся
поторжествепней, чем на офортах старых и гравюрах,
будущему вешний свет неся
сквозь дрожанье сумерек нехмурых.
Еще танков гром последний в отдаленье
не отгрохотал,

а уже слилось гармоник пенье
в праздничный хорал,
для которого копила звуки
ты еще от Жижки ¹, с давних пор:
это власть Советы брали в руки,
миллионы голосов сведя в единый хор...

Не была ты, Прага, краше никогда —
пламя революции держала на ладони!
Вновь свободна. Дружбою горда.
В майском, из огня добытом, звоне.

¹ Ж и ж к а Я н (1360—1424) — выдающийся гуситский подководец.

ЯН КОСТРА

СТИХИ БЛАГОДАРНОСТИ

За радость, за свободу,
за вешние сады,
за канувшие в воды
разломанные льды,

за тех, что чтимы всеми,—
за ваших сыновей:
за дорогое семя
в родной земле моей,

за пламя из орудий,
за утро, за слова,
за то, что мир пребудет,
что родина жива,

за все составы с хлебом,
за торжество труда,
за жизнь под общим небом,
за братство навсегда,

за то, что с наковальни
слетели искры к нам,
что пламя созиданья
взметнулось к небесам,

за новизну, за дали
немеркнущих небес,
за то, что воссияли
земные звезды ГЭС

над реками (без жизни
они под вой грозы
текли по всей отчизне;
их русла — как рубцы)... —

благодаренье вам!

ЛАЦО НОВОМЕСКИЙ

АНАЛИЗ

Всего мы боялись.
Завыванья сирен, ночей затемненья,
того, что, может быть, мы исчезнем,
как город Дрезден, где столько непогребенных
в черных руинах и обгаренных,
всего мы боялись.

Того, что, может быть, нас не будет,
и того, что мы были.

«Доброго утра» (два пальца приложены к шляпе),
вскакивания на подножку трамвая,
дней рабочих и дней воскресных,
пайков («...о, господи, как разделить их
 между этими вечно голодными ртами...»),
из дому взятых пакетов с едою
 («...дома о нас заботятся тоже...»),
без них и господь сотворить не сумел бы
 сегодняшний ужин;

вечеров, наполненных лунным светом,
когда тень перекрещивается предметом,
наполняя комнату беспокойством,
спокойный вечер,
слушай:

«Говорит Лондон».

«Говорит Москва. Говорит Москва»,
об ужасном, о разном,

вслушивались напряженно,
слова не пропустить старались,
за нее боялись,
за себя в ней боялись,
за все боялись.
За все. И всего. Постоянно.
Звона оружия, сотрясавшего дали,
звона зловещего
(сталью по стали),
но также той тишины молчаливой,
вишней
(этой-то мы боялись еще поболее),
которая, говорят, является тем не менее
мудростью государственной наивысшей
 («...едва приложился к этой руке —
 имеешь все то, чего нет у других,
 и весел, и сыт, и нос в табаке...»),
мгновеньем доброй воли,
позволившей нам и поплакать вволю,
и кричать от боли;
радости ежедневной, что мы еще живы,
но и тех, умиривших в горестях ежедневных;
солнца, что видит нас
и видело муки Лидиц,
взывающих к совести мира
(я назвал бы их Видиц,
видящих Видиц,
в именительном — Видице);
воздушного воздуха, которым мы дышим,
и дыхания тех, кто пал бездыханным;

даже воды в нашем старом колодце,
с тайною мыслью,
чтобы не расплескалась,
здесь бы осталась,
другим не досталась;
и плача детского, детского плача,
того, последнего,
но и первого тоже.

И женщин усталых, не старых, но постаревших,
в этой усталости и прекрасных,
потому что были такие тоже,
а раньше только такие и были;

«... всё от войны этой мерзкой,
она нас увечит...»,
до седины морозит от омерзенья,
от страха, от страха из-за всего,
от страха за все,
хотя б за мужей наших бедных,
за всех наших бедных из всех наших Легот¹,
за нашего там, на Кавказе², — только бы его не
убили,

только бы не убили
или сам кого не убил бы,
«...господи, сохрани его душу,
грехом да не осквернится...»
И такое дыхание горячее
шло искать избавленья,
от грехов избавленья,
и такое дыхание горячее,
словно руки, сплетенные накрепко,
стало мыслью, нацеленной в главное,
стало сутью судьбы и пути,
стало помыслом,
замыслом,
смыслом.

Да, друзья, это так началось.

*Всего, говорю я вам,
за все мы тогда боялись,
а потому на бой,
на смертный, поднимались.*

¹ Легота — распространенное название деревень в Словакии.

² Во время второй мировой войны словацкие воинские части направлялись гитлеровским командованием на Восточный фронт, многие из них переходили на сторону Советской Армии.

СТАНИСЛАВ КОСТКА НЕЙМАН

* * *

И гордым будь:
ты все перенес,
не осквернила губы и грудь
постыдная ложь.
Таким всегда был народ
с молотом и косой,
он верил в солнца приход,
и верил, и ждал.

Свой урожай уберет он сам
семьей большой.
Прочь с пути его! Строит он храм
братства людей.

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

ПОЭТЫ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Крум Кюляков (1893—1955). — Окончил в Софии Школу живописи, изучал в Вене историю искусств. Участвовал в антифашистской борьбе, заведовал сектором нелегального ЦК БКП. Стихи и сатирическую прозу начал публиковать в 1915 г. в журнале «Смях». До конца жизни активно сотрудничал в переподписной печати. Автор нескольких комедий. Член БКП и Союза болгарских писателей. Заслуженный деятель культуры (1953 г.). Лауреат Димитровской премии (1950 г.).

Гео Милев (1895—1925). — Изучал западные литературы, философию и театральное искусство в Лейпциге и Лондоне. Во время первой мировой войны был тяжело ранен на фронте. Писать начал еще в школьные годы. Выступал с переводами русских (Блок, Маяковский) и западных поэтов, занимался теорией литературы и критики. Редактор журнала «Везни» (1919—1921 гг.) и революционного журнала «Пламык» (1924—1925 гг.). На основе фашистского Закона о защите государства приговаривался к тюремному заключению и штрафу. 15 мая 1925 г. был арестован за поэму «Сентябрь» и зверски убит фашистами. Поэма в монархофашистской Болгарии двадцать лет была под запретом.

Асен Разцветников (1897—1951). — Окончил гимназию в Велико Тырнове и юридический факультет в Софийском университете, продолжал свое образование в Вене и Германии. Еще в школьные годы печатал юмористические стихи в журнале «Болгарин». С 1920 по 1924 г. сотрудничал во многих прогрессивных изданиях. Сборник его стихов «Жертвенные костры» (1924) — одно из самых значительных отражений Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. в болгарской поэзии. Автор историче-

ской пьесы «Подвиг», многих стихотворений для детей и взрослых, выдающихся переводов и др.

Крум Пенев (р. 1901). — Окончил гимназию в Софии, изучал драматургию в Италии. Впервые опубликовал свои стихи в 1925 г. в газете «Ведрина». Наиболее плодотворными были для него 30-е годы, когда он вошел в ряды пролетарских писателей.

Никола Ланков (1902—1965). — Окончил гимназию в Пловдиве. Участвовал в Сентябрьском восстании 1923 г. в качестве командира боевого отряда. Окончил юридический факультет Софийского университета. С 1927 г. начал публиковать стихи в прогрессивной печати. Народный деятель культуры (1965 г.). Лауреат Димитровской премии (1951 г.).

Камен Зидаров (р. 1902). — Окончил гимназию в Велико Тырнове, учился на юридическом факультете Софийского университета. Впервые опубликовал свои стихи в 1918 г. в русенской газете «Изгрев». Сотрудничал в прогрессивных журналах и газетах «Нов път», «Бъдеште», «Ведрина» и др. Автор нескольких драм, принадлежащих к числу лучших в современной болгарской литературе. Герой Социалистического Труда (1974 г.). Народный деятель культуры (1970 г.). Лауреат Димитровской премии (1950 г.).

Никола Фурнаджиев (1903—1967). — Изучал медицину, окончил филологический факультет Софийского университета. Печатаť стихи начал еще школьником в журнале «Ученическа мисъл» в городе Русе (1919 г.). Сотрудничал в журналах «Нов път», «Златорог», «Изкуство и критика», «Българска мисъл» и др. Лауреат Димитровской премии (1951, 1959 гг.).

Христо Радевский (р. 1903). — Окончил гимназию в Ловече и отделение романской филологии в Софийском университете. Печатаťся начал в 1924 г. в юмористическом журнале «Звонар». В 30-е годы его страстные партийные стихи публиковались во всей прогрессивной печати. Народный деятель культуры, лауреат Димитровской премии (1950, 1951 гг.), Герой Социалистического Труда (1973 г.).

Тодор Харманджиев (р. 1905). — Окончил гимназию в городе Враца и отделение романской филологии в Софийском университете. Печатаťся с 1924 г., публиковал стихи и прозу на страницах прогрессивной печати.

Младен Исаев (р. 1907). — Окончил гимназию в Берковице. Участник Сентябрьского восстания 1923 г. Принимал участие в подпольной работе партии. Сотрудничал в революционной и прогрессивной печати. Участник Отечественной войны. Дважды Ге-

рой Социалистического Труда (1967, 1977 гг.). Народный деятель культуры (1970 г.). Лауреат Димитровской премии (1971 г.).

Никола Ванцаров (1909—1942). — Окончил гимназию в Разлоге. В Морском училище в Варне (1926—1932 гг.) приобщился к революционной борьбе. Работал механиком, чернорабочим, когечаром. За участие в кампании по сбору подписей под требованием о заключении пакта о дружбе и взаимной помощи между СССР и Болгарией был арестован и выслан под надзор полиции. С осени 1941 г. работал в составе Центральной военной комиссии ЦК Болгарской рабочей партии. 4.III.1942 г. был арестован и осужден вместе со своими товарищами по процессу ЦК БРП. Расстрелян на полигоне Школы офицеров запаса вместе с пятью товарищами-коммунистами 23.VII.1942 г. В 1940 г. вышел сборник его стихов «Песни мотора». Ванцаров — крупнейший болгарский поэт 30-х годов.

Атанас Смирнов (1909—1976). — Окончил педагогическое училище в Казанлыке. Участвовал в антифашистской борьбе. Его стихи публиковались в прогрессивной печати. После 9 сентября 1944 г. — общественный деятель и работник культуры в родном городе. Заслуженный деятель культуры.

Иван Пейчев (1916—1976). — Окончил гимназию в городе Шумер. Впервые напечатал свои стихи в 1942 г. в газете «Литературен глас». Сотрудничал в прогрессивной печати. После 9 сентября 1944 г. работал известное время на строительстве Димитровграда, выступал как поэт и драматург. Заслуженный деятель культуры, лауреат Димитровской премии.

Веселин Авдеев (р. 1918). — Окончил гимназию в Софии, учился на юридическом факультете Софийского университета. С 1935 г. по 1937 г. — секретарь нелегальной коммунистической организации в III мужской гимназии. Был членом Революционного союза молодежи, Болгарского объединенного народного студенческого союза, а с 1940 г. — член БКП. С сентября 1943 г. — партизан в отряде «Чавдар», с 1944 г. — комиссар бригады «Чавдар». В этот период создает свои «Партизанские песни», позже пишет прозаические и мемуарные произведения о подпольщиках и партизанах. Народный деятель культуры (1974 г.). Герой Социалистического Труда (1978 г.). Лауреат Димитровской премии (1950 г.).

Веселин Ханчев (1919—1966). — Гимназию окончил в Стара Загоре и юридический факультет — в Софийском университете. Начал печатать стихи еще в школьные годы, позднее сотрудничал в газете «Литературен глас». Участник Отечественной войны. После 9 сентября 1944 г. — видный общественный деятель

и деятель культуры. Лауреат Димитровской премии (1959, 1962 гг.).

Александр Геров (р. 1919). — Окончил гимназию в Софии и юридический факультет Софийского университета. Сотрудничал в прогрессивной печати. Мобилизованный в армию, был арестован за антифашистскую деятельность, освобожден из тюрьмы 9 сентября 1944 г. Заслуженный деятель культуры (1971 г.).

Цветан Спасов (1919—1944). — Окончил гимназию в городе Плевене, учился на юридическом факультете Софийского университета. Публиковал стихи в прогрессивной печати. В 1944 г. за антифашистскую деятельность был приговорен к смертной казни и перешел на нелегальное положение. Был комиссаром партизанского отряда в Плевенском округе. Погиб в сражении 14.II.1944 г. в Плевене. Его партизанские стихи были изданы посмертно.

Иван Нивянин (1919—1944). — Окончил гимназию в Бяла Слатина, учился в торговой академии в Варне и в Свободном университете в Софии. Публиковал стихи в революционной печати. С 1943 г. — помощник комиссара партизанского отряда им. Гаврипла Генова. 28.V.1944 г. был ранен в бою и на следующий день скончался в партизанской землянке. Его партизанские стихи были изданы посмертно.

Валерий Петров (р. 1920). — Среднее образование получил в итальянской школе в Софии, окончил медицинский факультет Софийского университета. Начал печататься в 1936 г. Сотрудничал в прогрессивной печати. Участник Отечественной войны. Имеет большие заслуги в развитии болгарской поэзии и искусства перевода. Народный деятель культуры. Лауреат Димитровской премии (1962 г.).

Добри Жотев (р. 1921). — В 1942 г. был арестован за активную антифашистскую деятельность и приговорен к пятнадцати годам тюрьмы. В 1944 г. бежал из тюрьмы и участвовал в партизанском движении в Югославии. Стихи и рассказы начал печатать с 1942 г. Заслуженный деятель культуры (1974 г.).

Атанас Манчев (1921—1944). — Окончил гимназию в Бургасе, учился на юридическом и филологическом факультетах Софийского университета. Начал печататься в 1936 г. В 1941 г. был секретарем окружного комитета Революционного союза молодежи в Бургасе, в 1944 г. стал комиссаром партизанского отряда им. Вассила Левского. 21.V.1944 г. в бою с полицией и жандармами в городе Айтосе покончил с собой. Его партизанские стихи опубликованы посмертно.

Давид Овадия (р. 1923). — Гимназию окончил в Пловдиве. Еще в гимназии вступил в Революционный союз молодежи.

С 1944 г. — партизан в Среднегорской бригаде им. Васи́ла Ле́вского. Заслуженный деятель культуры (1974 г.).

ПОЭТЫ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бела Балаж (1884—1949). — Окончил филологический факультет Будапештского университета. В 1906 г. был стипендиатом в Берлине и Париже. Стихи его приобрели известность после выхода антологии «Хольнан» (1908, 1909), благодаря чему он стал вскоре сотрудником журнала «Нюгат», объединившего вокруг себя прогрессивных литераторов. В период Венгерской Советской Республики 1919 г. стал членом писательской дирекции, а также занимался организацией театральной работы в комиссариате народного просвещения. После падения пролетарской диктатуры эмигрировал в Вену, а затем — в Советский Союз; работал в Московской киноакадемии. После Освобождения вернулся на родину и преподавал в Высшей школе театрального искусства. Труд его отмечен премией имени Кошута. В 1960 г. был опубликован сборник стихов Бела Балажа под названием «Мой путь».

Ласло Бенъямин (р. 1915). — До Освобождения был печатником, принимал активное участие в рабочем движении, в организации литературной и политической деятельности пролетарских писателей. После Освобождения работал журналистом, редактором. Ласло Бенъямин — крупнейший поэт социалистической Венгрии, дважды лауреат премии имени Кошута. В 1968 г. вышел сборник «Избранные стихи», где собраны его лучшие произведения.

Йозеф Берда (1902—1966). — В молодости испробовал множество профессий, был столяром, посыльным, агентом книготорговли. После выхода первого сборника стал сотрудником «Нюгата». Главная тема его поэтического творчества — простые человеческие радости. Как писал один из критиков, он — «гурман простых, доступных вещей». В эпоху контрреволюции и фашистской диктатуры в Венгрии это было формой протеста против лживых идей и идеалов.

Женн Варян (р. 1890). — В молодости включилась в рабочее движение, во время первой мировой войны писала антивоенные стихи. В период между двумя мировыми войнами печаталась в левых журналах. Во время второй мировой войны приняла участие в Сопротивлении. После Освобождения активно работала над реорганизацией литературной жизни Венгрии. Сборник ее стихов «Живые, будьте бдительны» вышел в 1962 г.

Иштван Ваш (р. 1910). — Окончил Веспский университет, где познакомился с марксизмом и социалистическими идеями. Как поэт начал свой творческий путь под знаком авангардизма, затем стал сотрудником журнала «Нюгат». После Освобождения работал редактором. Иштван Ваш — не только поэт, но и известный прозаик и переводчик художественной литературы. Лауреат премии Кошута. Трехтомное издание его стихов: «Кому неизвестны и прочее» (I), «Рапсодия о верности» (II), «Похититель огня» (III) вышло в 1971 г.

Андор Габор (1884—1953). — Поэт, новеллист, публицист, критик, переводчик. Начал свой творческий путь как популярный автор эстрадных миниатюр. Поворотным моментом в его литературной деятельности стала первая мировая война. Он активный участник антиимпериалистического движения. С энтузиазмом приветствует установление пролетарской диктатуры в Венгрии в 1919 г., после ее поражения вынужден эмигрировать в Вену. В 1925 г. под давлением правительства Хорти австрийские власти высылают его из страны. Андор Габор едет в Берлин и становится сотрудником «Роте фане», пресс-бюро Красного Креста. С 1929 г. он — член редколлегии журнала Союза немецких пролетарских писателей «Линкскурфе». После прихода к власти фашистов эмигрирует в СССР и продолжает свою деятельность в Москве в качестве постоянного сотрудника журнала «Уй хап». После Освобождения вернулся на родину, принял участие в организации демократической литературной жизни, был редактором сатирического журнала «Лудаш Мати». За несколько месяцев до смерти был удостоен премии имени Кошута. «Избранные стихи» Андора Габора вышли в 1954 г.

Ласло Геребьеш (1904—1968). — После окончания средней школы поступил служащим в один из будапештских банков. Еще в молодости включился в рабочее движение; в 1924 г. был принят в ряды нелегально действовавшей компартии. В левых журналах публиковались его стихи и социографические очерки. В 1932 г. политическая полиция потребовала освободить его от занимаемой должности. В 1938 г. уехал в Париж, где включился в работу коммунистической эмиграции. В начале войны поступил добровольцем во французскую армию, а затем активно участвовал во французском Сопротивлении. Во Франции редактировал нелегальный журнал Венгерского движения за независимость «Мадяр семле». После Освобождения вернулся на родину, редактировал иллюстрированный еженедельник, а после 1956 г. стал редактором журнала «Надьвилаг», публикующего произведения иностранных пи-

сателей. Последний его прижизненный сборник — «Было, есть, будет» — вышел в 1960 г.

Антал Гидаш (р. 1899). — В молодости был рабочим; принял участие в пролетарской революции 1919 г.; после падения Венгерской Советской Республики эмигрировал из страны. В начале 1920 г., находясь в Словакии, устанавливает связь с венгерскими коммунистами, тогда же начинает писать стихи. Его первый сборник — «На земле контрреволюции» — издает в 1925 г. компартия Венгрии. В том же году по указанию партии едет через Вену и Берлин в Советский Союз, чтобы принять участие в основании и редактировании журнала «Шарло ени калапач». Начиная с 1926 г. его стихи публикуются в русских переводах. В Венгрию возвращается в 1959 г. Играл значительную роль в популяризации венгерской литературы в СССР. Антал Гидаш — лауреат премии имени Кошута. В настоящее время вышло в свет шеститомное собрание сочинений писателя.

Золтан Зелк (р. 1906). — С юных лет участвовал в рабочем движении. В годы войны был на принудительных работах. После Освобождения — один из видных представителей новой социалистической поэзии. Работал журналистом, редактором. Лауреат премии Кошута. Полное собрание его стихов — «Чайка» — вышло в 1973 г.

Дюла Ийеш (р. 1902). — Родился в семье механика барской усадьбы; детские годы его прошли в бараках для батраков в крупных поместьях. Учился Ийеш в будапештской гимназии; в 1919 г. мальчишкой добровольно хотел вступить в венгерскую Красную Армию. Спасаясь от белого террора, эмигрировал. Учился в Сорбонне, там включился в революционное движение. Вернувшись на родину, стал сотрудничать с журналом «Нюгат» как представитель движения народных писателей, затем был редактором журнала «Мадяр чиллаг», продолжившего линию «Нюгата» в венгерской литературе. После Освобождения редактировал популярный журнал «Валас». Создал значительные произведения почти во всех литературных жанрах. Дюла Ийеш — лауреат премии имени Кошута. Сборники его избранных стихов — «Родина па высах», «Творить» — опубликованы в 1972 и 1973 гг.

Атила Йожеф (1905—1937). — Крупнейшая фигура в венгерской поэзии между двумя мировыми войнами. Родился в семье рабочего мыловарни и прачки; работать пошел еще в детстве, чтобы прокормиться. Закончив среднюю школу, поступает в университет, откуда его исключают за стихотворение «С чистым сердцем». Еще в ранней молодости устанавливает связь с рабочим движением, с нелегальной компартией. Всю жизнь Йожефа

преследует бедность и непонимание в литературных кругах. Целый ряд обстоятельств, отягощенных неизлечимой нервной болезнью, толкают его на самоубийство. Известный венгерский критик и писатель Ласло Бока писал о нем в 1946 г.: «В поэзии он вырвался вперед... — до самого горизонта человеческих представлений о мире и жизни... Поэтический мир его обернулся для нас новым видением мира реального». Последнее издание произведений Аттилы Йожефа вышло в 1978 году.

Лайош Кашшак (1887—1967). — Выдающийся представитель авангардистского искусства Венгрии. После окончания первого класса гимназии родители отдали его учеником в слесарную мастерскую. Слесарем он познакомился со всеми уровнями промышленного производства: от мелкой мастерской до крупного предприятия. В литературу начала века Кашшак принес политическое самосознание рабочего класса, а также новые, соответствовавшие революционной содержанию, формы выражения. В период Советской Республики играл видную роль в политической и литературной жизни; с наступлением белого террора вынужден был покинуть страну. Во время венгерской эмиграции бессменно редактировал и издавал журнал «Ма», один из ведущих органов венгерских авангардистов. В 1926 г. вернулся на родину; вплоть до Освобождения жил под папойливой полицейской опекой, подвергался арестам. Сборник избранных стихотворений Лайоша Кашшака вышел в 1977 г.

Геца Кепеш (р. 1909). — Родился в семье деревенского кузнеца, закончил среднюю школу, затем университет. До Освобождения работал учителем, во время войны принимал активное участие в Сопротивлении. После Освобождения был руководителем литературного отдела радиовещания, директором издательства, секретарем Союза писателей, занимался научными исследованиями, переводил художественную литературу. В 1970 г. вышел сборник его стихов под названием «Водяное зеркало».

Ференц Киш (1908—1964). — Родился в многодетной семье сельскохозяйственного рабочего, после долгих мытарств обучился печатному делу. За коммунистические убеждения был арестован, занесен в черный список, часто оказывался без работы. Во время войны был призван в хортистскую армию, отправлен на фронт, но вскоре перешел на сторону Красной Армии и воевал в партизанском отряде. После Освобождения был на партийной работе, активно занимался литературным трудом. В 1960 г. вышел сборник его стихов «То, что хранит нас».

Аладар Комьят (1891—1937). — В начале первой мировой войны включился в антивоенное движение, одним из первых всту-

нил в Коммунистическую партию Венгрии. В 1920 г. эмигрировал в Италию, затем переехал в Вену, а после в Берлин, где с 1925 по 1933 г. работал редактором международного органа Коммунистического Интернационала «Импирекорр». С приходом к власти фашизма уехал в Швейцарию, где работал в редакции «Рундшау», а затем вместе с редакцией переехал в Париж. С восторгом приветствовал борцов республиканской Испании. Последние месяцы своей жизни провел в подполье; прах его похоронен в безымянной могиле на кладбище Пер-Ланез. Полное собрание произведений Аладара Комьята вышло в Венгрии в 1957 г.

Янош Пилински (р. 1921). — В конце войны был призван в хортистскую армию и отправлен в Германию, где стал свидетелем кошмарных будней концентрационных лагерей; увиденное надолго определило темы его поэзии. После Освобождения работал редактором журнала «Уй холд», затем издательским редактором, в настоящее время — журналист. Последний сборник его стихов — «Кратер» (1976).

Миклош Радноти (1909—1944). — В детстве остался сиротой, воспитывался приемными родителями. Окончил филологический факультет Сегедского университета, но на преподавательскую работу его не взяли, жил частными уроками и временными литературными заработками. Во время войны Радноти был угнан на принудительные работы, попал в концентрационный лагерь вблизи югославского местечка Бор. В октябре 1944 г. больного, измученного поэта вместе с другими заключенными прогнали через всю страну. В начале ноября его, уже неспособного более передвигаться, пристрелила эсэсовская охрана. Крупным поэтом Миклош Радноти стал уже в начале войны. Чем бесчеловечнее становился фашизм, тем выше был гуманистический пафос поэзии Радноти. На пороге трагической смерти в стихах его страстно звучит любовь к жизни с ее простыми радостями. При экзегмации в кармане его пальто была найдена записная книжка, надпись на нескольких языках гласила: «Стихи Миклоша Радноти» — предсмертное послание поэта будущим поколениям. Очередное издание его стихотворений вышло в 1976 г.

Дёрдь Ронаи (1913—1978). — Окончил Будапештский университет; работал редактором в издательстве, а затем редактором журнала «Эзюштор». Значителен его вклад в практику художественного перевода, а также в теорию и историю литературы. В последнее время был редактором журнала «Вигилия». Избранные стихи Дёрдя Ронаи — «Весы» — опубликованы в 1974 г.

Йожеф Фодор (1898—1973). — После окончания гимназии, в 1916 г., был призван в армию и отправлен на фронт; в 1919 г. в ря-

дах венгерской Красной Армии защищал Советскую Республику. После падения пролетарской диктатуры жил временными заработками, а с 1923 г., когда появился первый его стихотворный сборник, стал работать журналистом. С 1937 г. до Освобождения был редактором. После Освобождения назначен редактором журнала «Уй идек». В 1957 г. Йожеф Фодор стал одним из организаторов литературной жизни Венгрии на новом ее этапе. В 1962 г. опубликованы его избранные стихи под названием «Неритуальный праздник». Йожеф Фодор — лауреат премии имени Кошута.

Янош Фельдеак (р. 1910). — До Освобождения работал переплетчиком. Первые произведения его публиковались в рабочих газетах и в антологиях произведений пролетарских писателей. Он один из организаторов группы пролетарских писателей. После Освобождения был профсоюзным активистом, директором предприятия, сотрудником Союза венгерских писателей, директором Литературного фонда. В 1961 г. опубликованы избранные стихи Я. Фельдеака под названием «Бумажные воды».

Анна Хайпал (1907—1977). — В молодости была сотрудницей журнала «Нюгат», затем основала независимый журнал «Аргонаутак», орган ее писательского поколения. Судьбы общества, политика — такая же органическая часть ее творчества, как и личное бытие с его эмоциональными бурями и интеллектуальными заботами. В 1971 г. вышел в свет сборник стихов Анны Хайпал под заглавием «Не больше».

Имре Чанади (р. 1920). — Родился в крестьянской семье, в 1940 г. поступил в университет. Творческий путь его был прерван войной, пленом. С 1948 г. — журналист, редактор, в настоящее время — главный редактор еженедельника «Уй Тюкер». В 1975 г. вышел наиболее полный сборник его стихотворений. Имре Чанади — лауреат премии имени Кошута.

Дюла Шипош (1921—1976). — До Освобождения принимал активное участие в Сопротивлении. После Освобождения занимался политической работой, был сотрудником литературных журналов. Избранные стихи его вышли в 1967 г. под заглавием «Оголь земли».

Эрике Шаламон (1912—1943). — Родился в семье рабочего, среднюю школу закончил цепью жестоких лишений, после чего поступил на юридический факультет Коложварского университета, где познакомился с марксизмом и установил связь с действовавшей в подполье коммунистической партией. За политическую деятельность был арестован. Стал журналистом, но за участие в рабочем движении вскоре лишился работы. В 1941 г. был интернирован и отправлен на припудительные работы на советский фронт. После прорыва советских войск на Дону заболевший тифом, бес-

помощный поэт был убит отступавшими итальянскими фашистами. Полное собрание его стихов под заглавием «Прекрасная судьба» вышло в 1949 г.

Ференц Юхас (р. 1928). — Родился в семье деревенского каменщика; детство его было трудным, и лишь Освобождение дало ему возможность учиться. Он учился в «народной коллегии», потом на филологическом факультете Будапештского университета. После Освобождения Юхас — один из ведущих представителей так называемых народных социалистических поэтов; редактор журнала «Уй прош». В 1971 г. вышли сборники его стихотворений «Мальчик, обернувшийся оленем», «Врата тайн».

ПОЭТЫ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эрих Арендт (р. 1903) — поэт, переводчик поэзии; с 1926 г. член КПГ; в 1936—1939 гг. принимал участие в гражданской войне в Испании, в 1950 г. вернулся в ГДР.

Бернгард Бестляйн. — Родился 3.12.1894 г. в Гамбурге, казнен фашистами 18.9.1944 г. в Бранденбурге; с 1918 г. член независимой социал-демократической партии Германии, с 1920 г. член КПГ. Редактор коммунистических ежедневных газет; с 1933 по 1944 г. находился в различных тюрьмах и концлагерях.

Иоганнес Роберт Бехер (1891—1958) — представитель социалистической поэзии, прозаик, драматург, эссеист, деятель культуры. С 1918 г. член «Союза Спартака», с 1919 г. член КПГ; в 1928 г. был одним из основателей Союза пролетарско-революционных писателей и его первым секретарем; находясь с 1933 г. в эмиграции, сотрудничал в антифашистских журналах; в 1943 г. был членом Национального комитета «Свободная Германия», в 1945 г. вернулся в Германию, активно участвовал в создании демократической и социалистической культуры в ГДР.

Иоганнес Бобровский (1917—1965) — поэт, прозаик, переводчик поэзии, эссеист. В 1937 г. был призван в гитлеровскую армию; участвовал в христианском движении Сопротивления фашизму. С 1945 по 1949 г. был в плену в Советском Союзе, затем работал в качестве редактора в Берлине.

Бертольт Брехт (1898—1956) — известный драматург, поэт, прозаик, теоретик и режиссер; с 1933 г. находился в изгнании, сотрудничал в антифашистских журналах. В 1948 г. переехал в Берлин, вместе с Еленой Вайгель основал «Берлинский ансамбль».

Активно участвовал в развитии демократической и социалистической культуры.

Эрих Буш (р. 1900) — артист, певец, с 1916 г. член организации социалистической рабочей молодежи, с 1920 г. член независимой социал-демократической партии Германии, в 1933 г. эмигрировал; в 1937—1939 гг. принимал участие в гражданской войне в Испании; в 1939 г. был арестован во Франции правительством Виши, в 1942 г. пытался бежать, но был вновь арестован, отправлен в Германию и находился в тюрьмах Моабита и Бранденбурга; после войны и по настоящее время живет в Восточной Германии и активно участвует в развитии социалистической культуры ГДР.

Эрих Вайнерт (1890—1953) — поэт (писал политические и сатирические стихи), прозаик, переводчик поэзии; один из основателей Союза пролетарско-революционных писателей. С 1929 г. — член КППГ; в 1933 г. выехал в турне в Швейцарию, затем эмигрировал в СССР; в 1937 г. был в составе Интернациональной бригады в Испании; в 1939 г. интерпретировал во Францию, в 1942—1943 гг. — советский агитатор на фронте, в 1943 г. являлся одним из основателей Национального комитета «Свободная Германия» и его президентом; в 1947 г. тяжелобольным вернулся в Берлин, участвовал в строительстве демократической культуры.

Франц Верфель (1890—1945) — поэт, драматург, повеллст, эссеист. В 1918 г. принимал активное участие в Ноябрьской революции. С 1933 г. преследовался нацистами; с 1938 г. находился в эмиграции.

Пауль Вине (р. 1922) — поэт, прозаик, киносценарист; в 1933 г. вместе с родителями эмигрировал, учился в Швейцарии в 1939—1942 гг., арестован в Вене, заключен в концлагерь. С 1947 г. находится в Берлине; работает в качестве редактора и переводчика, участвует в культурно-политическом строительстве ГДР.

Герхарт Гауцман (1862—1946) — драматург, прозаик, поэт, эссеист; в 1912 г. получил Нобелевскую премию. В годы фашизма жил в Германии и не решался открыто выступить против него, хотя втайне его осуждал. Антифашистские произведения Гауцмана, хранящиеся в рукописи, были опубликованы после 1945 г.

Макс Герман-Нейссе (1886—1941) — поэт, прозаик, драматург, критик; противник войны, симпатизировал рабочему классу, преследовался нацистами; в 1933 г. эмигрировал.

Виланд Герцфельде (р. 1896) — писатель и издатель. Во время первой мировой войны дезертировал, был арестован, направлен в штрафную роту; в 1918 г. вступил в ряды КППГ, затем стал членом

Союза пролетарско-революционных писателей; в 1917—1933 гг. возглавлял издательство «Малик» в Берлине, с 1933 по 1939 г., находясь в эмиграции в Праге, продолжал работу в издательстве, в 1939 г. уехал в США и оставался там до 1948 г.; с 1949 г. профессор в Лейпциге, заслуженный работник культуры ГДР.

Оскар Мария Граф (1894—1967) — прозаик, его творчество тесно связано с народом; первые произведения опубликовал в Берлине; в 1915 г. был приговорен к расстрелу за невыполнение приказа; участвовал в забастовках и в Ноябрьской революции в Мюнхене, был арестован; в 1933 г. эмигрировал, в 1934—1938 гг. жил в Чехословакии, совершил поездку в СССР; в 1938 г. эмигрировал в США, где и жил до конца своей жизни.

Рихарда Гух (1864—1947) — романистка, повеллистка, поэтесса, автор работ по истории литературы и культуры.

Вальтер Демель (1903—1960) — поэт и переводчик; активно участвовал в движении рабочей молодежи; с 1922 г. — член СПГ. В 1933 г. преследовался нацистами. С 1945 г. работал в области культуры.

Нелли Закс (1891—1970) — поэтесса, драматург, переводчик поэзии. В 1940 г. эмигрировала с матерью в Швецию, все остальные члены семьи погибли в концлагере.

Альфред Керр (Кемпнер) (1867—1948) — известный буржуазный театальный критик; приход Гитлера к власти заставил его покинуть родину; в 1933 г. его книги были сожжены.

Эрих Кестнер (1899—1974) — поэт и прозаик, изучал литературу, историю, философию, редактор различных журналов, сотрудничал в «Вельтбюне», печатал сатирические стихи против реакции и милитаризма; в 1933 г. ему запретили печататься; с 1945 г. жил в Мюнхене.

Гертруда Кольмар (Ходичнер) (1894—1943) — поэтесса, после 1933 г. жила уединенно в Берлине, работала принудительно на фабрике; в 1943 г. была арестована фашистами, и с тех пор сведений о ней нет.

Куба (Курт Бартель) (1914—1967) — поэт, драматург, переводчик поэзии, прозаик и киносценарист; с 1931 г. член Социалистического Союза молодежи, в 1933—1935 гг. член СПГ; находился в эмиграции, публиковал стихи и репортажи в эмигрантских журналах, некоторое время был интернирован; в 1946 г. вернулся в Берлин, занимал различные должности в учреждениях, связанных с культурой; с 1956 г. заведовал литературной частью народного театра в Росток.

Адам Кукхоф (1887—1943) — писатель, драматург, режиссер и актер. С 1933 г. занимался редакторской и литературной деятель-

ностью; участник антифашистского движения Сопротивления. В 1942 г. был арестован, в 1943 г. предстал перед фашистским судом, который приговорил его к казни.

Вольфганг Лангхоф (1901—1966) — актер, режиссер, писатель. С 1928 г. член КПГ; арестован в 1933 г., находился в различных тюрьмах и концлагерях, в 1934 г. бежал в Швейцарию, в 1945 г. возвратился в Германию; с 1946 по 1963 г. интendant «Дойчес театр» в Берлине. В 1936 г. в Цюрихе вышла его книга «Болотные солдаты», где описано его пребывание в концлагере Бёргермоор. Рурский горняк Иоганн Эссер написал в этом концлагере песню «Болотные солдаты», которая была переработана В. Лангхофом.

Эльза Ласкер-Шюлер (1869—1945) — поэтесса. До 1933 г. большей частью жила в Берлине, преследовалась фашистами, эмигрировала в Швейцарию, позднее в Палестину.

Рудольф Леонгард (1889—1953) — поэт, драматург, прозаик, эссеист, киносценарист, автор радиокomпозиций. Участвовал в первой мировой войне, затем придерживался пацифистских взглядов: после 1933 г. участвовал в антифашистской борьбе в рядах немецкого народного фронта, председатель Союза защиты немецких писателей в изгнании. После начала войны был интернирован в лагерях Ле-Верне, затем Кастре, откуда бежал; подпольную борьбу продолжал в Марселе; в 1950 г. вернулся в Берлин, участвовал в общественном и культурном обновлении страны.

Эва Липпольд (Брокдорф, урожд. Рутковска) (р. 1909) — поэтесса, прозаик, критик, переводчик поэзии; в 1927 г. вступила в КПГ, с 1933 г. участвовала в подпольной борьбе, с 1934 по 1943 г. находилась в тюрьме, затем принудительная работа на заводе; в 1944 г. была вновь арестована. С 1945 г. работает в разных общественных организациях и в области культуры, сейчас занимается литературной деятельностью.

Ганс Лорбеер (1901—1973) — романист, поэт; в 1921 г. вступил в КПГ, являлся одним из основателей Союза пролетарско-революционных писателей, в 1933 г. был арестован и до 1934 г. находился в концлагере Лихтенберг; после освобождения из концлагеря участвовал в антифашистском движении Сопротивления, в результате чего в 1937 г. был вновь арестован и заключен в концлагерь; с 1945 г. участвовал в демократическом и культурном преобразовании страны.

Эрнх Мюсам (1878—1934) — поэт, драматург, публицист; во время первой мировой войны был арестован; в 1918 г. участвовал в создании первой Баварской Советской республики; в 1919—1924 гг. вновь отбывает заключение в крепости, пишет револю-

ционные стихи; после амнистии 1924 г. участвует в борьбе пролетариата против фашизма; в 1933 г. его арестовали и заключили в концлагерь, где в 1934 г. после зверских пыток он был убит.

Вильгельм Ткачик (р. 1907) — поэт, переводчик поэзии; в 1926 г. вступил в КПГ, член Союза пролетарско-революционных писателей; после 1933 г. был арестован, затем освобожден, находился под постоянным надзором; в 1939 г. призван в армию. Все его рукописи пропали. В 1946 г. вернулся в Берлин.

Курт Тухольский (1890—1935) — поэт, публицист, сотрудник «Вельтбюне»; в 1920—1922 гг. член независимой социал-демократической партии Германии; в 1924 г. корреспондент в Париже, с 1929 г. в Швеции; в 1933 г. лишен германского гражданства, в 1935 г. покончил жизнь самоубийством.

Франц Фюман (р. 1922) — поэт, прозаик, переводчик поэзии, эссеист; будучи школьником, вступил в фашистскую армию; во время войны с Советским Союзом попал в плен и находился в советском лагере для военнопленных, в 1949 г. вернулся в ГДР; с 1950 г. занимается литературой и журналистикой.

Луи Фюрнберг (1909—1957) — поэт, прозаик, переводчик поэзии, публицист. С 1928 г. член КПЧ; сотрудничал в левых журналах, руководил известными группами агитпропа; в 1939 г. был арестован, в 1940 г. бежал из заключения и находился в эмиграции; в 1946 г. вернулся в ЧССР; до 1949 г. был корреспондентом иностранных социалистических газет, занимал дипломатические посты, работал в области культуры; в 1954 г. переселился в Веймар.

Стефан Хермли (Рудольф Ледер) (р. 1915) — поэт, переводчик поэзии, прозаик, эссеист; в 1931 г. вступил в коммунистический Союз молодежи; в 1933—1936 гг. участвовал в подпольной борьбе против фашизма в Германии; в 1936 г. эмигрировал, в 1937 г. участвовал в освободительной войне в Испании, с 1947 г. живет в Берлине, активно участвует в создании демократической и социалистической культуры ГДР.

Эдвин Хёрли (1883—1952) — поэт, прозаик и публицист. В 1910 г. вступил в СПГ; редактор социал-демократических газет, в 1916 г. был арестован, в 1918 г. член Совета рабочих и солдатских депутатов; в 1919 г. вступил в КПГ; в 1922—1923 гг. член исполкома Коминтерна в Москве; в 1924—1932 гг. депутат рейхстага, в 1933 г. эмигрировал через Швейцарию в СССР; в 1943 г. член Национального комитета «Свободная Германия»; в 1945 г. вернулся в Берлин, занимал различные посты в государственных учреждениях и общественных организациях.

Курт Хун (1902—1976) — поэт, прозаик; родился в рабочей семье, по профессии слесарь. С 1917 г. участвовал в движении

рабочей молодежи, с 1923 г. — член КПП; являлся одним из основателей Союза пролетарско-революционных писателей; с 1938 по 1940 г. находился в концлагере, затем до 1945 г. — в подполье; с 1945 г. работал в области культуры.

Пауль Цех (1881—1946) — поэт, прозаик, драматург, переводчик поэзии, эссеист; в 1933 г. уволен с работы, интернирован, в 1934 г. освобожден; вскоре он эмигрировал.

Макс Циммеринг (1909—1973) — поэт и прозаик; в 1919—1928 гг. участвовал в еврейском молодежном движении; с 1928 г. член коммунистического Союза молодежи, с 1929 г. — член КПП и Союза пролетарско-революционных писателей; в 1933—1946 гг. был в эмиграции, сотрудничал в антифашистских эмигрантских журналах; в 1946 г. вернулся в Дрезден, работал в различных учреждениях, участвуя в демократическом и культурном восстановлении страны.

Гелда Циннер (р. 1907) — писательница, драматург, автор рассказов, радиокомпозиций, киносценаристка, пишет стихи и репортажи, артистка. В 1929 г. вступила в КПП, в 1933 г. эмигрировала, в 1945 г. вернулась в Берлин.

Рене Швахгофер (1904—1970) — поэт, публицист, переводчик; до 1933 г. — журналист; с 1939—1945 гг. за антифашистскую деятельность был отправлен на принудительные работы. После 1945 г. принимал участие в литературной и политической жизни.

ПОЭТЫ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чойжилын Чимид (р. 1927) — известный писатель, общественный деятель; создал значительные произведения в прозе, поэзии, драматургии. Лауреат Государственной премии МНР (1962 г.). В настоящее время секретарь Союза монгольских писателей; в 1974 г. избран председателем Монгольского комитета солидарности со странами Азии и Африки.

Чойжиджавын Лхамсүрэн (1917—1979) — поэт, прозаик, драматург. За стихотворения для детей удостоен Государственной премии МНР (1963 г.).

Санжмятавын Дашдэндэв (р. 1912) — поэт, прозаик, журналист. Автор историко-революционного романа «Красное солнце» (1964), эпических поэм «Три семьи» (1962), «Кавдивизия» (1969), «Сказания об озере Толбо» и других. Первый лауреат премии

Д. Нацагдоржа (1966 г.). Заслуженный деятель культуры МНР (1972 г.).

Пурэвжавын Пурэвсурэн (р. 1940) — поэт широкой лиро-эпической темы. Вступил в литературу в начале шестидесятых годов, создал множество взволнованных произведений, герои которых — защитники монгольской земли, строители новой жизни в Монголии.

Мишигийн Ширчинсурэн (р. 1933) — популярный в Монголии лирический поэт, автор многих поэтических сборников. Лауреат премии СП МНР.

Цэндийн Дамдинсурэн (р. 1908) — один из зачинателей современной монгольской литературы, поэт и прозаик. Автор повести «Отвергнутая девушка» (1929), первого крупного произведения новой монгольской прозы, поэм «Моя седая мама» (1934), «Послание советскому народу» (1942) и многих других. Крупный ученый-филолог, действительный член АН МНР. Трижды лауреат Государственной премии МНР (1946, 1948, 1951 гг.).

Дашзэвэгийн Сэнгэ (1916—1959) — поэт, прозаик, переводчик, государственный и общественный деятель МНР. Автор повести «Аууш» (1947), либретто оперы «Правда» (1954), очерков и стихов о жизни и борьбе аратов за построение социализма. Дважды лауреат Государственной премии МНР (1948, 1954 гг.).

Дэндэвийн Пурэвдорж (р. 1933) — известный поэт. Печатается с 1952 г. Автор свыше десяти поэтических сборников. Многие годы руководит секцией поэзии Союза писателей МНР. Лауреат премии СП МНР (1969 г.) за поэмы «Черный снег» и «Баллада о снем дэле».

Далантайн Тарва (р. 1923) — известный поэт, общественный деятель; печатается с 1940 г. Участник боев у Халхин-Гола. Автор свыше двадцати книг, в том числе получившей широкую известность в МНР и СССР «Поэмы, посвященные посещением Пискаревского кладбища», поэм «Солдат революции», «Мой отец», повести «Звездище стрелы», а также многих стихотворений, ставших в Монголии популярными песнями. Лауреат премии Д. Нацагдоржа. Секретарь СП МНР.

Лхамсурэнгийн Чойжилсурэн (р. 1932) — прозаик, поэт, автор романов «Стук коньт», «Гудок зовет», «Роса на траве», ряда рассказов, повестей, поэтических сборников, а также произведений для детей.

Шаравын Сүрэнжав (р. 1938) — поэт, прозаик, автор ряда поэтических книг, «Баллады о деяниях героев», повести «Ветер с горы». Лауреат литературных премий СП МНР.

Долгорын Няма (р. 1940) — поэт, автор лирических стихов-раздумий. Творчество поэта связано с монгольским фольклором.

Доржийн Гомбожав (1932—1966) — поэт-лирик, певец монгольской природы, автор нескольких поэтических сборников.

Цэвэгмидийн Гайтав (1929—1979) — поэт-эпик. Автор поэм «Пробужденная степь», «Ленин с нами», «Карл Маркс», «Дамдины Сухэ-Батор», «Коммунист» и многих других произведений. Лауреат Государственной премии МНР, а также премии СП МНР за 1967 г.

Шагдарын Дулма (р. 1934) — поэтесса, журналистка. Автор нескольких поэтических книг.

Лодонгийн Тудэв (р. 1935) — видный писатель, общественный и политический деятель. Первый секретарь ЦК ревсомола МНР. До избрания на этот пост возглавлял Союз писателей МНР. Начало литературной деятельности относится к 1956 г., когда были опубликованы первые стихи Л. Тудэва и его рассказы для детей; несколько позднее он выступил как литературовед, критик, романист. Автор популярных в стране книг «Горный поток», «Кочевье», «Кочевье и оседлость», «Второй старт героя», художественно-документальной повести о Сухэ-Баторе «За Полярной звездой» и других.

ПОЭТЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Владислав Броневский (1897—1962) — крупнейший польский революционный поэт. В молодости, в первую мировую войну был солдатом легионов Пилсудского, несколькими годами позже навсегда связал свою жизнь с идеями коммунистического движения. Дебютировал в 1924 г. В своей лирике следовал традициям романтической поэзии XIX века, мастерски используя их для целей и задач агитационной поэзии борющегося пролетариата. В годы второй мировой войны Броневский добивается органического сочетания в своих стихах мотивов социально-освободительной и патриотической борьбы. В оккупированной Польше строки его стихотворений передавались из уст в уста и широко использовались в подпольной печати. Сила его революционной и патриотической поэзии бесспорно связана с тем, что она пронизана глубоким лиризмом; личное и общественное в творчестве поэта нераздельны.

Леопольд Стафф (1878—1957) — один из крупнейших польских лириков XX века. Поэт философских размышлений, влюбленный в классические традиции, Стафф воспевал в своей поэзии жизнь, которая исполнена красоты, которую он понимал как постоянное стремление человека к истине и к счастью. В его лирике преобладала атмосфера классической гармонии, однако в ней нашёл свое отражение и великие исторические потрясения. Стихи, включенные в антологию, были написаны во время второй мировой войны (Стафф пережил ее в оккупированной гитлеровцами Варшаве) и уже в годы оккупации приобрели огромную популярность, распространялись в списках, публиковались в подпольно издававшихся поэтических сборниках.

Юлиан Тувим (1894—1953) принадлежит к наиболее выдающимся польским поэтам XX века. Он представляет то поколение, которое вошло в литературу непосредственно после первой мировой войны и восстановления независимости Польши. Это мастер, владевший широким диапазоном поэтических средств — от прощипованного лиризма до политического памфлета и сатиры, — виртуоз поэтического слова, автор замечательных стихов для детей и блестящий переводчик произведений русских поэтов. Годы второй мировой войны он провел в Америке, где создал большую (девять тысяч строк) поэму «Цветы Польши», прощипнутую тоскою по родине и мечтою о Польше, в которой восторгается социальная справедливость. После войны возвратился в Польшу, с энтузиазмом воспринял совершавшиеся в ней преобразования, что нашло свое отражение в последних его стихотворениях.

Ярослав Ивашкевич (р. 1894) — поэт, прозаик, драматург и эссеист. Уроженец Украины, он с молодых лет формировался под воздействием польской и русской, а также западноевропейской классической литературы. Написанное им составляет десятки томов: стихотворения, циклы рассказов, пять крупных прозаических произведений, пьесы, эссеистика. Ивашкевич принимает — особенно после второй мировой войны — активное участие в общественной деятельности. Он многолетний (с 1959 г. без перерыва) председатель Союза польских писателей, депутат сейма, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», активный деятель движения сторонников мира.

Антоний Слонимский (1895—1976) — поэт, сатирик, драматург, остроумный фельетонист, мастер острой полемики. В лирике он провозглашал возвышенные гуманистические идеи и, занимая в фельетонах и полемических выступлениях позицию «вечного оппозиционера», сумел сделать ее (прежде всего в тридцатые годы

и в период второй мировой войны) надежным оружием в борьбе с фашизмом, придать своим стихам высокое эмоциональное звучание, выразить в них интернационалистские и патриотические взгляды.

Юлиан Пшибось (1901—1970) — главный представитель авангардистского направления в польской поэзии, которое в межвоенные годы было представлено группой поэтов, объединившихся вокруг журнала «Звонница» (1922—1927). Сын крестьянина, Пшибось соединял радикальные художественные устремления с социальным радикализмом. Годы второй мировой войны он провел в родной деревне. В эти годы и написаны включенные в антологию стихотворения из сборника со знаменательным названием «Пока мы живы» (слова из польского национального гимна), изданного в октябре 1944 г.

Мечислав Яструн (р. 1903) — поэт, тяготеющий к лирико-философскому содержанию. Первый сборник стихотворений опубликовал в 1929 г. Особый раздел в его творчестве составляют произведения периода второй мировой войны. Поэт приходит к убеждению, что его гражданским долгом является участие поэтическим словом в борьбе народа, что поэзия должна стать свидетельством этой борьбы, переживаний военных лет и человеческих судеб. В антологию включены стихотворения из созданных в годы войны сборников «Настороженный час» и «Дело человеческое».

Константы Ильдефонс Галчинский (1905—1953) — один из самых оригинальных польских поэтов своего времени, в творчестве которого лирика переплетается с гротеском и юмором «чистого абсурда». Иногда как бы в насмешку над величественной поэзией «вдохновенного поэта», он выступал в облике шутика и забавника, с тем чтобы, используя эту условность, говорить в гражданском и патриотическом тоне. В годы войны Галчинский находился в немецком лагере военнопленных, куда попал как участник войны 1939 г.; после войны, в Народной Польше, обрел свое место поэта, завоевывающего, благодаря юмору и оригинальности художественных средств, подлинный успех у широких читательских масс.

Адам Важек (р. 1905) — поэт, в межвоенные годы связанный с авангардистским направлением. Переводчик французских и русских поэтов. В годы войны офицер Первой армии Войска Польского, сформированной в СССР. Его томик стихотворений «Сердце граматы», из которого взяты произведения, включенные в антологию, был одной из первых поэтических книг, изданных на освобожденных от оккупантов польских землях.

Станислав Рышард Добровольский (р. 1907) — поэт, который уже в межвоенные годы выразил в своих стихах передовые социальные идеи; следуя трудовым традициям своей семьи, стал певцом рабочей Варшавы. В годы войны деятельно участвовал в подпольной борьбе.

Люциан Шенвальд (1909—1944) в межвоенные годы был членом Коммунистической партии Польши, во время второй мировой войны — солдатом Красной Армии, а затем Первой армии Войска Польского. Он погиб 22 августа 1944 г. в автомобильной катастрофе во время боев на Висле. Талантливый поэт и переводчик, он стал в годы войны певцом боевого подвига солдат Первой армии. Последний том его стихов «Из гостеприимной земли в Польшу» — является как бы поэтической хроникой истории этой армии.

Станислав Ежи Лец (1909—1966) — поэт и сатирик, в межвоенный период связанный с коммунистическим движением. В годы второй мировой войны участвовал в партизанской борьбе в рядах Гвардии Людовой. В эти годы и возникли его стихотворения на сборника «Полевой блокпост» (1946), которые представлены в этой антологии. В позднейшие годы Лец прославился как автор метких афоризмов, публиковавшихся под названием «Непричесанные мысли».

Леон Пастернак (1910—1969) — поэт и сатирик. Перед войной был деятелем Коммунистической партии Польши, во время войны — офицером Первой армии Войска Польского, автором популярных солдатских стихов и песен.

Ежи Путрамонт (р. 1910) — поэт и прозаик, до войны был членом виленской группы поэтов «Жагары», издал два сборника стихотворений. Третий его сборник увидел свет в 1944 г., когда автор был офицером Первой армии Войска Польского. После войны писатель обратился к прозе, выступил как автор многочисленных романов и повестей. Еще с довоенной поры Путрамонт связан с коммунистическим движением. После войны он был послом ПНР в Швейцарии и во Франции, в настоящее время — член ЦК ПОРП, редактор еженедельника «Литература». Стихотворения Путрамонта, вошедшие в эту антологию, взяты из вышедшего в 1944 г. сборника «Война и весна».

Кшиштоф Камилль Бачинский (1921—1944) дебютировал в годы гитлеровской оккупации томиком стихов, изданным подпольно, и уже по этим сборникам критика увидела в нем будущее светило польской поэзии. Будучи солдатом юношеских отрядов Армии Крайовой («Серые шеренги»), Бачинский погиб в один из первых дней Варшавского восстания (4 августа 1944 г.). Весьма обширное (если учесть, что создано за короткое время) наследие

поэта бережно сохранено и посмертно издапо (Собрание сочинений с предисловием известного критика Казимежа Выки).

Тадеуш Боровский (1922—1951) принадлежал, как и Бачинский, к тому поколению, которое сформировалось в годы гитлеровской оккупации. Студент подпольного университета в Варшаве и автор конспиративно издаваемого сборника стихов «Где-нибудь земля», Боровский был в 1943 г. арестован и отправлен в Освенцим. До конца войны он находился в немецких концлагерях. После войны издал стихотворный сборник «Имена потока» (1945), но талант его заблестал прежде всего в прозе. Он автор потрясающих рассказов о лагерной жизни («Мы были в Освенциме», 1946; «Прощание с Марией», 1948; «Каменный мир», 1948). Его юпошеские стихи являются ценным документальным свидетельством, запечатлевшим переживания одного из самых талантливых представителей военного поколения.

Тадеуш Ружевич (р. 1924) — поэт, прозаик, драматург. Его поэтический дебют (сборник «Беспокойство», 1947) выделялся среди книг первых послевоенных лет. Отказ от поэтических украшений, прозаизмы служили здесь выражению определенной моральной позиции, которая характеризовалась стремлением отбросить всякую имитацию и обманчивую маскировку. Если Боровский на страницах своих рассказов представил самый впечатляющий анализ переживаний своего поколения, то Ружевич дал их наиболее убедительное поэтическое воплощение. Он показал человека, пораженного ужасами войны, человека, который, оставшись в живых, должен запово входить в жизнь в мирное время.

Вислава Шимборская (р. 1923) — выдающаяся современная польская поэтесса. Дебютировала томом «Радн этого мы живем» в 1952 г. Стихотворение «Слово о любви к родной земле» взято из второго ее сборника «Вопросы, задаваемые самой себе» (1954), стихотворение «Голодный лагерь близ Ясло» — из тома «Соль» (1962). Хотя патриотическая тема и воспоминания о войне не занимают в поэзии Шимборской центрального места, они играют значительную роль в широком круге проблем, о которых говорит поэтесса.

ПОЭТЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Лебедев-Кумач Васильи Иванович (1898—1949) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Агашкина Маргарита Константиновна (р. 1924) — русская советская поэтесса.

Алигер Маргарита Поепфовна (р. 1915) — русская советская поэтесса, лауреат Государственной премии СССР.

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР.

Ахматова Анна Андреевна (1889—1966) — русская советская поэтесса.

Бедный Демьян (1883—1945) — русский советский поэт.

Белшевиц Визма (р. 1931) — латышская советская поэтесса.

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — русская советская поэтесса, лауреат Государственной премии СССР, участница обороны Ленинграда.

Бровка Петрусь (Петр Устинович) (р. 1905) — Народный поэт Белорусской ССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Вааранди Дебора (р. 1916) — эстонская советская поэтесса.

Ваншенкин Константин Яковлевич (р. 1925) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Вацетис Ояр Оттович (р. 1933) — латышский советский поэт.

Викулов Сергей Васильевич (р. 1922) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Винокуров Евгений Михайлович (р. 1925) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Воронов Юрий Петрович (р. 1929) — русский советский поэт, участник обороны Ленинграда.

Гамзатов Расул Гамзатович (р. 1923) — аварский советский писатель, Народный поэт Дагестанской АССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Геловани Мирза (Реваз) Гедесонович (1917—1944) — грузинский советский поэт, участник Великой Отечественной войны, погиб на фронте в Белоруссии.

Гитович Александр Ильич (1909—1966) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Гудзенко Семен Петрович (1922—1953) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Джамбул Джабаев (1846—1945) — казахский народный поэт-акын, лауреат Государственной премии СССР.

Джалиль Муса Мустафович (1906—1944) — татарский советский поэт. В первые же дни войны ушел на фронт, в 1942 г. тяжело раненный, был взят в плен, заключен в концлагерь, где вел активную подпольную работу. Был брошен фашистами в тюрьму

Моабит и в 1944 г. казнен в военной тюрьме Плетцсепсе. В тюрьме создал цикл стихотворений, удостоенных позднее Ленинской премии (1957 г.). Посмертно Мусе Джалилю присвоено звание Героя Советского Союза.

Долматовский Евгений Аронович (р. 1915) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Друнина Юлия Владимировна (р. 1924) — русская советская поэтесса, участница Великой Отечественной войны.

Дудин Михаил Александрович (р. 1916) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны.

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — русский советский поэт.

Жуков Владимир Семенович (р. 1920) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — русский советский поэт.

Земкевич Михаил Александрович (1891—1973) — русский советский поэт и переводчик.

Илибер Вера Михайловна (1890—1972) — русская советская поэтесса, лауреат Государственной премии СССР, участница обороны Ленинграда.

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Карим Мустай (р. 1919) — Народный поэт Башкирской АССР, Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны.

Кедрин Дмитрий Борисович (1907—1945) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Кешоков Алим Пшемахович (р. 1914) — кабардинский советский поэт, Народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, участник Великой Отечественной войны.

Комаров Петр Степанович (1911—1949) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР.

Кузнецов Юрий Поликарпович (р. 1941) — русский советский поэт.

Кулешов Аркадий Александрович (1914—1978) — Народный поэт Белорусской ССР, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Кулнев Кайсын Шуваевич (р. 1917) — балкарский советский поэт, Народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, лауреат Госу-

дарственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Лифшиц Владимир Александрович (1913—1978) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Лукошин Михаил Кузьмич (1918—1976) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Лупан Андрей Павлович (р. 1912) — молдавский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР.

Львов Михаил Давидович (р. 1916) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Лышнин Григорий Иванович (р. 1921) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны; находясь в фашистском плену, создал ряд стихов, распространившихся в концлагерях.

Майоров Николай Петрович (1919—1942) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны; погиб в бою.

Малышко Андрей Самойлович (1912—1970) — украинский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Марков Алексей Яковлевич (р. 1920) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Матусовский Михаил Львович (р. 1915) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Межелайтис Эдуардас Беняминович (р. 1919) — литовский советский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, участник Великой Отечественной войны.

Межиров Александр Петрович (р. 1923) — русский советский поэт, участник обороны Ленинграда.

Наровчатов Сергей Сергеевич (р. 1919) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны.

Недогонов Алексей Иванович (1914—1948) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Нурбердыев Пома (1909—1972) — туркменский советский поэт.

Окуджава Булат Шалвович (р. 1924) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Ошанин Лев Иванович (р. 1912) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — русский советский поэт.

Первомайский Леонид Соломонович (1908—1973) — украинский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Петровых Мария Сергеевна (1908—1979) — русская советская поэтесса и переводчица.

Пожеяня Григорий Михайлович (р. 1922) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, участник обороны Ленинграда.

Рза Расул (р. 1910) — Народный поэт Азербайджанской ССР, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Рыленков Николай Иванович (1909—1969) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Рыльский Максим Фадеевич (1895—1964) — украинский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Самойлов Давид Самуилович (р. 1920) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — русский советский поэт, лауреат Ленинской премии, участник Великой Отечественной войны.

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Симонов Константин Михайлович (1915—1979) — русский советский поэт, прозаик и драматург, Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии, участник Великой Отечественной войны.

Слуцкий Борис Абрамович (р. 1919) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Смеляков Ярослав Васильевич (1912—1972) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Смирнов Сергей Васильевич (р. 1913) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Соболь Марк Андреевич (р. 1918) — русский советский поэт,

участник Великой Отечественной войны.

Соколов Владимир Николаевич (р. 1928) — русский советский поэт.

Софронов Анатолий Владимирович (р. 1915) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Старшинов Николай Константинович (р. 1924) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Субботин Василий Ефимович (р. 1921) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Суворов Георгий Кузьмич (1919—1944) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны; погиб при переправе через реку Нарву.

Султанов Омор (р. 1935) — киргизский советский поэт.

Сурков Алексей Александрович (р. 1899) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Тапк Максим (р. 1912) — белорусский советский поэт, Народный поэт БССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, участник Великой Отечественной войны.

Тихонов Николай Семёнович (1896—1979) — русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Международной Ленинской премии, участник Великой Отечественной войны.

Турсун-заде Мирзо (1911—1977) — Народный поэт Таджикской ССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Уйгун (Рахматулла Атакузиев) (р. 1905) — Народный поэт Узбекской ССР.

Уткин Иосиф Павлович (1903—1944) — русский советский писатель, участник Великой Отечественной войны.

Ушаков Николай Николаевич (1899—1973) — русский советский поэт.

Фатьянов Алексей Иванович (1919—1959) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Федоров Василий Дмитриевич (р. 1918) — русский советский поэт.

Шефнер Вадим Сергеевич (р. 1914) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Шубин Павел Николаевич (1914—1951) — русский советский поэт, участник Великой Отечественной войны.

Щипачев Степан Петрович (1899—1980) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Эмиш Геворг (р. 1919) — армянский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — русский советский поэт, прозаик, публицист, лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии.

Яшин Александр Яковлевич (1913—1968) — русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны.

ПОЭТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Константин Бял (1898—1951) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Стихи «Юлпус Фучик в тюрьме» и «Перед наступлением» взяты из сборника «Без опасений» (1951).

Ян Брочко (1924—1946) — словацкий поэт, участник Словацкого Национального восстания. Война подорвала его здоровье; вскоре после освобождения поэт умер. Его стихи были посмертно опубликованы в сборнике «Воззвание» (1946). Стихотворение «Хлеб партизанский пасущий» взято из этого сборника.

Франтишек Галас (1901—1949) — чешский поэт. Его стихи, опубликованные в сборнике «Крик Короны чешской» (1939) — он был издан во Франции, — тайно распространялись в Чехии; стихотворение Галаса «1 мая 1942 года» открывало первомайский номер подпольного «Руде право». Стихотворение «Праге» взято из сборника «Торс надежды» (1938); стихотворение «Баррикада» вышло вскоре после освобождения страны советскими войсками, в 1945 г.

Марцел Герц (1925—1944) — словацкий поэт, участник Словацкого Национального восстания; принимал участие в издании молодежного журнала «Прогресс»; казнен гестаповцами. Стихотворение «Ноябрь» написано перед смертью, товарищу по заключению удалось сохранить его; вместе с другими произведениями

Герда оно вошло в антологию «Цветок из пащей крови» (1959).

Владимир Голан (р. 1905) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. В 1968 г. ему было присвоено звание Народного художника. Стихотворение «Тебе, Красная Армия» взято из сборника «Тебе» (1947).

Павол Горов (1914—1975) — словацкий поэт. Народный художник. Сопет «Ты пачочил книжал и будь навек проклят...» — из цикла сокетов «Надписи на могилах» в сборнике «Нпобей — наша мать» (1942); отрывок из стихотворения «Звуки горпов» — из сборника «Предательские воды грунтовые» (1940).

Франтишек Грубин (1910—1971) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда, Народный художник. Стихотворение «Колокола» взято из сборника «Река незабвения» (1946).

Янко Есенский (1874—1945) — словацкий поэт и писатель. Народный художник. В период с 1939 по 1945 г. создал целый ряд стихотворений в жанре политической сатиры, многие из них ходили по рукам в Словакии, а некоторые — например, стихотворение «Концлагерь» — публиковались в зарубежных антифашистских изданиях.

Вилем Завада (р. 1905) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Народный художник. Стихотворение «Чешская весна» взято из сборника «Воскресение из мертвых» (1946).

Петер Илемницкий (1901—1949) — словацкий писатель. Народный художник. Стихотворение «Гийеи грашит слюда» написано в фашистском так называемом трудовом лагере Гребо у Цос-вика 29—30 апреля 1944 г.

Йозеф Кайнар (1917—1971) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Заслуженный художник. Стихотворение «Поезд с заключенными» взято из сборника «Новые мифы» (1946).

Ян Костра (1910—1975) — словацкий поэт. Народный художник. Стихотворение «Стоим один на лютном холоду...» взято из сборника «Треснувшая ваза» (1942), стихотворение «Стихи благодарности» — из сборника «За этот май» (1950).

Франц Краль (1903—1955) — словацкий поэт и писатель. Народный художник. Стихотворение «Памятная осень» (1938) было напечатано после освобождения в сборнике «Из мрака к рассвету» (1945).

Милош Крно (р. 1922) — словацкий поэт и прозаик. Заслуженный художник. Стихотворение «Кавказ» было опубликовано

в печатном органе повстанцев «Правда» 6 октября 1944 г. под псевдонимом «Милош Блеск».

Милан Краус (р. 1924) — словацкий поэт. Стихотворение «Стихи мертвым героям» взято из сборника «Благодарность и любовь» (1952).

Эмиль Болеслав Лукач (1900—1979) — словацкий поэт. Заслуженный художник. Стихотворение «Ars poetica» — из сборника «Бабель» (1944).

Стапислав Костка Пейман (1875—1947) — чешский поэт. Народный художник. Стихотворение «Не измени» взято из сборника «Бездопный год» (1945), стихотворение «И гордым будь...» — из книги «Зачумленные годы» (1946).

Витезслав Незвал (1900—1958) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Народный художник, лауреат премии Мира. Все три стихотворения взяты из книги «Историческая картина» (1945).

Ладо Новомеский (1904—1976) — словацкий поэт, общественный деятель и член подпольного ЦК Коммунистической партии Словакии, подготовившего Словацкое Национальное восстание. Народный художник. Вводное восьмистишие служит эпиграфом к его сборнику «Святой за околницей» (1939). Стихотворение «Вверх тормашками» взято из этого сборника. В стихотворении «Анализ» (1964) Новомеский спустя два десятилетия сквозь призму времени отразил пафос Словацкого Национального восстания.

Ян Пиларж (р. 1917) — чешский поэт. Заслуженный художник. Стихотворение «17 ноября 1939 года» — об арестах чешских студентов гитлеровцами — было впервые опубликовано в 1946 г.

Андрей Плавка (р. 1907) — словацкий поэт, лауреат Государственной премии. Народный художник. Председатель Союза словацких писателей. В период Словацкого Национального восстания работал в Банской Быстрице. Стихи «Песня о герое» и «Мать велит» взяты из сборника «Огни на горах» (1947).

Мария Пушманова (1893—1958) — чешская писательница. Народный художник. Стихотворение «Восстание» взято из сборника «Радость и скорбь» (1945).

Ян Рак (1915—1969) — словацкий поэт. Его стихотворение-аллегория «Сад иллюзиониста» было напечатано в 1943 г. в журнале «Творба»; оно включено в сборник «Не оставляйте надежды» (1946).

Владимир Райзел (р. 1919) — словацкий поэт. Заслуженный художник. Стихотворение «Огонь» было опубликовано впервые в журнале «Элан», а впоследствии — в сборнике «Вижу все дни и ночи» (1939).

Иван Скала (р. 1922) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Народный художник. Стихотворение «Дукла» взято из сборника «Что я беру с собой в дорогу» (1975).

Ян Смырек (р. 1898) — словацкий поэт. Народный художник. Его многочисленные поэтические произведения периода второй мировой войны были напечатаны в сборниках «Пир» (1944) и «Колодец» (1945). Стихотворение «Прага, 1942» — взято из сборника «Колодец».

Иржи Тауфер (р. 1911) — чешский поэт, лауреат Государственной премии имени Клемента Готвальда. Народный художник. Стихотворение «Затмение» взято из сборника «Летопись» (стихи 1938—1957 гг.), издавшего в 1958 г.

Иван Терек (р. 1921) — словацкий поэт. Заслуженный художник, участник Словацкого Национального восстания; работал на повстанческой свободной радиостанции в Банской Быстрице. Редактировал партизанский журнал «Мор го!» («Убей его!»), где под псевдонимом «Петер Гора» опубликовал некоторые свои стихи («Московский оркестр» и др.), вошедшие затем в его сборник «Расстрелянный город» (1946).

Ярмила Урбанкова (р. 1911) — чешская поэтесса. Заслуженный художник. Стихотворение «Прага в мае 1945 года» взято из сборника «К утрепному источнику» (1945).

Франя Шрабек (1877—1952) — чешский поэт и писатель. Народный художник. Стихотворение «Лидице» взято из сборника «Раны, розы» (1945).

Иозеф Чапек (1887—1945) — чешский поэт, писатель и художник. Погиб в апреле 1945 г. в концентрационном лагере Берген-Белзен. Стихи «Мертвых сбросили с телеги...» и «Так и взлететь бы...» вышли в книге «Стихи из концлагеря» (1946).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Наровчатова</i> . Предисловие	5
---	---

ПОЭТЫ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

(Перевод с болгарского)

Крум Кюлявков

Никодим (Послесентябрьская баллада). <i>Перевод М. Павловой</i>	13
---	----

Гео Милев

Сентябрь (<i>Из поэмы</i>). <i>Перевод М. Павловой</i>	16
--	----

Асен Разцветников

Мы. <i>Перевод В. Сикорского</i>	20
* Весть. <i>Перевод А. Наймана</i>	21
* Утопленники. <i>Перевод А. Наймана</i>	22

Крум Пенев

* В концлагере «Эпиней». <i>Перевод М. Маринова</i>	25
---	----

Никола Ланков

* Расстрел. <i>Перевод О. Шестинского</i>	26
---	----

Камен Зидаров

* Песня. <i>Перевод О. Шестинского</i>	27
--	----

Никола Фурнаджиев

Всадник. <i>Перевод О. Шестинского</i>	29
* Совесть. <i>Перевод А. Наймана</i>	28

Христо Радевский

Будущее. <i>Перевод П. Железова</i>	31
Письмо. <i>Перевод А. Гатова</i>	32

Тодор Харманджиев

* Белый всадник. <i>Перевод О. Шестинского</i>	34
--	----

Младен Исаев

* Комсомольская. <i>Перевод О. Шестинского</i>	35
--	----

* Романтика. Перевод О. Шестинского	36
Никола Ванцаров	
«Борьба так беспощадна и жестока...» Перевод Н. Тихонова	37
История. Перевод П. Железнова	37
* Письмо. Перевод Т. Глушковой	39
* Испания. Перевод Т. Глушковой	42
Атанас Смирнов	
* Весть. Перевод А. Наймана	45
Иван Пейчев	
* Стена. Перевод А. Наймана	47
Веселин Андреев	
* Сокровенное. Перевод О. Дмитриева	49
Раздумье. Перевод Б. Слуцкого	50
Баллада о коммунисте. Перевод М. Зенкевича	50
Веселин Ханчев	
Мелни. Перевод В. Соколова	52
* Из «Стихов в патронташе». Перевод О. Дмит- риева	54
Александр Геров	
Вера. Перевод Л. Дымовой	57
Цветан Спасов	
* Восторг. Перевод О. Шестинского	58
Иван Шивянин	
* Гимн. Перевод О. Шестинского	60
Валерий Петров	
* В пути (Из поэмы). Перевод А. Наймана . . .	61
Добри Жотев	
* Молчащие. Перевод В. Корчагина	66
Атанас Манчев	
* Влепие времени. Перевод М. Маринова . . .	67
Давид Овадия	
* Отряд живет. Перевод О. Шестинского	70

ПОЭТЫ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
(Перевод с венгерского)

Антал Глдаш	
* Марш Красного Чепеля. Перевод В. Корчагина	75
Йожеф Берда	
* К портрету одного политика. Перевод А. Най- мана	77

Ференц Киш	
* В тюрьме (Отрывок). Перевод В. Самошкина	78
Аттила Йожеф	
Баллада насмешливого рабочего. Перевод В. Левика	80
Воздух! Перевод В. Корчагина	81
Дюла Ийеш	
Не спасешься. Перевод Е. Аксельрод	83
Родина моя. Перевод Д. Самойлова	85
Аладар Комьят	
Марш Интернациональных бригад. Перевод Н. Чуковского	89
Бела Балаж	
Рождественская песнь эмигранта в 1939 году. Перевод Н. Чуковского	90
Эрнё Шаламон	
* Если беден человек. Перевод А. Наймана	92
Ласло Геребеш	
В засаде. Перевод В. Корчагина	94
Андор Габор	
* Кладбище венгерских юношей. Перевод А. Наймана	95
Золтан Зелк	
Ангелы. Перевод М. Зенкевича	97
Иштван Ваш	
* 6 июня 1944 года. Перевод А. Наймана	99
Миклош Радноти	
Седьмая эклога. Перевод Д. Самойлова	101
Разглединыцы. Перевод Л. Мартынова	103
Янош Пиллиски	
* Гарбах, 1944. Перевод О. Россиянова	105
Иштван Ваш	
* Неправда. Перевод А. Наймана	107
Женн Варнан	
Восстань, мадьяр! Перевод Н. Миримского	109
Дюла Шинони	
* Звездная гора, полицейский следственный участок. Перевод А. Наймана	111
Лайош Кашшак	
* Партизаны. Перевод А. Наймана	115
Дёрдь Ронаи	
* По Венскому шоссе. Перевод В. Корчагина	117
Геза Келеш	
* Февраль 1945. Перевод В. Самошкина	118

Иуре Чанади	
На лбу у них звезда. (Пылающие дни 1944—1945 гг.) <i>Перевод Д. Самойлова</i>	120
Андор Габор	
Будапешт. <i>Перевод А. Голембы</i>	122
Янош Фёльдеак	
* В партии. <i>Перевод В. Корчагина</i>	124
Бела Балаж	
* Обретение родины. <i>Перевод А. Наймана</i>	126
Дюла Ийеш	
Кровельщики. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	128
Золтан Зелк	
Утро в Зугло. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	130
Ласло Бельямин	
Мсть. <i>Перевод Н. Горской</i>	132
Дюла Ийеш	
Плуг идет... <i>Перевод М. Исаковского</i>	134
Ференц Юхас	
* Песня о моей родине. <i>Перевод А. Наймана</i>	136
Йожеф Фодор	
Красные надгробия. <i>Перевод В. Корчагина</i>	138
Анна Хайнал	
* Лепшу. <i>Перевод А. Наймана</i>	140

ПОЭТЫ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(Перевод с немецкого)

Эрих Арендт	
Пример. <i>Перевод В. Луговского</i>	145
Бернгард Бестляйн	
* Песня узников Заксенхаузена. <i>Перевод Э. Шустера</i>	146
Иоганнес Бехер	
Слезы отчества. <i>Перевод Л. Писньковского</i>	143
* Вам, в ком отчизны зов не смолк. <i>Перевод Э. Шустера</i>	149
* Что крепче наших рук?! <i>Перевод Э. Шустера</i>	150
Благодарность друзьям в Советском Союзе. <i>Перевод В. Луговского</i>	151
Иоганнес Бобровский	
* Донесение. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	152

Бертольт Брехт	
Германия. <i>Перевод К. Богатырева</i>	153
* На смерть борца за мпр. <i>Перевод В. Вебера</i>	155
Сожжение книг. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	155
Мой землякам. <i>Перевод С. Болотина и Т. Сикорской</i>	156
Эрих Буш	
* Батальон имени Липкольпа. <i>Перевод Э. Шустера</i>	157
Эрих Вайнерт	
Эдгар Андре. <i>Перевод А. Голембы</i>	159
Димитров. <i>Перевод Ю. Александрова</i>	160
Ион Шер и товарищи. <i>Перевод Н. Грибачева</i>	161
* Вопреки всему. (На смерть Карла и Розы). <i>Перевод Э. Шустера</i>	163
Франц Верфель	
* «Самый великий» немец. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	164
Пауль Винс	
* Швехат. Апрель 1945 г. <i>Перевод В. Вебера</i>	166
Герхарт Гауптман	
* Игрушка. <i>Перевод В. Вебера</i>	167
Макс Герман-Нейссе	
Когда-то был немецким я поэтом... <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	168
Виланд Герцифельде	
* По поводу моей эмиграции. <i>Перевод В. Вебера</i>	169
Оскар Мария Граф	
* 1935. Ночь за ночью... <i>Перевод Э. Шустера</i>	171
Рикарда Гух	
* Трубя повсюду про свои деянья... <i>Перевод В. Вебера</i>	172
Вальтер Демель	
* Лидице. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	173
Нелли Закс	
* Вам, строящим новый дом. <i>Перевод В. Вебера</i>	175
Альфред Керр	
Подпольщики в Германии. <i>Перевод Т. Сикорской</i>	176
Эрих Кестнер	
Ты знаешь край... <i>Перевод К. Богатырева</i>	177

Гертруда Кольмар	
* Некролог. <i>Перевод В. Вебера</i>	179
Куба	
На помощь, Род Людской! (Из «Поэмы о Человеке») <i>Перевод С. Кирсанова</i>	181
Адам Кукхоф	
Сыну Уле. <i>Перевод В. Левика</i>	184
Вольфганг Лангхоф и Иоганн Эссер	
Болотные солдаты. <i>Перевод С. Болотина и Т. Сикорской</i>	185
Эльза Ласкер-Шюлер	
* Мой снпий рояль. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	187
Рудольф Леонгард	
* Франция. <i>Перевод Э. Шустера</i>	188
Бухспвальд. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	188
Эва Липпольд	
* Наступит час прозренья. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	190
Ганс Лорбеер	
* Баллада о мосте. <i>Перевод Э. Шустера</i>	191
Эрих Мюзам	
* Завещаппе. <i>Перевод Э. Шустера</i>	193
Вильгельм Ткачик	
* Артиллерийская капопада. <i>Перевод Г. Ратгауза.</i>	195
Курт Тухольский	
Германия, проснись! <i>Перевод А. Голембы</i> . . .	197
Франц Фюман	
* Поездка в Сталинград. (Отрывок). <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	199
Луп Фюрнберг	
Одиночка. <i>Перевод Н. Локшиной</i>	201
* Какая цыпче гремит гроза. <i>Перевод Ирины Грицковой</i>	201
Стефан Хермлин	
Боль городов. <i>Перевод А. Голембы</i>	203
Эдвин Хёриле	
* Братья, гляньте — впередп... <i>Перевод Э. Шустера</i>	206
Курт Хун	
* Узпнкам. <i>Перевод В. Куприянова</i>	208
Пауль Цех	
* Наверно, сппшком кровь моя густа... <i>Перевод Э. Шустера</i>	209

Макс Циммерлинг	
* Не трепещи от страха. <i>Перевод Э. Шустера</i> . . .	211
* Вернись, солдат. <i>Перевод Э. Шустера</i>	212
* Осень над Дрезденом. <i>Перевод Э. Шустера</i> . . .	213
Гедда Циннер	
* Я очень долго голодала. <i>Перевод В. Куприянова</i>	214
Рене Швахгофер	
* Признание обыкновенного человека. <i>Перевод Т. Ратгауза</i>	215

ПОЭТЫ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Перевод с монгольского)

Чойжилын Чимид

Баллада о пяти солдатах. <i>Перевод Е. Долма- товского</i>	219
--	-----

Чойжилжавын Лхамсүрэн

Дочь. (Из поэмы «Полковник»). <i>Перевод Г. Яро- славцева</i>	220
---	-----

Санжмятавын Дашдэндэв

Кавдивизия. <i>Перевод Г. Юнакова</i>	226
---	-----

Пурэвжавын Пурэвсүрэн

Они любили жизнь. <i>Перевод Ю. Александрова</i>	232
--	-----

Мишигийн Ширчинсүрэн

Слава вам, герои! <i>Перевод Г. Ярославцева</i> . .	235
---	-----

Цэндийн Дамдинсүрэн

Послание советскому народу. (Из поэмы). <i>Пе- ревод С. Ботвинника</i>	237
--	-----

Дашзэвэгнийн Сэнгэ

Письмо с фронта. <i>Перевод В. Титомирова</i> . .	240
---	-----

Дэндэвийн Нурэвдорж

Черный снег. (Из поэмы). <i>Перевод Я. Белин- ского</i>	242
---	-----

Далантайн Тарва

Пусть небо всегда будет ясным! (Из «Поэмы, навешанной посещением Пискаревского кладби- ща»). <i>Перевод А. Наймана</i>	244
--	-----

Лхамсүрэнгийн Чойжилсүрэн

Вечный огонь. <i>Перевод Н. Стефановича</i> . . .	247
---	-----

Шаравын Сүрэнжав

* Повесть о добром коне, или Быль о двух серых (Из поэмы). <i>Перевод В. Михановского</i> . . .	249
--	-----

Цэндийн Дамдинсүрэн	
Самурай. <i>Перевод А. Клещенко</i>	256
Долгорын Няма	
Отец и война. <i>Перевод А. Гатова</i>	257
Далантайн Тарва	
* Мой отец. (<i>Из поэмы</i>). <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	258
Цэндийн Дамдинсүрэн	
Мы за мир! <i>Перевод С. Ботвинника</i>	264
Доржийн Гомбожав	
Война. <i>Перевод С. Северцева</i>	266
Цэвэгмидийн Гайтав	
Уничтожить войну! <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	267
Шагдарын Дулма	
Перед вами играют дети. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	269
Лодонгийн Тудэв	
Прогovor. (<i>Из поэмы «Родился человек»</i>). <i>Перевод Я. Белинского</i>	271

ПОЭТЫ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Перевод с польского)

Владислав Броневский	
Товарищу по камере. <i>Перевод М. Живова</i> . .	275
Последний крик. <i>Перевод А. Ревича</i>	276
Честь и граната. <i>Перевод В. Луговского</i> . . .	278
No pasará! <i>Перевод А. Ревича</i>	278
Оружие к бою. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	278
Что мне грустить! <i>Перевод Б. Слуцкого</i> . . .	279
Польским евреям. <i>Перевод В. Бурича</i>	280
Баллада о пятидесяти. <i>Перевод М. Живова</i> . .	281
Леопольд Стафф	
Первая прогулка. <i>Перевод Д. Самойлова</i> . . .	284
На разрушение памятника Шопену в Варшаве. <i>Перевод В. Левика</i>	285
Юлиан Тувим	
Цветы Польши. (<i>Фрагмент</i>). VII. Молитва. <i>Перевод М. Живова</i>	286
Мать. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	287
Политические ямбы. (<i>Отрывок</i>). <i>Перевод Д. Самойлова</i>	288

Ярослав Пвашкевич	
На подъем бронемосца «Гнейзенау». <i>Перевод</i>	
<i>Я. Хележского</i>	290
Мир. <i>Перевод М. Живова</i>	291
Антоний Слонимский	
* Две отчизны. <i>Перевод А. Эппеля</i>	292
* Тот соотечественник мне. <i>Перевод А. Эппеля</i>	293
* Песнь о Япуше Корчаке. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	293
* Liberté. <i>Перевод А. Эппеля</i>	295
Юлиан Пишбось	
Няке. <i>Перевод А. Ревича</i>	296
Декабрь весны сорок третьей. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	297
Ноябрьская ночь. <i>Перевод С. Кирсанова</i>	297
Над убитым повстанцем. <i>Перевод В. Бурича</i>	298
Мечислав Яструн	
* Памяти казненных. <i>Перевод М. Живова</i>	299
* Война в степи. <i>Перевод П. Железнова</i>	299
Зима 1945. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	300
Посвящение. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	301
Константы Ильдефонс Галчинский	
Песнь о солдатах с Вестерплатте. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	303
Дифирамб в честь мира. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	304
* Отчизна. <i>Перевод А. Ревича</i>	305
Адам Важик	
История. <i>Перевод В. Арцимовича</i>	308
Сердце гранаты. <i>Перевод Н. Модзалевской</i>	308
* Приход. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	309
* Няке. <i>Перевод Н. Глазкова</i>	310
Станислав Рышард Добровольский	
Приказ Варшаве. <i>Перевод С. Свяцкого</i>	311
Молодым. <i>Перевод М. Живова</i>	312
Варшавским заборам. <i>Перевод А. Ревича</i>	312
Старе Место победит. <i>Перевод А. Эппеля</i>	313
Люциан Шенвальд	
Баллада о Черном батальоне. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	314
В стенах. <i>Перевод В. Луговского</i>	316
Станислав Ежи Лец	
* Песня. <i>Перевод В. Британишского</i>	319

* У матушки в Буйках. <i>Перевод В. Британишского</i>	319
Леон Пастернак	
* В Польшу. <i>Перевод М. Павловой</i>	322
Ежи Путрамент	
Проход тапков. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	323
Виптовка. <i>Перевод М. Светлова</i>	323
Кшиштоф Камиль Бачинский	
«Был мой народ словно мощное древо...» <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	326
С головою на карабине. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	327
Из лесу. <i>Перевод А. Ревича</i>	328
Тадеуш Боровский	
Песня. <i>Перевод Л. Тоома</i>	330
«Глухая ночь. Нависли звезды...» <i>Перевод В. Бурича</i>	331
Допрос. <i>Перевод Л. Тоома</i>	331
«Друг друга мы не понимаем...» <i>Перевод А. Ревича</i>	332
Тадеуш Ружевич	
Мать повешенных. <i>Перевод Р. Фиша</i>	334
Доля. <i>Перевод М. Павловой</i>	335
Косичка. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	335
Избиение детей. <i>Перевод В. Бурича</i>	336
Вислава Шимборская	
* Слово о любви к родной земле. <i>Перевод А. Ревича</i>	337
Голодный лагерь близ Ясло. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	338

ПОЭТЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Василий Лебедев-Кумач	
Священная война	343
Маргарита Агашина	
Стихи о моем солдате	344
Маргарита Алигер	
«С пулей в сердце...»	346
Павел Антокольский	
«В страшный час мировой этой ночи...»	348

Ашпа Ахматова	
Мужество	350
Демьян Бедный	
Я верю в свой парод	351
Визма Беллешвиц	
«Рӯена — лестницы, лестницы, лестницы...» <i>Перевод с латышского В. Микушевича</i>	352
Ольга Берггольд	
Разговор с соседкой	353
Накануне	354
Петрусь Бровка	
Возвращение музыканта. <i>Перевод с белорусского А. Прокофьева</i>	357
Дебора Вааранди	
Ткачиха. <i>Перевод с эстонского С. Евсеевой</i>	359
Константин Ваншенкин	
Алеша	360
Возложение венков	361
Ояр Вацпетис	
Перед операцией. <i>Перевод с латышского Л. Азаровой</i>	362
Сергей Викулов	
Баллада о хлебе	364
Евгений Винокуров	
«В полях за Вислой сонной...»	367
Юрпй Воронов	
Из писем на Большую землю	368
Расул Гамзатов	
Журавли. <i>Перевод с аварского Н. Гребнева</i>	370
Мираа Геловани	
Простите. <i>Перевод с грузинского Ю. Полухина</i>	371
Александр Гитович	
Солдаты Волхова	372
Семён Гудзенко	
Перед атакой	374
«Я был пехотой в поле чистом...»	375
Джамбул Джабаев	
Ленинградцы, дети мои! <i>Перевод с казахского М. Тарловского</i>	376
Муса Джалиль	
Не верь! <i>Перевод с татарского И. Френкеля</i>	379
Евгений Долматовский	
Песня о Днепре	380

Юлия Друниша	
Зипка	381
Михаил Дудин	
Соловыи	383
Евгений Евтушенко	
«Хотят ли русские войны?..»	387
Владимир Жуков	
Якову Шведову	388
Николай Заболоцкий	
В этой роще березовой	390
Михаил Зенкевич	
Найденши	392
Вера Инбер	
Трамвай идет на фронт	394
Михаил Исаковский	
В прифронтовом лесу	396
Русской женщине...	397
Враги сожгли родную хату...	399
Мустаи Карим	
Цветы на камне. <i>Перевод с башкирского В. Тушиновой</i>	401
Дмитрий Кедрин	
«Весь край этот, милый навеки...»	402
Алим Кешоков	
Незавершенный портрет. <i>Перевод с кабардинского М. Петровых</i>	404
Петр Комаров	
Суигарийские болота	405
Юрий Кузнецов	
Возвращение	406
Аркадий Кулешов	
На Минском шоссе. <i>Перевод с белорусского автора</i>	407
Мать. (<i>Народная баллада</i>). <i>Перевод с белорусского М. Исаковского</i>	408
Кайсын Кулнев	
«Война велика, бесконечны поля...» <i>Перевод с балкарского В. Звягинцевой</i>	411
Владимир Лифшиц	
Баллада о черстве куске	412
Михаил Луконин	
Пришедшим с войны	415

Сталинградский театр	416
Андрей Лупан	
Звезда. <i>Перевод с молдавского Ю. Левитанского</i>	419
Михаил Львов	
«Чтоб стать мужчиной — мало им родиться...»	421
Григорий Люшин	
Снег	422
Николай Майоров	
Мы	423
Андрей Малышко	
«Мой друг, придем когда-нибудь домой...» <i>Перевод с украинского М. Шехтера</i>	425
Современная баллада. <i>Перевод с украинского Я. Козловского</i>	425
Алексей Марков	
Расстрел	428
Михаил Матусовский	
На безымянной высоте	429
Эдуардс Межелайтис	
Живая земля. <i>Перевод с литовского Э. Шишовой</i>	431
Александр Межиров	
Коммунисты, вперед!	432
Музыка	435
Сергей Наровчатов	
Дорога в Тчев	437
Солдаты свободы	438
О главном	439
Андрей Педогонов	
22 июня 1941 года	440
Помма Нурбердыев	
Путь монах сапог. <i>Перевод с туркменского Г. Весселкова</i>	441
Булат Окуджава	
До свидания, мальчики	442
Сергей Орлов	
«Его зарыли в шар земной...»	444
«Опять на старую гляжу...»	444
«Когда это будет, не знаю...»	445
Лев Ошанин	
Дороги	447

Борис Пастернак	
Страшная сказка	449
Леонид Первомайский	
Земля. <i>Перевод с украинского М. Алигер</i> . .	450
Мария Петровых	
«Я думала, что ненависть — огонь...»	453
Григорий Поженян	
Эпилог	454
Александр Прокофьев	
«Есть что вспомнить всем нам, — будем живы...»	455
Фронтная дорога	455
Расул Рза	
Свеча. <i>Перевод с азербайджанского М. Алигер</i>	457
Николай Рыленков	
Из дневника	458
Максим Рыльский	
Колыбельная. <i>Перевод с украинского В. Турганова</i>	460
Давид Самойлов	
Сороковые	461
Михаил Светлов	
Итальянец	463
Родные женщины	464
Илья Сельвинский	
Баллада о ленинизме	466
Константин Симонов	
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»	470
«Жди меня, и я вернусь...»	472
Борис Слуцкий	
Кёльнская яма	474
Ярослав Смеляков	
Судья	476
«Вот опять ты мне вспомнилась, мама...» . . .	477
Сергей Смирнов	
Обратный путь	479
Марк Соболь	
Зимой сорок первого	480
Владимир Соколов	
Начало	482
Анатолий Софронов	
Бессмертник	485
Николай Старшинов	
«Солдаты мы...»	487

Василий Субботин	
Эпиграф	488
Георгий Суворов	
«Еще утрами черный дым клубится...»	489
Омор Султанов	
День Победы. <i>Перевод с киргизского П. Фоякова</i>	490
Алексей Сурков	
«Бьется в тесной пещурке огонь...»	491
Жизнь и мечта	491
«Частоколы, колючки, траппен, рвы...»	492
Максим Танк	
Варшава в день поминовения. <i>Перевод с белорусского Я. Хелемского</i>	494
Александр Твардовский	
Я убит подо Ржевом	496
В тот день, когда окончилась война	501
«Я знаю, никакой моей вины...»	504
Николай Тихонов	
Ночной Сплит	505
Могила красноармейцев на площади в Белграде	506
«Когда все то, что мы любили...»	507
Мирзо Турсун-заде	
Сын твой приезжает. <i>Перевод с таджикского М. Замаховской</i>	509
Уйгун	
Дорога солнца. <i>Перевод с узбекского Н. Ушакова</i>	511
Иосиф Уткин	
Пейзаж	512
Николай Ушаков	
На переднем крае обороны	513
Алексей Фатьянов	
Соловьи	514
Василий Федоров	
Мост	515
Вадим Шефнер	
Зеркало	517
Павел Шубин	
Полмира	519
Степан Щипачев	
22 июня 1941 года	520

Геворг Эмпи

- Первый бой. *Перевод с армянского Ю. Левитанского* 521

Илья Эренбург

- 9 мая 1945 523

Александр Яшин

- Поле 525

- Ленинград, 1942 год. *(Из фронтовых тетрадей)* 526

ПОЭТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**Лацо Новомеский**

- «Когда людей признаешь в людях...» *Перевод со словацкого Б. Слуцкого* 531

Станислав Костка Нейман

- Не измени. *Перевод с чешского М. Павловой* 532

Франё Краль

- Памятная осень. (1938). *Перевод со словацкого Е. Винокурова* 533

Ян Пиларж

- * 17 ноября 1939 года. *Перевод с чешского Т. Глушковой* 535

Франтишек Галас

- Прага. *Перевод с чешского И. Гуровой* . . . 536

Витезслав Незвал

- * Послемюнхенская элегия. *Перевод с чешского В. Корчагина* 537

Павол Горов

- * «Ты поточил кинжал и будь навеки проклят...» *Перевод со словацкого Г. Ефремова* 539

Франтишек Грубин

- Колокола. *Перевод с чешского Б. Слуцкого* . . 540

Янко Есенский

- Концлагерь. *Перевод со словацкого В. Корчагина* 542

Йозеф Чапек

- * «Мертвых сбросили с телеги...» *Перевод с чешского Т. Глушковой.* 543

- * «Так и взлететь бы...» *Перевод с чешского Т. Глушковой* 544

Петер Племницкий	
* Гнейс грапит слюда. <i>Перевод с чешского Т. Глушковой</i>	545
Эмиль Болеслав Лукач	
* <i>Arg poetica. Перевод со словацкого Е. Винокурова</i>	547
Ян Сырек	
* Прага 1942. (Отрывки). <i>Перевод со словацкого Г. Ефремова</i>	549
Йозеф Кайпар	
* Посад с заключенными. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	552
Константин Библ	
Юлиус Фучник в тюрьме. <i>Перевод с чешского Б. Слуцкого</i>	555
Ладо Новомеский	
Вверх тормашками. <i>Перевод со словацкого И. Илова</i>	557
Ян Костра	
* «Стоим одни на лютном холоду...» <i>Перевод со словацкого Г. Ефремова</i>	558
Франя Шрамек	
Лидице. <i>Перевод с чешского М. Павловой</i>	559
Иржи Тауфер	
* Затмение. <i>Перевод с чешского Т. Глушковой</i>	561
Владимир Райзел	
* Огонь. <i>Перевод со словацкого Е. Винокурова</i>	563
Вплем Завада	
Чешская веспа. <i>Перевод с чешского Г. Ефремова</i>	565
Ян Рак	
* Сад иллюзиониста. <i>Перевод со словацкого Е. Винокурова</i>	568
Вплезслав Незвал	
* Историческая картина. I, II. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	570
Павол Горов	
* Звуки горнов. (Отрывок). <i>Перевод со словацкого Е. Винокурова</i>	572
Милош Крно	
Кавказ. <i>Перевод со словацкого Б. Слуцкого</i>	574

Ян Броцко	
Хлеб партпзанский насущный. <i>Перевод со словацкого Б. Слущкого</i>	575
Франтишек Галас	
Баррикада. <i>Перевод с чешского Д. Самойлова</i>	577
Андрей Плавка	
* Песня о герос. <i>Перевод со словацкого Г. Ефремова</i>	581
Мать велит. <i>Перевод со словацкого М. Еремина</i>	582
Константин Библ	
* Перед наступлением. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	583
Мария Пушманова	
* Восстание. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	584
Марцел Герц	
Ползбрь. <i>Перевод со словацкого Б. Слущкого</i>	585
Иван Терек	
Московский оркестр. <i>Перевод со словацкого Б. Слущкого</i>	586
Иван Скала	
Дукла. <i>Перевод с чешского Д. Самойлова</i> . . .	587
Милан Краус	
* Стихи мертвым героям. <i>Перевод со словацкого Е. Винокурова</i>	590
Владимир Голан	
* Тебе, Красная Армия! <i>Перевод с чешского Т. Глушковой</i>	592
Ярмила Урбанкова	
* Праге в мае 1945. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	594
Ян Костра	
* Стихи благодарности. <i>Перевод со словацкого Г. Ефремова</i>	596
Лацо Новомеский	
Анализ. <i>Перевод со словацкого Ю. Левитанского</i>	598
Станислав Костка Нейман	
«И гордым будь...» <i>Перевод с чешского А. Кудрейко</i>	601
Справки об авторах	605

**П67 Поэзия Великой Отечественной войны и анти-
фашистского Сопротивления. Стихи поэтов НРБ,
ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, ЧССР. / Предисл.
С. С. Паровчатова. — М.: Худож. лит., 1980. —
654 с. (Биб-ка Победы).**

Сборник выходит по серии «Библиотека Победы», которую
издают одновременно и в том же составе в НРБ, ВНР, ГДР,
МНР, ПНР, СССР и ЧССР. Он содержит стихотворения поэтов
этих стран, посвященные Великой Отечественной войне совет-
ского народа и антифашистскому Сопротивлению народов мира.

П $\frac{70500-103}{028(01)-80}$ 153-80

СБ

**ПОЭЗИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Редакторы

**В. Мартемьянова,
Л. Полосина, И. Солодухина,
Г. Ярославцев.**

Художественный редактор

Е. Есенико

Технический редактор

Л. Ковнацкая

Корректоры

Г. Асланянц и Л. Коншина

ИБ № 1737

Сдано в набор 6.06.79. Подписано в
печать 29.12.79. Формат 84×108¹/₂. Бу-
мага тип. № 1. Гарнитура «Обыкно-
венная». Печать высокая. Усл. печ. л.
34.44. Уч.-изд. л. 24.029. Тираж 25 000
экз. Изд. № V 2-8-79. Заказ 711.
Цена 2 р. 90 к.

**Издательство «Художественная ли-
тература»**

107078, Москва, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ор-
дена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-тех-
ническое объединение «Печатный
Двор» имени А. М. Горького Союз-
полиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной
торговли. 197136, Ленинград, П-136,
Чкаловский пр., 15

«БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ»

В ознаменование 30-летия Победы над германским фашизмом издательства Советского Союза, Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики осуществляют совместное издание «Библиотеки Победы».

В «Библиотеку Победы» включены многие лучшие произведения писателей этих стран, созданные в годы войны и послевоенное время. Литература стран, участвующих в издании «Библиотеки Победы», представлена разными жанрами: романами, повестями, рассказами, пьесами, поэмами и стихами.

«Библиотека Победы» будет издаваться в 35-ти томах в течение 1975—1980 годов.